



Анатолий Шигапов

# МОСТ НАДЕЖДА

# Анатолий Шигапов

# МОСТ НАДЕЖДА

*<https://litres.ru/74163228>*

*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Мост через Керченский пролив открыт. Алексей возвращается с войны. Катя приезжает в Севастополь. Семья Бондаренко собирается за одним столом впервые за четыре года.

Но война не уходит из них. Она остаётся в письмах, в дневниках, в тишине. Она остаётся в глазах, которые видели слишком много. Она остаётся в мосте, который построен через смерть.

«Мост. Надежда» - о том, как жить после войны. О том, как прощать. О том, как строить мосты не только через пролив, но и через сердца. О том, что любовь сильнее границ. О том, что надежда умирает последней.

Ты не сможешь закрыть эту книгу. Она закроет тебя. Читай.

# Анатолий Шигапов

## МОСТ НАДЕЖДА

Предисловие автора к третьей книге трилогии «МОСТ. Надежда»

Когда я заканчивал вторую - «Крымский мост», - я был уверен, что история закончена. Я ставил точку и верил, что герои заслужили покой.

Но покой не наступил.

Я сидел за столом, смотрел на монитор и чувствовал, что внутри меня что-то осталось недосказанным. Не было той тишины, которая всегда приходит, когда история закончена. Было напряжение. Было ожидание. Была надежда, которая требовала выхода.

Я не знал тогда, что третья книга будет о надежде. Я не знал, что Бондаренко ещё не до конца прошли свой путь. Я не знал, что самое трудное - не уйти и не вернуться, а продолжать верить, когда верить почти невозможно.

Но голоса моих героев звучали во мне. Катя, которая смотрела на море и ждала новостей о брате. Алексей, который стоял на передовой и думал о доме. Лена, которая выходила на крыльцо каждое утро и вглядывалась в горизонт и я понял, что должен продолжить. Должен рассказать эту историю до конца.

## Почему «Надежда»

Название пришло само. Когда я писал вторую книгу, я думал, что назову третью «Возвращение», но чем больше я работал над текстом, тем яснее понимал: эта книга не о возвращении. Она о том, что помогает возвращаться. О том, что держит людей на плаву, когда всё вокруг рушится. О том, что не даёт сдаться, даже когда кажется, что сил больше нет.

Надежда. Она есть у каждого из моих героев. Она разная, но она есть.

Надежда - это не то, что мы чувствуем. Это то, что мы выбираем. Это решение идти вперёд, даже когда не видно дороги. Это обещание, которое мы даём себе и тем, кого любим: «Я не сдамся. Я буду ждать. Я буду верить».

Герои этой книги знают это. Они прошли через потери, через разлуку, через боль. Они видели войну с разных сторон. Они теряли и находили. Они падали и поднимались и они продолжали надеяться.

Потому что надежда - это не слабость. Это сила. Это мужество, которое позволяет смотреть в будущее, даже когда прошлое кажется непробиваемым. Это та самая нить, которая держит мост между людьми, между судьбами, между берегами.

«Мост. Надежда» - это книга о том, как держаться, когда всё рушится. О том, как ждать, когда неизвестность сжимает горло. О том, как верить, когда вера кажется бессмысленной.

Крымский мост - это не просто инженерное сооруже-

ние. Это символ. Символ возвращения. Символ соединения. Символ надежды.

В первой книге мост был далёкой мечтой. Во второй - он стал реальностью, местом встречи, символом возвращения Кати домой. В третьей - он становится чем-то большим. Он становится свидетелем. Свидетелем ожидания, свидетелем веры, свидетелем надежды.

Катя стоит на мосту и смотрит на восток. Она ждёт. Она верит. Она надеется и мост - он тоже ждёт. Он помнит, как она шла по нему в первый раз, как обнимала родителей, как плакала от счастья. Он помнит её улыбку и он знает, что она вернётся. Что она приведёт сюда брата. Что они будут стоять на нём вместе.

Я не знаю, что такое строить мосты, но я знаю, что такое идти по ним. Идти, когда не видно другого берега. Идти, когда ветер бьёт в лицо. Идти, когда ноги подкашиваются от усталости. Идти, потому что знаешь: там, на другом конце, тебя ждут.

Третья книга - самая трудная. Не потому, что в ней больше страданий - их достаточно и в первых двух. А потому, что в ней герои должны не просто выжить. Они должны найти в себе силы жить дальше. Они должны научиться надеяться, когда надежды почти нет.

Катя стала для меня голосом правды. Она прошла путь от пропаганды к честности, от ненависти к прощению, от изгнания к возвращению. В третьей книге она идёт дальше. Она

не просто вернулась - она осталась. Она строит свою жизнь на этой земле. Она пишет правду, даже когда это опасно. Она ищет брата, даже когда все говорят, что это безнадежно. Она надеется, даже когда надежда кажется глупой.

Алексей научил меня, что война - это не героика и не подвиг. Это грязь, кровь, страх и потерянные друзья, но это ещё и братство, верность и та особая, мужская любовь, которая не говорит громких слов, но всегда прикрывает спину. Он научил меня, что солдат - это не тот, кто не боится. Это тот, кто идёт в бой, несмотря на страх. Кто защищает тех, кто не может защитить себя. Кто строит мосты через пропасти, чтобы его семья могла пройти по ним в безопасное место.

Лена научила меня, что ждать - это не пассивность. Это активный выбор. Это форма любви, которая сильнее войны, сильнее расстояния, сильнее времени. Она научила меня, что женская сила - это не громкие слова и не боевые подвиги. Это умение сохранять дом, когда весь мир рушится. Это умение верить, когда верить почти невозможно. Это умение улыбаться сыну и говорить: «Папа вернётся», даже когда внутри всё сжимается от страха.

Анна и Андрей научили меня, что родительская любовь не умирает, даже когда дети далеко. Что она становится сильнее, тверже, выносливее. Что она ждёт годами, не теряя надежды. Что она строит дома, пишет письма, читает стихи и молится - каждый день, каждую ночь.

Андрейка научил меня, что детская вера - это самое силь-

ное оружие в мире. Что она не знает сомнений, не признаёт компромиссов, не подчиняется страху. Что она может держать семью на плаву, даже когда взрослые готовы сдаться. Что она - та самая нить, которая соединяет прошлое и будущее.

Третья книга охватывает события нескольких лет. С того самого дня, когда мир изменился навсегда. Мы видим, как война входит в жизнь каждого из героев, как она ломает их планы, как она заставляет их пересматривать всё, что они знали о себе и о мире.

Время в этой книге течёт по-разному. Иногда оно тянется бесконечно долго -, как те часы ожидания, когда ты не знаешь, жив ли твой близкий. Иногда оно пролетает мгновенно -, как те секунды, когда ты снова видишь того, кого ждал годами. Я хотел, чтобы читатель почувствовал это. Чтобы он прожил с героями их время - и их вечность.

Пространство тоже играет важную роль. Мы перемещаемся между Донецком и Киевом, между Севастополем и Симферополем, между Стамбулом и Крымом. Каждое место в этой книге - не просто фон. Это часть души героев. Это то, что они любят, что они защищают, что они теряют и что они находят заново.

Крымский мост - это не просто место на карте. Это пространство между прошлым и будущим, между уходом и возвращением, между разлукой и встречей. Это место, где надежда становится реальностью.

Война в этой книге - не просто фон. Это действующее лицо. Она входит в каждый дом, в каждое сердце, в каждую судьбу. Она ломает, калечит, убивает. Она заставляет героев выбирать между правдой и ложью, между жизнью и смертью, между любовью и ненавистью.

Но война не побеждает. Она не может победить, потому что есть то, что сильнее её. Есть любовь. Есть вера. Есть надежда. Есть правда. Есть дом.

Эта книга не о войне. Она о том, что война не может разрушить. О том, что остаётся, когда всё разрушено. О том, что мы строим на руинах.

Мир в этой книге - не просто отсутствие войны. Это состояние души. Это когда ты знаешь, что тебя любят. Когда ты знаешь, что есть место, куда ты можешь вернуться. Когда ты знаешь, что правда сильнее лжи.

Герои этой книги ищут мир. Не внешний - внутренний. Мир в душе, который не могут разрушить никакие бомбы. Мир в сердце, который не могут отнять никакие потери. Мир в доме, который не могут сжечь никакие пожары.

И они находят его - каждый по-своему, каждый в своё время, каждый ценой своих усилий.

Когда я писал последнюю главу этой книги, за окном был рассвет. Такой же, как тот, с которого начиналась первая глава первой книги. Я сидел за столом, смотрел на монитор и чувствовал, как внутри меня разливается тихая, спокойная радость.

Я сделал это. Я рассказал эту историю до конца. Я построил этот мост - не из бетона и стали, а из слов, из боли, из надежды, из любви.

Я не знаю, сколько людей прочитают эту книгу. Я не знаю, поможет ли она кому-то найти свой путь домой, но я знаю одно: я вложил в неё всё, что у меня было. Всю свою любовь, всю свою боль, всю свою надежду.

Бондаренко не сдаются. Эта фраза стала для меня не просто девизом книги, а принципом жизни. Я не сдался, когда писал первую книгу. Я не сдался, когда писал вторую. Я не сдался, когда писал третью.

И я надеюсь, что вы тоже не сдадитесь. Что бы ни случилось в вашей жизни, какой бы тёмной ни казалась дорога, помните: есть мост и он приведёт вас домой.

Надежда есть. Всегда. Даже когда кажется, что её нет. Даже когда ты не чувствуешь её. Даже когда ты готов сдаться. Она есть. Просто иногда нужно немного подождать, чтобы увидеть её свет.

*Анатолий Шигапов*

## КНИГА ТРЕТЬЯ: МОСТ НАДЕЖДЫ

### Глава 27. Исповедь

#### Часть 1. Письмо матери

Воздух в Киеве в те мартовские дни казался вязким, как застывший мед, и одновременно хрупким, как стекло. Го-

род жил в странном ритме: гул пустых магистралей, эхо собственных шагов в опустевших супермаркетах и эта особенная, почти физически ощутимая тишина, которая бывает только перед самым сильным грозовым фронтом. Эта тишина давила на уши, заставляла прислушиваться к каждому шороху за окном, к каждому дальнему гулу, который мог оказаться, как отголоском стройки, так и предвестником беды. Именно в этой гнетущей, напряженной паузе, когда время словно растянулось в бесконечную резиновую ленту, Катя села за стол, чтобы написать матери. Это было не просто письмо - это была исповедь, которую она вынашивала в себе почти восемь лет.

Она не могла больше носить этот груз. Он въелся в ее плечи, искривил осанку, сделал ее взгляд тяжелым и потухшим. Каждый раз, когда она смотрела в зеркало, она видела не ту целеустремленную девушку, которая когда-то мечтала о журналистской славе, а чужое лицо - лицо человека, который предал себя. Она писала это письмо не один день. Оно стало для нее своеобразным ритуалом очищения, мучительным и необходимым.

Сидя за своим старым письменным столом в квартире на Оболони, где за окнами вместо привычного шума проспекта теперь стояла звенящая пустота, она комкала один лист за другим. Корзина для мусора быстро наполнилась скомканными бумажными шарами. Ей казалось, что буквы на бумаге слишком жирные, слишком пафосные, или, наоборот, слиш-

ком бледные и трусливые. Она пробовала начать с оправданий - «я была молода», «меня обманули», но эти фразы вызывали у нее самой тошноту. Оправдания были ложью, а она поклялась себе, что в этом письме не будет ни грамма неправды.

Наконец, глубокой ночью, когда за окном погасли последние огни соседних домов (комендантский час вступил в свои права), она взяла чистый лист. Ее рука дрожала, но она заставила себя писать ровно и аккуратно, словно выводя каждую букву, словно пытаясь зафиксировать на бумаге не просто слова, а куски собственной души, которые она отрезала и выкладывала перед матерью.

Она писала о 2014-м. О том, как легко и бездумно она шагнула в ту воронку ненависти. «Я называла их зверями, мама. Я вкладывала в эти слова всю свою юношескую ярость, не думая о том, что у этих «зверей» есть матери, жены, дети. Я не видела в них людей. Я видела картинку, которую мне нарисовали, и я старательно дорисовывала ее самыми черными красками». Она описывала студию, запах горячих софитов, сухой воздух и тот липкий страх, который заставлял ее говорить громче и злее, чтобы заглушить внутренний голос, который шептал: «Остановись».

Катя признавалась в своем малодушии. Она боялась потерять работу, боялась показаться слабой, боялась, что коллеги отвернутся от нее, если она начнет задавать неудобные вопросы. Она была частью машины, которая перемалы-

вает судьбы, и она крутила педали, даже когда чувствовала, что это неправильно. «Я думала, что служу правде, - писала она, и на бумагу упала капля туши, расплываясь чернильным пятном, но я служила страху. Своему страху».

Она перечитывала свои старые репортажи, которые нашла в архивах на ноутбуке. Сначала она хотела их удалить, стереть все следы, но потом поняла, что это было бы трусостью. Она заставляла себя смотреть на себя прежнюю: наглая улыбка, уверенный взгляд, резкие, рубленые фразы, которые сеяли ненависть и каждый раз, глядя в глаза себе прошлой, она чувствовала физический приступ отвращения. Ее мутило от собственного голоса, записанного на видео. Она чувствовала себя предательницей. Предательницей не только по ту сторону фронта, но и по эту. Потому что ложь, которую она транслировала, разрушала общество, в котором она жила, разъедала ткань реальности, превращая соседей во врагов.

«Я хочу, чтобы ты знала, мама: я не та, кем ты меня считала. Я не та гордая и честная девочка, которую ты проводила в институт. Я сломалась тогда, в самом начале и я собирала себя по кускам все эти годы. Собирала, чтобы сейчас, в этом аду, когда мир рушится, наконец посмотреть правде в глаза».

В конце письма она просила прощения. Не формально, не для галочки. Она умоляла о нем, понимая, что не имеет на это права. Она писала, что мать может проклясть ее или

отвернуться, и она примет это. Потому что честность - это единственное, что осталось у нее в жизни. «Если сможешь, прости меня. Если нет - я пойму, но я не хочу умереть, так и не сказав тебе правды. Потому что сейчас, когда каждый день может стать последним, ложь тяжелее пули».

Закончив, она долго сидела неподвижно, глядя на исписанный лист. Свеча на столе (света не было уже вторые сутки) догорала, отбрасывая на стену танцующие, тревожные тени. Катя чувствовала странное опустошение. Словно она выпотрошила себя, но на месте этой пустоты начало зарождаться что-то чистое и новое.

Она аккуратно сложила письмо в старый, пожелтевший конверт, который нашла в ящике стола. Она вывела на нем адрес материнского дома в Полтавской области - адрес, который стал для нее символом потерянного рая. Она запечатала конверт и долго держала его в руках, чувствуя тяжесть бумаги. Это был не просто конверт. Это был свинцовый груз, который она сбросила с души.

На следующий день, рискуя жизнью и нарушая комендантский час (ей пришлось уговаривать патруль, объясняя, что это крайне важно), она отправила письмо. Она стояла на почте, смотрела, как конверт исчезает в недрах ящика, и чувствовала, как внутри разливается смесь ледяного страха и жгучего облегчения. Она была, как канатоходец, сделавший шаг в пустоту. Теперь оставалось только ждать: упадет она или нет.

Возвращаясь домой через пустынные улицы, мимо заколоченных витрин и сгоревших машин, Катя впервые за долгое время чувствовала себя живой. Она сделала выбор. Она больше не пряталась и даже если мать не ответит, даже если мать отвернется, она знала, что путь к исцелению начат. Она будет ждать ответа, сколько потребуется, потому что ждать - это тоже часть ее правды, ее борьбы. Борьбы не за жизнь, а за право быть собой и в этой борьбе, среди обломков старого мира, она нашла свою опору - в честности, какой бы горькой она ни была.

## Часть 2. Ожидание

После того, как конверт исчез в почтовом ящике, время для Кати словно остановилось. Оно больше не текло привычной рекой - оно превратилось в густую, вязкую смолу, в которой каждый день тонул в бесконечном ожидании. Апрельское небо над Киевом было обманчиво ясным, но Катя смотрела на него с чувством, будто над её головой нависла тяжёлая, серая туча, готовая разразиться грозой. Она ждала. Это ожидание стало её новым состоянием, её постоянным фоном, её тихим, но навязчивым спутником.

Каждое утро она просыпалась с одной мыслью: «*Не пришло ли?*» Она бесшумно подходила к двери, боясь ступить громко, словно этим могла спугнуть долгожданную весть. Она заглядывала в почтовый ящик с чувством, похожим на детский страх перед тёмной комнатой - она одновременно боялась найти там письмо и боялась не найти его. Иногда,

когда она видела белый край конверта, её сердце подпрыгивало и замирало, но в большинстве случаев это оказывались счета или рекламные листовки, которые казались ей насмешкой судьбы. Она сжимала их в руке и комкала, чувствуя, как разочарование холодной змеёй обвивается вокруг её души.

Дни превратились в бесконечную череду тревожных часов. Катя перестала спать нормально - она ложилась, закрывала глаза, но вместо отдыха перед ней вставали картины прошлого, лица людей, которых она оскорбила своими репортажами, искажённые болью лица, которые она никогда не видела в реальности, но которые теперь преследовали её по ночам. Она просыпалась в холодном поту, сжимая простыню так сильно, что костяшки пальцев белели. Ей казалось, что она слышит голос матери - то ли плачущий, то ли гневный, но она не могла разобрать слов. Это была пытка - ожидание, которое разъедало её изнутри, как кислота.

Она начала избегать разговоров о письме. Когда Ярина приходила навестить её, Катя старалась переводить тему на бытовые мелочи: обсуждала сводки новостей, говорила о том, как трудно теперь достать продукты, жаловалась на перебои со светом, но Ярина - чуткая и внимательная - видела это всё насквозь. Она замечала, как Катя рассеянно смотрит в одну точку, как её пальцы нервно теребят край одежды, как она вздрагивает от любого шороха, надеясь услышать шаги почтальона.

Однажды вечером, когда город снова погрузился в темноту из-за отключений, а свечи отбрасывали на стены длинные, дрожащие тени, Ярина под села к Кате на диван. Она взяла её руки в свои - руки Кати были холодными, словно она всю жизнь провела на морозе.

- Катя, тихо начала Ярина, - ты убиваешь себя этим ожиданием. Ты не ешь, ты почти не спишь. Ты превратилась в тень.

- Я не могу иначе, Ярина, - прошептала Катя, и её голос сорвался на хрип. - Каждый раз, когда я слышу шаги в коридоре, я думаю: *«Это она. Она пришла. Она хочет сказать мне что-то в лицо»*. А потом я понимаю, что это просто соседи, и я чувствую такое разочарование, что мне хочется кричать, но одновременно я боюсь этого момента. Я боюсь прочитать её слова. Что, если она напишет, что больше не хочет меня знать? Что я для неё мертва?

Ярина сжала её ладони крепче. В полумраке свечи её глаза блестели влажным, тёплым светом.

- Послушай меня, сказала она, и в её голосе зазвенела та особенная, глубокая уверенность, которая была присуща только ей. - Ты написала ей правду, Катя. Самую страшную, самую горькую правду, которая была у тебя. Ты не побоялась быть уязвимой перед ней. Это требует невероятной смелости и знаешь, что я поняла за эти годы? Истинная любовь матери не зависит от того, сколько ошибок совершил её ребёнок. Она не считает их, она не взвешивает их на весах справед-

ливости. Она просто *видит*. Видит твою душу, видит твои муки, видит твоё раскаяние. Твоя мама не отвернётся от тебя, потому что она всегда знала, кто ты на самом деле, даже когда ты сама этого не знала.

- А если она не сможет простить меня, потому что я причинила слишком много боли? - спросила Катя, и её голос дрогнул, а по щеке скатилась первая слеза, оставляя за собой мокрый след в пыли на её лице, что если она посмотрит на меня и увидит только ту журналистку с экрана, которая сеяла ненависть? Ту, которую она, возможно, даже не узнает сейчас?

Ярина покачала головой. Она протянула руку и осторожно вытерла слезу с щеки Кати.

- Она увидит свою дочь. Ту, которая плачет сейчас у меня на плече. Ту, которая признала свои ошибки и готова платить за них ценой. Ту, которая не ищет оправданий. Она увидит тебя. Настоящую и поверь мне, Катя, для матери этого достаточно. Ты боишься, что она осудит тебя, но разве ты сама уже не осудила себя в тысячу раз сильнее? Ты уже отбыла своё наказание, Катя. В аду собственной совести. Теперь пришло время для прощения.

Катя долго молчала. Она смотрела на язычок пламени, который плясал на фитиле свечи, и чувствовала, как внутри неё медленно, как первый ручей после зимы, начинает таять ледяная глыба страха. Она понимала, что Ярина права - она уже прошла через самое страшное наказание, которое толь-

ко можно было придумать: она уничтожила ту ложную личность, которой жила годами, и осталась стоять на руинах своего прошлого.

- Спасибо тебе, - прошептала Катя, прижимаясь к плечу подруги. - Ты всегда знаешь, что сказать. Иногда мне кажется, что ты видишь меня лучше, чем я сама себя вижу.

- Это потому что я тебя люблю, - просто ответила Ярина, и в этих словах не было ни капли пафоса, только чистая, тёплая правда.

В ту ночь Катя впервые за долгое время уснула без кошмаров. Ей снилась не война, не бомбоубежище, не лица тех, кого она предала. Ей снилась её мать, сидящая за кухонным столом с чашкой чая, и на её лице была мягкая, немного грустная, но тёплая улыбка. Во сне мать не говорила ни слова, но Катя знала, что она всё поняла и это знание согревало её, как одеяло, в которое она укуталась с головой, спасаясь от зимнего холода.

Прошли ещё несколько дней. Катя перестала бегать к почтовому ящику каждые два часа. Она позволила себе жить, позволила себе дышать. Она начала помогать соседям, собирать вещи для волонтеров, даже вернулась к черновикам новых, честных статей, которые она хотела написать. Ожидание перестало быть пыткой - оно стало её спутником, тихим, но не враждебным. Она поняла, что ответ придёт тогда, когда он должен прийти, и что она готова принять его любым.

И в один из таких апрельских дней, когда солнце уже при-

пекало по-весеннему, а воздух наполнился запахом набухающих почек и земли, готовой к пробуждению, она открыла почтовый ящик, и сердце её остановилось. Там лежал конверт. Не такой, как те, что она видела раньше. Другой. С её адресом, написанным знакомым, чуть дрожащим почерком, который она узнала бы из тысячи других.

Это был ответ.

Катя стояла у ящика, держа конверт в руках, и чувствовала, как мир вокруг неё сужается до размеров этого белого прямоугольника бумаги. Её пальцы дрожали. Она не могла открыть его там, на лестнице, под любопытными взглядами соседей. Она поднялась в квартиру, закрыла дверь на засов, села на пол в прихожей и долго смотрела на конверт, собираясь с силами.

Она знала, что сейчас начнётся новая глава её жизни и что, какой бы ни была эта глава - радостной или полной боли, - она встретит её мужественно. Потому что она больше не та, кто бежит от правды. Она та, кто идёт ей навстречу.

Она разорвала конверт. Внутри лежал листок бумаги, аккуратно сложенный вчетверо. Катя развернула его и начала читать, чувствуя, как сердце колотится о рёбра, и воздух застревает в горле. Она читала и не могла поверить своим глазам. Каждое слово матери отзывалось в ней эхом, наполняя ту пустоту, которая образовалась в её душе после отправки письма.

И в ту секунду она поняла: прощение существует и оно

начинается с веры в то, что любовь сильнее любых ошибок. Она плакала, сидя на полу в полумраке прихожей, но это были слёзы облегчения. Она была дома. Она была прощена. Она могла жить дальше.

### Часть 3. Ответ

Ответ пришёл в середине мая, когда весна уже окончательно вступила в свои права, наполнив воздух теплом и светом. Катя сразу узнала почерк матери - аккуратный, ровный, с теми особенными завитушками, которые она помнила с детства, когда мать подписывала её школьные тетради и оставляла записки в её комнате. Она взяла конверт, чувствуя, как её сердце бьётся быстрее, как руки слегка дрожат от волнения. Она вскрыла его медленно, словно боясь, что внутри может быть что-то, что разрушит её надежды. Когда она вынула письмо и начала читать, её глаза пробежали по строкам, и каждое слово матери проникало в её душу, как тёплый свет, который разгонял тьму. Анна писала:

«Катюша, здравствуй, моя родная дочка!

Я получила твоё письмо и прочитала его несколько раз, впитывая каждое слово, которое ты написала. Я сидела за столом, держа его в руках, и чувствовала, как слёзы текут по моим щекам, но это были не слёзы обиды или боли, как ты, наверное, думаешь. Это были слёзы гордости за тебя, за то, какой ты стала, за то, что ты нашла в себе силы признать свои ошибки и сказать правду.

Знаешь, Катюша, я ведь тоже не сразу поняла, что про-

исходит. Когда Крым вернулся в Россию, я радовалась, но в то же время боялась, переживала, что мы делаем что-то неправильно. Я не знала, правильный ли выбор мы делаем, но я знала одно: я хочу, чтобы мои дети были счастливы. Я хочу, чтобы ты, Алёша, все мы могли жить в мире и любви, несмотря на все испытания.

Ты не врала, дочка. Ты ошибалась. Это разные вещи. Ошибаться могут все, и это не делает нас плохими людьми. Главное - найти в себе силы признать свои ошибки и исправить их и ты это сделала. Ты уже искупила свою вину - своими честными репортажами, своей книгой, своей работой. Ты показала людям правду, ты помогла им увидеть свет в этой тьме. Я горжусь тобой, Катюша, и я люблю тебя больше, чем могу выразить словами.

И я тебя прощаю. Хотя прощать было нечего, потому что я никогда не держала на тебя зла. Я всегда знала, что ты найдёшь свой путь. Твоя мама».

Катя прочитала письмо, и слёзы хлынули из её глаз, как освобождающий дождь, который очищает всё вокруг. Она сидела на балконе своей квартиры, держа в руках письмо, которое было для неё, как мост между прошлым и будущим, как подтверждение того, что она не одна, что её любят и понимают. Она плакала от облегчения, от счастья, от того, что мать приняла её признание не с осуждением, а с любовью и гордостью. Эти слёзы были для неё очищением, освобождением от той тяжести, которую она носила в себе столько лет,

от той вины, которая мешала ей жить и дышать полной грудью. Она чувствовала, как внутри неё поднимается то спокойное, тёплое чувство, которое бывает только тогда, когда ты знаешь, что тебя простили, что тебя любят, что ты можешь двигаться дальше. Она перечитала письмо ещё раз, и каждое слово матери наполняло её сердце той уверенностью, которую она так долго искала. Она знала, что теперь она может начать новую главу своей жизни - главу, в которой нет места лжи и страхам, главу, в которой есть только правда, любовь и надежда. Она подошла к окну, посмотрела на весеннее небо, на цветущие деревья и почувствовала, как её душа наполняется покоем. Она знала, что этот ответ стал для неё не просто прощением, а началом новой жизни - жизни, в которой она может быть собой, не боясь ошибок прошлого и она будет продолжать идти по этому пути, строя свои мосты, соединяя сердца, и веря в то, что любовь сильнее всего. Потому что она - Бондаренко, а Бондаренко не сдаются. Они идут до конца, что бы ни случилось, и они будут продолжать строить свои мосты, соединяя сердца и судьбы, несмотря на все преграды, которые будут возникать на их пути и они будут помнить, что это единственное, что имеет значение в этом мире - любить, верить и строить, потому что это делает их людьми, это делает их сильными, это делает их свободными и они будут продолжать жить, потому что это их жизнь, их выбор, их путь и они будут идти по нему до самого конца, потому что они знали: они не одни, у них есть

друзья, и это самое важное и они будут ждать того дня, когда все их близкие соберутся вместе, и они смогут обнять друг друга и сказать, как они любят друг друга и это знание согревало их сердца даже в самые холодные ночи, когда политические игры и войны казались бесконечными. Они знали, что их любовь и их вера сильнее любых слов, и что они будут стоять, как мост, который они построили вместе, несмотря на все бури и штормы и они будут продолжать жить, потому что это их дом, их земля, их правда.

#### Часть 4. Разговор с Яриной

Письмо матери лежало на столе, и Катя перечитывала его снова и снова, пока строки не начали расплываться перед глазами. Она знала их почти наизусть - каждое слово, каждую запятую, каждый завиток букв, выведенных родной рукой. *«Я прощаю тебя, доченька. Я горжусь тем, что ты нашла в себе силы признаться. Это самое трудное, что может сделать человек - посмотреть в глаза собственной тени. Я всегда буду любить тебя, какой бы путь ты ни выбирала. Ты моя дочь, и ты - моё сердце».*

Эти слова грели её изнутри, но странное дело - вместе с теплом в ней прорастала и другая, более колючая эмоция. Она не могла до конца поверить, что заслужила это прощение. Она чувствовала себя мошенницей, которая обвела вокруг пальца даже собственную мать. Казалось, что внутри неё поселился судья, который не собирается закрывать дело и ей нужен был кто-то, кто разорвёт этот замкнутый круг.

Ярина пришла к ней сама - без звонка, без предупреждения, просто появившись на пороге с пакетом свежих яблок и той понимающей улыбкой, которая всегда предвещала важный разговор. У неё было врождённое чутьё на боль других людей, и она умела появляться именно в тот момент, когда её присутствие было необходимее воздуха.

- Я знала, что ты сидишь здесь и пережевываешь это письмо, как жвачку, сказала Ярина, снимая лёгкую куртку и вешая её на крючок. В её голосе звучала мягкая насмешка, в которой, однако, чувствовалась глубокая тревога. - Ну-ка, рассказывай. Что там у тебя в голове? Я вижу по глазам - ты себя накручиваешь.

Катя оторвалась от письма и посмотрела на подругу. Её глаза были красными, под ними залегли тёмные круги - следствие бессонных ночей, в которые она прокручивала в голове сценарии своих прошлых ошибок.

- Я не могу это принять, Ярина, сказала она, и голос её сорвался на шёпот. - Понимаешь? Она пишет, что прощает меня. Что гордится. А я смотрю на это письмо и думаю: *«Как? Как она может гордиться той, кто называла живых людей зверями? Кто сеяла ненависть? Кто была винтиком в пропагандистской машине?»* Это, как если бы я украла миллион, а потом вернула рубль и сказала: «Ну всё, я теперь честная». Это смешно. Это несправедливо.

Она замолчала, сжимая письмо в руке так, что края конверта помялись. Ярина подошла к ней, села напротив и взя-

ла её руки в свои.

- Катя, сказала она, и её голос стал тем особенным, ровным и тёплым, который использовался только для самых серьёзных разговоров, - давай я задам тебе вопрос и ты ответишь честно, хорошо?

Катя кивнула, вытирая слёзы ладонью.

- Ты та же самая девушка, которая сидела в той студии в 2014-м и вещала с экрана? В той же шкуре, с теми же мыслями, с тем же сердцем?

- Нет, - едва слышно ответила Катя. - Я изменилась.

- А если бы ты сейчас оказалась в той же студии, с теми же продюсерами, с тем же текстом в телесуфлёре - ты бы повторила эти слова?

- Нет, - повторила Катя, и в этот раз её голос звучал твёрже. - Я бы разбила этот суфлёр. Я бы сожгла этот сценарий. Я бы сказала людям правду.

- Тогда скажи мне, - Ярина чуть наклонилась вперёд, заглядывая в самые глаза Кати, - если ты сейчас уже не та, кем была раньше, если внутри тебя живёт другой человек - за что ты продолжаешь себя наказывать? Ты держишь ответ за чужие грехи. За грехи той, кого уже нет. Ты убила ту журналистку в себе. Ты похоронила её, но ты продолжаешь носить её крест, как будто она всё ещё внутри тебя. Это не гордость, Катя. Это нарциссизм - думать, что твоя вина настолько велика, что её невозможно искупить, но ты уже искупила. Не словами - делами.

Катя смотрела на подругу, и внутри неё что-то переворачивалось. Она пыталась возразить, но слова застревали в горле, потому что она чувствовала: Ярина говорит правду. Она действительно держала себя в тюрьме прошлого, в которой уже давно не было преступника.

«но я не могу просто забыть», - прошептала Катя. - Эти лица... Я помню их, Ярина. Я помню старую женщину из Донецка, которая стояла у разбитого дома и смотрела на меня с такой болью... Я назвала её «пособницей террористов» в репортаже. Я не знала её имени. Я не знала, что у неё погиб сын. Я не знала, что она просто пыталась выжить. А я сделала её врагом., как я могу вычеркнуть это из памяти?

- Ты не вычёркиваешь, - твёрдо сказала Ярина. - Ты будешь помнить это всегда и каждый раз, когда ты будешь брать в руки микрофон, каждый раз, когда ты будешь писать статью, эта старуха будет стоять у тебя перед глазами, но не для того, чтобы терзать тебя, а для того, чтобы напоминать: ты обязана быть честной. Ты обязана быть человечной. Ты обязана проверять факты и видеть за цифрами людей. Это и есть твоё искупление, Катя. Не забыть - а использовать эту память, как компас.

Катя закрыла глаза. Слезы текли по её щекам, но теперь в них не было той жгучей горечи, что была раньше. Было облегчение - усталое, долгожданное, почти физическое.

- Ты такая мудрая, сказала она, открывая глаза и глядя на Ярину с благодарностью. - Откуда в тебе столько силы?

- Это не сила, - улыбнулась Ярина, пожимая её ладони. - Это опыт. Я тоже прошла через ад, Катя. Я теряла людей, я ошибалась, я предавала свои идеалы, когда казалось, что по-другому нельзя, но я поняла одну вещь: если ты не научишься прощать себя, ты никогда не сможешь простить других. А без прощения нет жизни. Есть только выживание. Ты хочешь выживать - или хочешь жить?

Катя задумалась. За окном вечерело, и майское небо окрашивалось в тёплые персиковые тона. Где-то вдалеке слышался гул - то ли далёкий обстрел, то ли просто шум стройки, которая медленно возвращалась к жизни, но в этот момент Катя не боялась. В ней впервые за долгие годы поселилась тишина.

- Я хочу жить, сказала она, и это прозвучало, как клятва. - Я хочу жить по-настоящему. Без фальши. Без масок. Я хочу быть той, кем меня видит мама и кем ты меня видишь.

- Я вижу тебя той, кем ты станешь, - ответила Ярина. - И мне это очень нравится.

Они долго сидели в тишине - две женщины, которые прошли через огонь, воду и медные трубы. Катя смотрела на письмо матери, и теперь оно больше не казалось ей недосыгаемым подарком. Оно было реальным. Осязаемым. Правильным.

Она поняла, что прощение не отменяет её ошибок - оно меняет их вес. Тяжёлый груз вины превратился в ношу ответственности и эту ношу она готова была нести с честью.

- Спасибо тебе, сказала Катя, когда Ярина встала, чтобы уходить. - Ты спасла меня сегодня. Снова.

- Мы спасли друг друга, - ответила Ярина, надевая куртку. - И будем спасать ещё не раз. Потому что это и есть дружба, Катя. Это тот самый мост, о котором ты всегда пишешь.

Она ушла, оставив после себя запах яблок и тёплую пустоту в прихожей. Катя осталась одна, но теперь она не чувствовала себя одинокой. Она подошла к столу, взяла письмо, поднесла его к губам и прошептала:

- Спасибо, мама. Спасибо, Ярина. Я справлюсь. Я обещаю.

Она сложила письмо и убрала его в ящик стола - туда, где хранились самые дорогие вещи. Она знала, что это не конец пути, но это был новый шаг. Шаг вперёд, в ту жизнь, где правда была не оружием, а лекарством и она готова была идти по этому пути до конца - потому что она была Катя, потому что она была Бондаренко, и потому что теперь она знала, что прощение начинается с первого шага навстречу самой себе.

## Часть 5. Письмо отцу

В июне, когда лето уже вступило в свои права, наполнив воздух зноем и запахом цветущих деревьев, Катя села за стол и написала письмо отцу. Она знала, что это письмо было необходимо, чтобы завершить ту главу своей жизни, которая была наполнена ложью и сомнениями. Она знала, что Андрей, её отец, всегда был человеком немногословным, но его

молчание всегда было наполнено той особенной, глубокой мудростью, которая не требовала громких слов. Она знала, что он давно всё понял и простил её, но ей всё равно нужно было сказать ему эти слова, чтобы окончательно очистить свою совесть. Она взяла ручку и начала писать, вкладывая в каждое слово свою искренность, свою боль и свою благодарность за то, что он всегда был рядом, даже когда она отвергала его:

«Папа, я пишу тебе это письмо, потому что я хочу, чтобы ты знал всю правду. Мне очень стыдно за то, что я говорила о Крыме, о России, о вас с мамой. Я была душой, я была слепа, я верила в ложь и повторяла её, не задумываясь о том, что я делаю. Я называла вас предателями, я отвергала всё, что было для вас дорого, я была на другой стороне, думая, что я права, но теперь я понимаю, как сильно я ошибалась. Я понимаю, что вы всегда были правы, что вы всегда любили меня, несмотря ни на что. Спасибо тебе, папа, за то, что ты никогда не отвергал меня, даже когда я была на другой стороне. Спасибо за твоё терпение, за твою любовь, за твою веру в меня. Я люблю тебя. Твоя дочь Катя».

Катя перечитала письмо несколько раз, чувствуя, как каждое слово находит отклик в её сердце, как она вкладывает в него всю свою любовь и надежду, которые так долго ждали выхода. Она запечатала конверт и отправила, зная, что оно дойдёт до отца. Ответ пришёл быстро - Андрей был немногословен, но его слова были на вес золота, как всегда, когда

он говорил о самом важном. Его письмо было коротким, но каждое слово было наполнено той тёплой, отцовской любовью, которая была его чертой:

«Катя, я тебя давно простил. Я всегда знал, что ты найдёшь свой путь, что ты вернёшься к нам. Ты моя дочь, и я тебя люблю. Это единственное, что имеет значение. Твой отец».

Катя прочитала это письмо, и слёзы снова выступили на её глазах, но теперь это были слёзы не боли, а радости и облегчения. Она знала, что её отец, как и мать, принял её, простил её, и что её семья снова стала целой. Она чувствовала, как внутри неё разливается то тихое, спокойное чувство, которое бывает только тогда, когда ты знаешь, что тебя любят, что ты не одна, что у тебя есть место, куда ты всегда можешь вернуться. Она подошла к окну, посмотрела на летнее небо, на цветущие деревья и почувствовала, как её душа наполняется покоем. Она знала, что теперь она может начать новую главу своей жизни - главу, в которой нет места страхам и сомнениям, главу, в которой есть только правда, любовь и надежда и она будет продолжать идти по этому пути, строя свои мосты, соединяя сердца, и веря в то, что любовь сильнее всего. Потому что она - Бондаренко, а Бондаренко не сдаются. Они идут до конца, что бы ни случилось, и они будут продолжать строить свои мосты, соединяя сердца и судьбы, несмотря на все преграды, которые будут возникать на их пути и они будут помнить, что это единственное, что имеет

значение в этом мире - любить, верить и строить, потому что это делает их людьми, это делает их сильными, это делает их свободными и они будут продолжать жить, потому что это их жизнь, их выбор, их путь и они будут идти по нему до самого конца, потому что они знали: они не одни, у них есть друзья, и это самое важное и они будут ждать того дня, когда все их близкие соберутся вместе, и они смогут обнять друг друга и сказать, как они любят друг друга.

### Часть 6. Разговор с братом

Июльское небо над Киевом было выжжено солнцем до бледно-голубого каления. Город медленно учился жить заново - в парках снова появились дети, на рынках торговали черешней и ранними абрикосами, а в воздухе витал запах нагретого асфальта и цветущих лип, но Катя почти не замечала этого летнего возрождения. Она сидела на кухне, сжимая в руке телефон, и смотрела на экран, где горело имя брата. *Алексей*. Она не звонила ему почти месяц. После письма матери, после разговора с отцом, после долгих бесед с Яриной она знала, что остался последний, самый трудный рубеж. Самый важный. Самый личный.

Она набрала номер. Гудки были длинными, прерывистыми - линия шла через поля, через блокпосты, через линии фронта, которые разделяли их не просто расстоянием, а целой пропастью боли. Катя почти физически ощущала, как её голос пробивается сквозь помехи, сквозь тысячи километров проводов и эфира, туда, где её брат находится в совер-

шенно другом мире - в городе, который она когда-то называла вражеским.

Трубку взяли. Голос Алексея - хриплый, уставший, но удивительно тёплый - раздался в динамике:

- Катюха? Ты?

И в этом коротком вопросе было столько всего: и удивление, и радость, и та осторожная надежда, которая появляется, когда ждёшь звонка от близкого человека, но боишься поверить, что он действительно случится.

- Алёша, - выдохнула Катя, и голос её дрогнул. - Я... я должна тебе сказать кое-что. Я должна была сказать это давно, но я боялась. Боялась, что ты отвернёшься, что ты не захочешь меня слушать, но я больше не могу молчать.

Она замолчала, собираясь с мыслями. На той стороне провода слышалось только ровное дыхание брата - он ждал. Он всегда умел ждать, когда она была готова говорить.

- Я написала маме письмо, - начала Катя, и каждое слово давалось ей с трудом, будто она пробивалась сквозь густую стену собственного стыда. - Я призналась ей во всём. В том, что врала в своих репортажах. В том, что называла вас... что называла ополченцев зверями и террористами. В том, что я была частью той машины, которая сеяла ненависть между нами, между Украиной и Донбассом. Между мной и тобой. Я рассказала маме, как мне стыдно, как я ненавижу себя за те слова, которые произносила и она простила меня, Алёша. Она сказала, что гордится мной, но мне этого мало.

Мне нужно, чтобы ты тоже знал. Чтобы ты знал правду от меня. Не от мамы. От меня.

Тишина на той стороне затянулась. Катя слышала, как брат дышит, как где-то далеко на фоне раздаются голоса, гул машин, а потом лёгкий, едва различимый гул - может быть, далёкий выстрел, может быть, гром, а может быть, просто шум её собственного сердца, бившегося где-то в горле.

- Кать, - наконец сказал Алексей, и голос его звучал ровно, но в нём чувствовалась та особенная глубина, которая бывает, когда человек сдерживает слёзы, - ты знаешь, сколько раз я смотрел на экран телевизора и слышал твой голос? Сколько раз я видел твоё лицо, которое называло моих друзей врагами? Это было больно. Это было, как нож в спину, Кать. Не потому, что ты была пропагандисткой. А потому что ты была *моей сестрой* и я не мог понять, как это - быть моей сестрой и говорить такое?

Катя закрыла глаза. Она чувствовала, как слёзы подступают к глазам, и не пыталась их сдерживать. Она заслужила эту боль. Она должна была её услышать.

- Прости меня, - прошептала она. - Я знаю, что прощение не отменяет боли. Я знаю, что я причинила тебе такую боль, которую не залечить словами, но я хочу, чтобы ты знал: я больше не та девушка. Та, что смотрела на тебя через прицел камеры и не видела в тебе человека. Я вырвала эту ложь из себя, Алёша. Я выжгла её и теперь я вижу. Я вижу тебя. Твоего сына. Твою боль. Твою войну и мне так жаль, что я

не видела этого раньше.

Алексей вздохнул - глубоко, протяжно, как человек, который несёт на плечах груз, которого не видно глазу.

- Знаешь, что я думал все эти годы? - спросил он неожиданно мягко. - Я думал не о том, что ты враг. Я думал о том, что ты просто потерялась. Что ты, как и многие, поверила в сказку, которую тебе рассказали, но я всегда знал, что ты найдёшь дорогу назад. Потому что ты - Бондаренко. Мы не умеем долго сидеть во тьме. Мы ищем свет. Даже если для этого нужно разбить лицо о стены.

Катя всхлипнула, прижав ладонь ко рту.

- Ты правда так думаешь? - спросила она, и в голосе её звучала та робкая надежда, которая появляется, когда человек почти поверил в чудо.

- Я не думаю - я знаю, - ответил Алексей. - Ты написала маме. Ты позвонила отцу. Ты позвонила мне. Это не просто слова, Катя. Это поступки. Ты не ищешь оправданий, ты не винишь обстоятельства, ты не говоришь, что тебя заставляли. Ты говоришь: «Я ошиблась» и ты готова нести ответственность. Это и есть взрослость. Это и есть честность и я не просто прощаю тебя, Катя. Я горжусь тобой. Ты поняла? Горжусь. Потому что не каждый способен посмотреть в глаза своей тени и сказать: «Я хочу стать лучше».

«но я же сделала столько плохого», - прошептала Катя, вцепившись в телефон так, что побелели суставы. - Мои репортажи разжигали ненависть. Мои слова могли стать при-

чиной чьей-то смерти., как ты можешь гордиться этим?

- Я горжусь не тем, что ты сделала, - терпеливо ответил Алексей. - Я горжусь тем, что ты *перестала* это делать. Горжусь тем, что ты выбрала правду, даже когда она была дороже всего. Это труднее, Катя. Гораздо труднее. Ошибаться легко. Признавать ошибки - тяжело. Жить с ними - ещё тяжелее и ты живёшь. Ты не сбежала. Ты не закрылась. Ты здесь, ты говоришь со мной. Это и есть та самая любовь, о которой ты всегда пишешь в своих книгах. Это она, Катя.

Катя плакала в голос, не стесняясь. Она слышала голос брата, и в нём не было ни капли осуждения, ни тени презрения. Только тепло. Только та безусловная, глубокая связь, которая не разрывается ни войной, ни расстоянием, ни ложью. Она плакала и одновременно чувствовала, как внутри неё освобождается место - то место, которое годами было занято стыдом, заполняется чем-то новым. Небом. Светом. Возможностью дышать полной грудью.

- Я люблю тебя, Алёша, сказала она, когда смогла говорить. - Я всегда любила. Даже когда я говорила те гадости, внутри меня, где-то глубоко, я любила, но я боялась себе в этом признаться. Теперь я не боюсь.

- Я тоже тебя люблю, сестрёнка, - ответил Алексей, и в его голосе впервые за весь разговор проскользнула лёгкая улыбка. - И передай привет Ярине. Скажи, что я жду, когда она наконец научит меня тому своему борщу, о котором она столько рассказывала.

Катя рассмеялась сквозь слёзы - смех вышел хриплым, но настоящим.

- Обязательно передам. Ты ещё пожалеешь, что попросил. Она нальёт тебе полную тарелку и будет стоять над душой, пока не съешь всё до капли.

- Значит, буду есть, - просто сказал Алексей. - Ради мира на земле - я готов съесть даже десять тарелок её борща.

Они помолчали. В этом молчании не было неловкости - была та особенная тишина, которая возникает только между людьми, пережившими общую боль и нашедшими друг друга вновь.

- Кать, - сказал Алексей перед тем, как прощаться. - Ты не одна. Ты никогда не была одна. Просто иногда нам нужно пройти через тьму, чтобы увидеть свет. Ты прошла. Теперь иди к свету и не оборачивайся.

Катя кивнула, хотя знала, что брат не видит её.

- Спасибо, что ты есть, сказала она. - Спасибо, что ты меня не бросил.

- Бондаренко не бросают своих, - ответил Алексей. - Помни об этом.

Связь прервалась - где-то на линии снова были помехи, но Катя знала главное. Она положила телефон на стол, вытерла слёзы и подошла к окну. Внизу, на улице, мальчишки гоняли мяч, женщины вешали бельё на балконах, кто-то громко включал музыку - ту самую, украинскую, которую так любила её бабушка.

Катя улыбнулась. Она чувствовала, как внутри неё расцветает что-то новое. Не прощение - оно уже пришло. Не любовь - она всегда была. Это была надежда. Чистая, как июльское небо, тёплая, как летний ветер, и такая живая, что её можно было потрогать руками.

Она знала, что это не конец истории. Война продолжалась, боль оставалась, раны ещё долго будут болеть, но теперь у неё было главное - она знала, что её брат с ней, что её семья с ней, что она больше не одна в этой битве за правду.

И она была готова идти дальше.

## Часть 7. Осень

Сентябрь пришёл в Киев не, как календарная дата, а, как дыхание - внезапное, прохладное, обновляющее. Однажды утром Катя проснулась оттого, что ветер, ворвавшийся в приоткрытую форточку, пах иначе. Исчезла та тяжёлая, осязаемая духота, которая всё лето висела над городом, смешиваясь с запахом гари, пыли и тревоги. Вместо неё пришла прозрачная, хрустальная свежесть с лёгкой горчинкой увядания, с тонким ароматом яблок и мокрой листвы. Она открыла глаза и долго лежала, вглядываясь в светлеющее небо за окном, чувствуя, как новый день входит в неё вместе с этим воздухом.

Она поднялась с постели, накинула лёгкий кардиган и вышла на балкон. Город просыпался медленно, с той особенной осторожностью, которая стала привычной после месяцев войны. Где-то вдалеке гудел двигатель - то ли военный, то ли

строительный, но этот звук уже не вонзался в сердце ледяной иглой страха. Катя смотрела на клёны во дворе, на их листья, которые только начинали желтеть - сначала робко, по краям, словно природа тоже боялась перемен, - и чувствовала, как внутри неё происходит то же самое. Она сбрасывала с себя старую кожу. Вместе с этими листьями, которые медленно кружились в утреннем воздухе, падали на землю её страхи, её стыд, её многолетняя тяжесть.

Она стояла на балконе, вдыхая этот новый воздух, и думала о том, что это её первая настоящая осень. Не календарная, не метеорологическая. А осень, как состояние души. Время, когда она перестала быть тем, кем её сделали обстоятельства, и стала тем, кем она всегда должна была быть. Время собирать урожай, но не в переносном смысле. Урожай правды, который она посеяла месяцами ранее, когда решилась написать то письмо матери. Урожай честности, который она взращивала в каждом своём новом репортаже. Урожай любви, которую она наконец позволила себе принять.

Она вернулась в комнату, где на столе уже ждал её ноутбук. Катя села за стол, но не торопилась открывать рабочие файлы. Она просто сидела, глядя на экран, на котором отражалось её лицо - спокойное, без тени той вечной тревоги, которая когда-то въелась в её черты. Она вспомнила себя год назад. Другую Катю - ту, которая просыпалась с мыслью о том, что нужно снова врать, снова оправдывать, снова идти на компромиссы с собственной совестью. Ту, которая боя-

лась смотреть в зеркало, потому что не узнавала себя.

Теперь она смотрела на своё отражение в тёмном экране и видела знакомые черты. Они не изменились внешне - тот же разрез глаз, та же линия губ, те же веснушки на носу, которые она так стеснялась в юности, но внутри них поселилось что-то новое. Что-то, что делало её взгляд мягче, а улыбку - искреннее. Она больше не играла роль. Она просто была.

Рабочий день начался с просмотра материалов, которые она собирала для нового репортажа. Катя решила сделать цикл интервью с людьми, которые пережили эвакуацию и вернулись в свои дома. Это была не просто журналистская работа - это было её личное покаяние. Раньше она рассказывала о людях, которых никогда не видела, используя сухие цифры и обобщения. Теперь она хотела, чтобы каждый зритель увидел в этих историях живых людей - с их болью, с их надеждой, с их невероятной силой.

Она пересматривала отснятый материал - лица пожилых женщин, которые рассказывали о том, как они сохраняли свои сады даже под обстрелами; молодых парней, которые возвращались из-за границы, чтобы восстанавливать свои города; детей, которые уже не боялись сирен, потому что привыкли. В каждом из этих лиц Катя видела отражение собственного пути. Они тоже проходили через ад, чтобы остаться людьми. Они тоже выбирали жизнь, несмотря ни на что.

Её канал «Честное слово» рос, и это было не просто количество подписчиков. Катя чувствовала, как к ней приходит

доверие. Люди писали ей в личные сообщения - не с жалобами и критикой, а с благодарностью. *«Спасибо, что показали мою маму такой, какая она есть»*, *«Вы первый журналист, который не исказил мои слова»*, *«Я снова верю, что правда существует»*. Катя перечитывала эти строки, и каждый раз у неё на глазах выступали слёзы.

Она вспоминала, как начинался её путь в профессии. Тогда она хотела славы, признания, громких заголовков. Она думала, что журналистика - это погоня за сенсациями, это власть над умами, это возможность влиять на людей. Теперь она понимала, что настоящая журналистика - это совсем другое. Это ответственность. Это умение слушать. Это способность увидеть в человеке не героя или злодея, а просто человека. С его сложной историей, с его противоречиями, с его правдой, которая не всегда укладывается в чёрно-белые схемы.

Когда солнце поднялось выше и залило комнату золотистым светом, Катя услышала звонок в дверь. Она не удивилась - Ярина часто забегала к ней по утрам, принося что-то вкусное или просто компанию, но в этот раз на пороге стояла не только Ярина. Рядом с ней был невысокий мужчина в простой куртке, с уставшим, но добрым лицом. Катя узнала его - это был Олег, волонтер, с которым она познакомилась несколько месяцев назад, когда снимала репортаж о гуманитарной помощи.

- Катя, привет! сказала Ярина, сияя. - Ты не против? Олег

привёз из поездки несколько книг для твоей библиотеки. Ну, для той, которую ты собираешь для детей в приютах.

Катя улыбнулась и пригласила их войти. Она действительно начала собирать книги для детей, потерявших дома во время войны. Это была её маленькая миссия - дать им не просто вещи, а что-то большее. Истории, которые могли бы согреть их сердца, унести в другие миры, подарить надежду.

- Проходите, я, как раз собиралась делать чай, сказала она, жестом приглашая гостей на кухню.

Они сидели за столом, пили чай с печеньем, которое принесла Ярина, и разговаривали о том, что сейчас происходит в разных уголках страны. Олег рассказывал о поездке в Харьковскую область, о людях, которые возвращаются в разрушенные сёла, о том, как они восстанавливают свои дома буквально по кирпичику. Катя слушала и запоминала - не для того, чтобы потом написать сенсационный материал, а чтобы понять, осознать, прочувствовать.

- Знаешь, - сказал Олег, попивая чай, - я когда-то думал, что волонтерство - это просто способ занять себя. Что я делаю что-то полезное, но это не меняет мир глобально. А теперь я понимаю, что это меняет не мир. Это меняет меня. Каждый раз, когда я вижу глаза людей, которым мы помогаем, я чувствую, что становлюсь лучше. Теплее. Человечнее.

Катя кивнула. Она знала это чувство. Когда она работала над своим каналом, когда она брала интервью, когда она

писала статьи, она не просто делилась информацией. Она исцеляла себя. Каждая история, которую она рассказывала, была ещё одним шагом к исцелению от той лжи, которая когда-то заполняла её жизнь.

- Знаешь, Олег, сказала она, глядя на него, - я тоже так думала. Что я просто делаю свою работу. А потом я поняла, что работа - это не то, что ты делаешь за деньги. Это то, что ты делаешь для других. Это то, что ты оставляешь после себя. Когда я вела пропаганду, я оставляла после себя разрушение. Теперь я оставляю надежду. Это невероятное чувство - знать, что твои слова могут кого-то согреть, а не обжечь.

Они говорили долго - о войне, о мире, о том, как важно сохранять человечность в нечеловеческих условиях. Ярина сидела рядом, иногда вставляя свои замечания, иногда просто молча улыбаясь, как будто она знала что-то, что другим было не дано понять. Катя чувствовала, что в этом разговоре есть что-то важное, что-то, что останется с ней надолго.

Когда Олег ушёл, Ярина осталась. Она подошла к окну и посмотрела на осенний пейзаж за стеклом.

- Ты знаешь, сказала она тихо, - когда я смотрю на тебя сейчас, я вижу не ту девушку, которая заперлась в своей квартире и боялась выйти на улицу. Я вижу другую. Сильную. Свободную и это удивительно, как ты изменилась за один год.

- Это не я изменилась, - ответила Катя, подходя ближе.

- Это я перестала врать. Всё остальное пришло само. Когда ты перестаёшь скрывать себя, мир начинает принимать тебя таким, какой ты есть и ты перестаёшь бояться.

Ярина повернулась к ней и улыбнулась.

- Тогда, наверное, мы все должны перестать врать, сказала она. - Не только другим, но и себе. Потому что ложь - это самая тяжёлая ноша. А правда, какой бы горькой она ни была, делает нас легче.

Они стояли у окна, и смотрели на город, который медленно погружался в осеннюю дымку. Где-то внизу дети играли в футбол, женщины разговаривали у подъезда, а старик выгуливал собаку. Всё это казалось таким обычным, таким мирным, что на мгновение можно было забыть о войне, которая всё ещё бушевала на востоке.

Но Катя не забывала. Она помнила каждый день, каждую ночь, каждую минуту, проведённую в страхе и сомнениях. Она помнила свои ошибки, свою ложь, свою боль, но теперь эта память не давила на неё. Она служила напоминанием о том, что она прошла, и о том, что она стала.

Она думала о матери, которая писала ей тёплые письма, о брате, с которым они теперь созванивались каждую неделю, об отце, который гордился ею, о Ярине, которая была рядом всегда и она думала о всех тех людях, которые смотрели её репортажи и верили ей. Она знала, что не может подвести их.

Осень была временем подведения итогов, но для Кати она стала временем нового начала. Она чувствовала, как земля

под её ногами становится твёрже, как воздух становится чище, как сердце бьётся ровнее.

Она знала, что впереди ещё будут трудности. Что война не кончится завтра, что боль не уйдёт в одночасье, что слёзы будут литься снова, но теперь она знала, что справится. Потому что она была Катя. Потому что она была Бондаренко. Потому что она выбрала правду, даже когда она была дороже всего.

И она собиралась идти по этому пути до конца. Не потому что она была идеальной. А потому что она была настоящей.

## Часть 8. Зима

Декабрь пришёл в Киев неожиданно - не, как календарный месяц, а, как состояние души. Снег начал падать в первых числах, крупными, пушистыми хлопьями, которые медленно кружились в воздухе, словно природа решила подарить городу то самое новогоднее чудо, в которое так хотелось верить. Катя стояла у окна своей квартиры на Оболони и смотрела, как белый покров укутывает крыши, деревья, машины, превращая привычный пейзаж в сказочную иллюстрацию. Снежинки падали на стекло, таяли, оставляя прозрачные дорожки, и Кате казалось, что вместе с ними тают и её последние страхи.

На подоконнике стояла ваза с веточками ели, которые она принесла с рынка. Запах хвои смешивался с ароматом мандаринов и корицы - Ярина научила её делать глинтвейн, и этот напиток стал их маленьким ритуалом долгими зимни-

ми вечерами. Где-то внизу, во дворе, соседские дети лепили снеговика, их звонкие голоса разносились по всему кварталу, смешиваясь с приглушённым шумом машин. Город жил, дышал, ждал праздника, несмотря на всё, что произошло за этот год и в этом упрямом желании жить было что-то невероятное, почти героическое.

Катя отошла от окна и подошла к столу, где лежало письмо. Она взяла его в руки, чувствуя знакомую тяжесть конверта, и улыбнулась - ещё до того, как вскрыть его. Она узнала этот почерк мгновенно. Аккуратные, чуть наклонённые вправо буквы, с теми особенными завитушками на «а» и «я», которые она помнила с детства. Когда она была маленькой, мама писала ей записки в школьный рюкзак - маленькие, тёплые, с рисунками сердечек. Катя хранение их до сих пор, в старой шкатулке, которую Анна подарила ей на шестнадцатилетие.

Она аккуратно вскрыла конверт, стараясь не порвать его. Внутри лежал листок бумаги - не тетрадный, а тот, особенный, с водяными знаками, который Анна любила использовать для важных писем. Катя развернула его и начала читать, чувствуя, как с каждой строкой тепло разливается по её телу, как сердце начинает биться чаще и ровнее одновременно.

*«Катюша, моя родная девочка!»*

*За окном декабрь, снег падает такими большими хлопьями, что кажется, будто весь мир укрывается белым одеялом, чтобы заснуть и увидеть светлые сны. Я сижу на кух-*

не, пью чай с мёдом и думаю о тебе. Ты даже не представляешь, как часто я думаю о тебе. Каждый день, каждую минуту, когда я просыпаюсь, когда я готовлю обед, когда я смотрю на море, которое стало таким спокойным этой зимой - ты всегда рядом, в моих мыслях, в моём сердце.

Я хочу сказать тебе спасибо. За то письмо, которое ты мне написала. За твою смелость, за твою честность, за то, что ты смогла посмотреть в глаза своей правде и не отвернуться. Знаешь, иногда мне кажется, что мы, родители, не всегда понимаем своих детей. Мы думаем, что знаем их, что видим их насквозь, а потом оказывается, что они хранят в себе целые миры, о которых мы даже не догадываемся. Ты открыла мне свой мир, Катя. Ты показала мне его - со всей его болью, со всей его сложностью и я благодарна тебе за это доверие.

Я горжусь тобой. Не тем, кем ты была раньше, а тем, кем ты стала. Тем, как ты выросла, как ты изменилась, как ты превратила свою боль в силу, а свою ложь - в правду. Это не каждый может сделать, доченька. Это требует огромного мужества и ты проявила его.

Твой папа тоже гордится тобой. Он не говорит много, ты же его знаешь, но я вижу, как он улыбается, когда читает твои статьи. Андрей уже выучил твоё имя и показывает своим друзьям фото, где ты держишь его на руках. Он говорит: «Это моя тётя Катя, она строит мосты» и знаешь, он прав. Ты действительно строишь мосты. Меж-

*ду людьми, между городами, между правдой и прощением. Это самое важное, что можно делать в этом мире.*

*Приезжай к нам, Катюша. Когда сможешь, когда закончится это всё. Мы будем ждать тебя столько, сколько нужно. Я нарисую окно в моей комнате, как в детстве, и буду каждый день смотреть на дорогу. Папа уже сказал, что хочет показать тебе свою новую бочку, которую он сделал для Massandra. Он так гордится ей, он говорит, что она похожа на шкатулку, в которой хранится само время. Андрейка приготовил новые рисунки мостов - он всё время рисует их, представляя, как однажды сможет пройти по каждому из них.*

*А я просто хочу обнять тебя. Я хочу прижать тебя к себе и почувствовать, что ты рядом, что ты жива, что ты счастлива. Это всё, чего я хочу, доченька. Твоего счастья.*

*Люблю тебя бесконечно. Твоя мама».*

Катя перечитывала письмо снова и снова, и каждый раз слёзы подступали к её глазам, но это были не те слёзы, которые душили её годами - слёзы стыда и боли. Это были слёзы облегчения, слёзы радости, слёзы благодарности. Она чувствовала, как каждое слово матери проникает в самые глубины её души, заполняя те пустоты, которые она так долго пыталась залечить.

Она подошла к окну и прижала письмо к груди. Снег всё падал, укутывая город в белую тишину, и Кате казалось, что вместе с ним падает и её прошлое, оставляя место че-

му-то новому. Она вспомнила, как в детстве мама говорила ей: *«Катюша, снег - это не просто вода. Это маленькие послания небес. Каждая снежинка - это чья-то молитва, которая вернулась на землю»*. Тогда она не понимала этих слов. Теперь они обрели смысл.

Она подумала о Севастополе, о море, которое зимой становится особенно красивым - серо-голубым, суровым, величественным. Она вспомнила, как они с родителями гуляли по набережной в новогодние каникулы, как папа покупал ей сладкую вату, как мама прятала её замёрзшие руки в своих тёплых перчатках. Эти воспоминания были такими тёплыми, такими живыми, что Катя почти физически ощутила запах морского ветра и звук чаек.

Она знала, что война ещё не закончилась. Что границы, разделяющие их семьи, всё ещё существуют. Что путь в Крым сейчас невозможен, как бы сильно она этого ни хотела, но она также знала, что это не навсегда. Что однажды, когда всё закончится, она сядет в поезд или на автобус и поедет туда, где её ждут. Где её любят. Где она - дома.

Она села за стол и взяла ручку, чтобы написать ответ. Раньше она боялась писать матери, боялась, что слова не найдут правильного пути, что они будут слишком слабыми или слишком горькими. Теперь она писала легко, свободно, как будто говорила с матерью через стол, держа её за руку.

*«Мамочка, моя родная,*

*Прочитала твоё письмо раз пять, а может, и десять. Я*

*держала его в руках так долго, что бумага стала тёплой. Я сидела у окна, смотрела на снег и чувствовала, как ты рядом., как будто ты обнимаешь меня через этот конверт, через эти строки, через все километры, которые нас разделяют.*

*Спасибо тебе за эти слова. Они значат для меня больше, чем ты можешь себе представить. Когда я писала то письмо, я боялась, что ты меня не поймёшь. Я боялась, что ты отвернёшься, что ты увидишь во мне ту чужую девушку, которой я когда-то была, но ты увидела меня - настоящую. Ты всегда видела. Я просто не давала тебе шанса.*

*Теперь я хочу сказать тебе: я тоже горжусь. Тобой. Твоей силой, твоей верой, твоим умением любить несмотря ни на что. Ты научила меня быть честной, даже когда это больно. Ты научила меня, что семья - это не просто родственники. Это люди, которые остаются с тобой, даже когда весь мир против тебя.*

*Я обязательно приеду., как только смогу. Я хочу увидеть папину бочку, я хочу обнять Андрейку и посмотреть его рисунки, я хочу посидеть с тобой на кухне, пить чай и говорить о том, о чём не говорят по телефону. Я хочу почувствовать море, которое всегда было моим домом. Я хочу почувствовать твои руки.*

*Я тебя очень люблю, мама и я никуда от тебя не уйду.  
Твоя Катя».*

Она запечатала письмо, написала адрес и долго держала

конверт в руках, чувствуя, как он наполняется её теплом, её любовью, её обещаниями. Она знала, что это не последнее письмо. Что они будут писать друг другу снова и снова, пока не наступит тот день, когда они смогут обнять друг друга по-настоящему.

В комнате было тихо. За окном падал снег, на кухне остывал глинтвейн, и где-то далеко слышалась музыка - кто-то включил новогоднюю песню, которая плыла по вечернему воздуху, наполняя его магией. Катя подошла к ёлке, которую они с Яриной нарядили накануне, и зажгла гирлянду. Огоньки замигали, отражаясь в оконном стекле, создавая иллюзию бесконечности.

Она знала, что зима - это не просто время холода. Это время ожидания. Время, когда природа замирает, чтобы набраться сил для нового рождения и Катя чувствовала, что внутри неё тоже рождается что-то новое. Она больше не была той девушкой, которая боялась будущего. Она была женщиной, которая знала, что оно наступит - и что она будет в нём счастливой.

Она взяла свой телефон и написала Ярине: *«Она написала мне. Мама. Она ждёт меня и я знаю, что я поеду. Когда-нибудь и всё будет хорошо».*

Ответ пришёл почти мгновенно: *«Я знала и я рада за тебя. Бондаренко не сдаются, помнишь?»*

Катя улыбнулась и посмотрела на снег, который всё падал и падал, укрывая город белым одеялом. Где-то там, далеко,

за этим снегом, за этими километрами, ждала её мать и Катя знала, что когда-нибудь она сделает этот шаг. Она пройдёт по всем мостам, которые построила, и окажется дома.

А пока она просто ждала. Не с тревогой, а с верой. С тихой, тёплой верой в то, что чудеса случаются - особенно зимой, особенно в те дни, когда мир готовится к празднику, а сердца открываются для любви.

## Часть 9. Новый год

Последние часы уходящего года тянулись медленно, как патока, и одновременно бежали стремительно, как вода сквозь пальцы. Катя стояла у окна своей квартиры на Оболони и смотрела на город, который готовился встретить Новый год. За окнами кружился снег - крупный, пушистый, настоящий зимний снег, которого так долго ждали киевляне. Он падал на крыши, на деревья, на машины, укутывая всё вокруг в белое, пушистое одеяло, и в этом было что-то успокаивающее, почти магическое. Где-то вдалеке слышались приглушённые голоса, смех, звон бокалов - люди праздновали, несмотря ни на что, несмотря на войну, несмотря на страх, который всё ещё жил в их сердцах и в этом упрямом желании жить, радоваться, верить было что-то невероятно трогательное, почти героическое.

Катя отошла от окна и оглядела комнату. Квартира преобразилась: на столе, накрытом белой скатертью, стояли тарелки с оливье и салатом «Мимоза», которые они с Яриной приготовили вместе ещё накануне. В центре стола красовалась

ваза с мандаринами - их запах смешивался с ароматом хвои от маленькой ёлочки, которую они украсили разноцветными шарами и старыми, ещё бабушкиными игрушками. Гирлянда мерцала тёплым жёлтым светом, создавая уютное, почти домашнее ощущение, которого так не хватало в этом году. В углу стояла бутылка шампанского, которую они открыли ровно в полночь, и две свечи в резных подсвечниках, которые Ярина привезла из своей последней поездки во Львов.

Катя подошла к столу и поправила салфетки, чувствуя, как внутри неё разливается то особенное, предпраздничное волнение, которое всегда сопровождает ожидание чуда. Она вспомнила, как встречала Новый год в детстве - в Севастополе, с родителями, за большим столом, где всегда было много людей, много смеха и много тепла. Папа Андрей ставил пластинки с песнями, мама Анна украшала ёлку, а маленькая Катя с нетерпением ждала, когда часы пробьют двенадцать, чтобы загадать самое заветное желание. Она всегда загадывала одно и то же что бы все были счастливы, чтобы все были здоровы, чтобы их семья никогда не распалась.

Тогда она не знала, что жизнь приготовит ей испытания, которые заставят её сомневаться в собственном желании.

Раздался звонок в дверь. Катя улыбнулась - Ярина была пунктуальна, как всегда. Она открыла дверь, и на пороге стояла её подруга, покрасневшая от мороза, с пакетом в руках и улыбкой, которая могла осветить даже самую тёмную комнату.

- С Новым годом, дорогая! - воскликнула Ярина, обнимая Катю. - Я принесла пирожки с капустой. Свежие, только что из духовки и ещё одну бутылку шампанского - на всякий случай. Вдруг одной не хватит.

- Ярина, ты не перестаёшь меня удивлять, - рассмеялась Катя, пропуская подругу в квартиру. - Заходи, раздевайся. Я, как раз ставлю чайник.

Они прошли на кухню, и Катя почувствовала, как дом наполнился теплом. Ярина всегда приносила с собой не просто подарки или угощения - она приносила атмосферу, тот особенный уют, без которого даже самый красивый праздник казался пустым. Они включили музыку - старые новогодние песни, которые Катя помнила с детства, - и принялись накрывать на стол.

- Знаешь, сказала Ярина, раскладывая ложки и вилки, - я смотрю на тебя и не могу поверить, что ещё год назад ты сидела одна и боялась собственной тени. А сейчас ты - совсем другой человек. Свободный. Лёгкий., как будто сняла с себя тяжёлый рюкзак, который носила годами.

- Я и сняла, - ответила Катя, ставя на стол тарелку с мандаринами. - Тот рюкзак назывался «ложь» и знаешь, что самое смешное? Я даже не замечала, как он давил на меня. Мне казалось, что я просто уставшая, что это нормально - чувствовать тяжесть. А потом я поняла, что это не усталость. Это страх. Страх, что кто-то узнает правду. Что меня разоблачат и теперь, когда я всё рассказала, когда я перестала

прятаться, этот груз исчез. Я чувствую себя, как после долгого, очень долгого пути, когда наконец снимаешь обувь и ставишь ноги на тёплый ковёр.

Ярина улыбнулась и подошла к ней.

- Ты знаешь, что я горжусь тобой? сказала она тихо. - Не потому что ты стала идеальной. А потому что ты стала настоящей и это самое трудное, что можно сделать в этом мире - быть собой.

Они сели за стол, и Катя открыла бутылку шампанского. Пробка с громким хлопком отлетела в потолок, и по комнате разнёсся запах игристого вина, смешиваясь с ароматом мандаринов и хвои. За окном начали взрываться первые фейерверки - яркие, разноцветные, они освещали ночное небо, превращая его в холст, на котором кто-то рисовал самые смелые картины.

Катя подняла бокал и посмотрела на Ярину.

- Знаешь, Ярина, я хочу сказать тебе кое-что. Ты всегда была со мной, даже когда я сама не хотела быть с собой. Ты видела меня насквозь, когда я пыталась притворяться. Ты держала меня за руку, когда я падала и ты поднимала меня, когда я думала, что у меня нет сил встать. Спасибо тебе за всё.

Ярина подняла свой бокал, и в её глазах блеснули слёзы, но это были слёзы радости, тёплые и светлые.

- Не за что, Катя, сказала она. - Ты бы сделала то же самое для меня и знаешь, я хочу, чтобы этот год стал для тебя го-

дом мира. Не только внешнего, но и внутреннего. Чтобы ты наконец почувствовала, что ты дома. Что бы ни случилось, у тебя есть место, куда ты можешь вернуться. Есть люди, которые тебя любят. Есть я.

Они чокнулись, и звон стекла разнёсся по комнате, смешиваясь с музыкой, с фейерверками, с голосами людей, которые поздравляли друг друга с Новым годом. Катя сделала глоток шампанского и почувствовала, как тепло разливается по её телу, как сердце бьётся ровно и спокойно.

Она подошла к окну и посмотрела на небо, где взрывались фейерверки. Яркие искры разлетались во все стороны, оставляя за собой следы света, которые медленно исчезали в темноте. Катя представила, что каждая искра - это её мечта, которую она запускает в небо, прося у Вселенной, чтобы она сбылась.

- О чём ты думаешь? - спросила Ярина, подходя к ней.

- О том, что я хочу в этом году, - ответила Катя, не отрывая взгляда от неба. - Я хочу мира. Настоящего. Чтобы война закончилась, чтобы люди могли вернуться в свои дома, чтобы матери могли обнять своих детей. Я хочу встретиться с семьёй. Обнять маму, папу, брата, увидеть Андрейку, который вырос без меня. Я хочу почувствовать, что я снова часть этой семьи, что мы снова вместе, как когда-то.

- Это будет, сказала Ярина, кладя руку ей на плечо. - Я верю в это. Ты так много сделала для того, чтобы быть честной с собой и с другими. Ты заслуживаешь этого. Твоя семья

заслуживает этого.

- А ещё я хочу... - Катя замолчала, собираясь с мыслями.  
- Я хочу, чтобы мой канал «Честное слово» стал тем мостом, о котором я всегда мечтала. Чтобы мои репортажи помогали людям видеть друг друга, слышать друг друга, понимать друг друга. Я хочу, чтобы моя работа приносила не просто информацию, а исцеление. Чтобы мои слова согревали, а не жгли.

Ярина улыбнулась и обняла её.

- Ты уже это делаешь, Катя. Ты уже строишь этот мост и он становится всё крепче и длиннее с каждым днём. Тебе просто нужно продолжать идти.

Они стояли у окна, обнявшись, и смотрели на фейерверки, которые взлетали в небо всё выше и выше, окрашивая его в золото, багрянец и изумруд. Катя загадала желание - простое и искреннее. Она загадала, чтобы её семья была счастлива, чтобы война закончилась, чтобы она могла обнять мать и отца, чтобы Андрейка вырос в мире, где не будет ни взрывов, ни сирен. Она загадала, чтобы её любовь, её вера, её правда были достаточно сильными, чтобы преодолеть все преграды.

Когда часы пробили двенадцать, Катя закрыла глаза и почувствовала, как старый год уходит, унося с собой её страхи и сомнения. А новый год входил в её жизнь, как хрустальный, чистый снег, готовый укрыть её мир белым, непорочным одеялом.

- С Новым годом, Катя, сказала Ярина, целуя её в щёку.

- С Новым годом, Ярина, - ответила Катя. - Спасибо, что ты есть.

Они снова чокнулись бокалами и сделали по глотку. Катя знала, что этот год принесёт ей многое - и радость, и печаль, и новые вызовы, но она также знала, что она готова к ним. Что она больше не боится будущего, потому что она знает: у неё есть семья, у неё есть друг, у неё есть её правда, и это единственное, что имеет значение.

Она подошла к ёлке и поправила игрушку - маленькую стеклянную лодочку, которую когда-то купила на базаре в Севастополе. Лодочка мерцала в свете гирлянды, и Катя улыбнулась, вспоминая море, которое всегда ждало её. Она знала, что когда-нибудь она вернётся туда. Не сейчас, но обязательно.

## Часть 10. Весна

Весна пришла в Киев не, как календарная дата, а, как обещание, как тихое, но уверенное дыхание обновления. Снег, который так долго лежал на улицах, укутывая город в белую тишину, наконец растаял, оставляя после себя мокрый асфальт, лужи, в которых отражалось голубое небо, и тот особенный, свежий запах земли, готовой к пробуждению. Деревья в парках начинали распускать свои первые листья - маленькие, бледно-зелёные, почти прозрачные на солнце, как первые слова новой главы. Птицы вернулись из тёплых краёв и наполняли воздух своим щебетом, создавая ту особенную

симфонию, которая бывает только весной, когда природа просыпается после долгой зимней спячки.

Катя стояла на балконе своей квартиры на Оболони, вдыхала этот весенний воздух, и чувствовала, как вместе с природой просыпается и её душа. Зима была временем ожидания, временем, когда она ждала ответов, ждала прощения, ждала перемен. Весна стала временем, когда эти перемены наконец пришли. Она чувствовала, как холод, который годами сковывал её сердце, отступает, уступая место теплу - тому теплу, которое она так долго искала, но боялась принять.

Она отошла от окна и прошла в комнату, где на столе лежали её рабочие материалы. Канал «Честное слово» продолжал расти, и в последние месяцы к ней приходили письма от зрителей, которые благодарили её за её работу. Люди писали, что её репортажи помогли им увидеть ситуацию с другой стороны, что они начали больше доверять информации, что они почувствовали себя услышанными. Катя перечитывала эти письма, и каждое из них было, как маленький кирпичик, который она клала в фундамент своего нового, настоящего пути.

Она вспоминала себя год назад - испуганную, запутанную, обременённую грузом лжи, которая душила её каждый день. Она боялась смотреть в зеркало, боялась слышать собственный голос в записи, боялась, что кто-то узнает правду о том, какой она была раньше и теперь, глядя на себя из сегодняшнего дня, она видела совершенно другого человека. Не пото-

му что она изменила свою внешность или своё имя, а потому что она изменила своё отношение к себе. Она перестала убежать от правды. Она перестала прятаться от прошлого. Она перестала бояться.

Она подошла к столу, на котором в рамке стояла фотография её семьи - мама Анна, папа Андрей, брат Алёша и маленький Андрейка, который уже так вырос за эти годы. Катя взяла фотографию в руки и провела пальцем по лицам, которые были ей так дороги. Она думала о том, как много времени прошло с тех пор, как она видела их в последний раз., как много всего произошло за эти годы - и плохого, и хорошего. Она вспоминала свои письма, свои признания, свои слёзы и свои надежды и она знала, что весна, которая пришла в её жизнь, была не просто временем года. Это было время возвращения - к себе, к своей семье, к своей правде.

Она написала очередное письмо матери. На этот раз оно было другим - не исповедальным, не просящим о прощении, а лёгким, тёплым, наполненным надеждой. Она писала о том, как в Киеве расцветают каштаны, о том, как Ярина научила её печь пироги с яблоками, о том, как она мечтает приехать в Севастополь, как только это станет возможным. Она писала о том, как она счастлива, что они снова на связи, что они снова семья и когда она ставила точку в конце письма, она чувствовала, как внутри неё разливается то спокойное, тёплое чувство, которое бывает только тогда, когда ты знаешь, что всё хорошо.

Ярина пришла к ней в тот же вечер, как всегда без звонка, с пакетом свежей выпечки и тёплой улыбкой, которая стала для Кати символом дома и безопасности. Они сидели на балконе, пили чай с мятой, которую Ярина привезла из своего последнего путешествия, и смотрели на закат, окрашивающий небо в розовые и золотистые тона. Город внизу жил своей жизнью - люди гуляли по улицам, дети играли в парках, из окон доносилась музыка. Жизнь возвращалась, и Катя чувствовала себя частью этого возвращения.

- Знаешь, сказала Катя, глядя на горизонт, - я только сейчас начала понимать, что такое настоящая свобода. Раньше я думала, что свобода - это возможность делать всё, что хочешь, но это не так. Свобода - это когда ты не боишься себя. Когда ты можешь смотреть в прошлое и не чувствовать стыда, потому что ты знаешь: ты изменилась, ты выросла, ты стала лучше. Свобода - это когда ты можешь любить, не боясь, что тебя осудят. Когда ты можешь быть собой и знать, что тебя примут. Это самое ценное, что у меня есть сейчас.

- И это то, что ты заслужила, - ответила Ярина, отпивая чай. - Ты прошла через ад, чтобы прийти к этому. Ты не сдалась, не сломалась, не отчаялась. Ты взяла свою боль и превратила её в силу. Ты взяла свою ложь и превратила её в правду. Ты взяла свою вину и превратила её в искупление и теперь ты здесь - свободная, цельная, настоящая. Это невероятно, Катя.

- Ты всегда говоришь правильные слова, - улыбнулась

Катя. -, как ты это делаешь?

- Это просто, - пожала плечами Ярина. - Я просто вижу тебя. Настоящую. Не ту, кем ты была, не ту, кем ты хочешь казаться. А ту, кем ты стала. Ты - женщина, которая не боится правды. Которая строит мосты, а не стены. Которая любит, даже когда больно и это делает тебя красивой. Не внешне - а внутри и это то, что останется с тобой навсегда.

Катя молчала, впитывая эти слова, как земля впитывает весенний дождь. Она чувствовала, как они проникают в неё, питая те ростки надежды и любви, которые она так долго растила в себе. Она смотрела на город, на закат, на облака, которые медленно плыли по небу, и знала, что этот момент - один из тех, которые останутся в её памяти навсегда. Момент, когда она поняла, что её исповедь завершена. Что она прошла этот путь - от страха и лжи до правды и принятия. Что она снова стала собой.

На следующий день она отправила письмо матери, и когда конверт исчез в почтовом ящике, она почувствовала, что больше не ждёт с трепетом ответа. Она знала, что он придёт - тёплый, любящий, полный тех слов, которые всегда согревают её сердце, но она также знала, что её путь исцеления больше не зависит от чужих слов. Она уже исцелилась - внутри себя, в своём собственном сердце.

Катя вернулась в квартиру, подошла к окну и посмотрела на весенний Киев. Город просыпался, оживал, расцветал и вместе с ним расцветала она. Она чувствовала, как внутри

неё распускаются те самые листья, которые так долго были скрыты под снегом её страхов. Она знала, что впереди ещё будут трудности, что война не закончится завтра, что боль не уйдёт в одночасье, но теперь у неё было то, чего не мог отнять никто - её правда, её свобода, её любовь.

Она взяла телефон и написала Ярине: «Спасибо, что ты есть. Спасибо, что верила в меня. Спасибо, что была рядом».

Ответ пришёл почти мгновенно: «Я всегда буду рядом. Бондаренко не сдаются, помнишь? И их друзья тоже».

Катя улыбнулась, убирая телефон в карман. Она знала, что весна - это не просто время года. Это состояние души и она наконец-то нашла его - внутри себя.

## Часть 11. Письмо матери

Апрель в Киеве был месяцем цветущих каштанов и тёплого, ласкового солнца, которое уже не просто грело, а по-настоящему согревало, проникая в самые потаённые уголки души. Город, израненный, уставший, но живой, медленно пробуждался к новой жизни. На улицах снова появились люди - не торопливые, не напуганные, а спокойные, уверенные, словно они наконец поверили, что завтрашний день будет лучше вчерашнего. В парках цвели деревья, разнося по воздуху тонкий, сладковатый аромат, который смешивался с запахом свежей зелени и влажной после дождя земли. Катя любила это время года. Оно всегда напоминало ей о начале чего-то нового, о том, что даже после самой холодной зимы

обязательно наступит весна.

Она сидела за своим письменным столом, глядя на чистый лист бумаги, который лежал перед ней. На улице щебетали птицы, солнечные лучи пробивались сквозь лёгкие занавески, оставляя на столе золотистые пятна света. В вазе стояли веточки вербы, которые она принесла накануне - традиционный символ весны, который всегда напоминал ей о доме, о детстве, о тех временах, когда она жила в Севастополе и каждую весну ходила с мамой на базар за вербой. Катя взяла ручку, но не торопилась писать. Она хотела, чтобы каждое слово было правильным, чтобы оно шло не просто из головы, а из самого сердца, из того места, где хранилась вся её благодарность, вся её любовь, вся её надежда.

Она вспоминала, как начинался её путь., как она писала то первое письмо - исповедальное, страшное, полное стыда и боли., как она боялась, что мать отвернётся от неё, что не сможет простить ту ложь, которую она транслировала годами., как она дрожала, когда вскрывала конверт с ответом, боясь прочитать в нём осуждение или холод и, как она плакала от облегчения, когда мать написала: *«Я прощаю тебя, доченька. Я горжусь тобой»*. Эти слова стали для неё началом нового пути, путём исцеления, который привёл её сюда, в этот светлый апрельский день, когда она снова сидела за столом с чистым листом бумаги.

Теперь она писала не потому, что ей нужно было признаться в чём-то. Она писала потому, что хотела сказать спа-

сибо. Потому что в её сердце накопилось столько слов благодарности, что они не могли остаться внутри ни минуты дольше.

*«Мамочка моя родная,*

*Я снова сижу за этим столом и пишу тебе письмо. Только теперь оно не о боли, не о стыде, не о прошлом. Оно о том, что я чувствую сейчас, в этот самый момент, когда за окном цветёт весна, а в воздухе пахнет свободой и счастьем.*

*Я хочу сказать тебе спасибо, но это не простое "спасибо" - это такое, которое идёт из самой глубины моего сердца, из того места, где живёт всё самое важное, самое настоящее, самое вечное. Спасибо тебе за то, что ты меня простила тогда, когда я сама не могла простить себя. Когда я смотрела в зеркало и не узнавала ту девушку, которая смотрела на меня оттуда - испуганную, опустошённую, потерянную. Ты дала мне шанс, когда я думала, что потеряла его навсегда. Ты подарила мне надежду, когда я уже почти перестала верить.*

*Спасибо тебе за то, что ты всегда верила в меня. Даже когда я была на другой стороне, даже когда я говорила те слова, которые причиняли тебе боль, даже когда я сама не понимала, что делаю. Ты видела меня настоящую, спрятанную под слоями страха и лжи, и ты ждала, когда я наконец выйду на свет. Ты ждала годами, мама и я пришла. Не сразу, не легко, но я пришла - к себе, к правде, к тебе.*

*Знаешь, что я поняла за этот год? Что прощение - это*

не то, что мы даём другим. Это то, что мы позволяем себе получить. Ты простила меня, но я не могла принять это прощение, потому что не могла простить себя. Я думала, что не имею права на твою любовь, на твоё тепло, на твою веру в меня, но ты терпеливо ждала, пока я дозрею до этого принятия. Ты не давила, не торопила, не требовала. Ты просто любила меня и этой любви хватило, чтобы я наконец поверила, что я достойна.

Ты - лучшая мама на свете и я хочу, чтобы ты знала: всё, что я делаю сейчас - мои репортажи, мои статьи, мой канал "Честное слово" - всё это посвящено тебе. Твоей вере в меня, твоей любви, твоему примеру. Ты научила меня быть честной, даже когда это больно. Ты научила меня, что правда - это не оружие, а лекарство. Ты научила меня, что семья - это не просто родственники, а люди, которые остаются с тобой, даже когда ты сам готов от них отказать.

Я хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя больше, чем могу выразить словами. Я люблю каждую морщинку вокруг твоих глаз, которые появляются, когда ты улыбаешься. Я люблю твой голос, который всегда звучит в моей голове, когда мне нужно принять важное решение. Я люблю твои руки, которые так уютно обнимали меня в детстве и которые я так хочу снова почувствовать на своих плечах. Я люблю тебя всю - со всеми твоими силами и слабостями, со всеми твоими надеждами и страхами.

*Обещаю тебе, что я приеду., как только это станет возможным, я сяду в поезд, или в автобус, или в машину - неважно. Я приеду к тебе, обниму тебя и скажу все эти слова не в письме, а глядя тебе в глаза. Я хочу увидеть папину бочку, которую он сделал своими руками. Я хочу поиграть с Андрейкой, который так вырос без меня. Я хочу просто быть рядом, чувствовать, что мы снова семья, что мы снова вместе.*

*До встречи, мамочка. Жди меня. Я обязательно приеду. Твоя Катя».*

Катя перечитала письмо несколько раз, внося небольшие правки, исправляя слова, которые казались ей недостаточно точными, но чем больше она перечитывала, тем яснее понимала: это письмо - не просто текст. Это её сердце, выложенное на бумаге. Её любовь, её благодарность, её обещание и она знала, что мать поймёт каждое слово, даже те, которые остались между строк.

Она аккуратно сложила письмо, вложила его в конверт и написала адрес на конверте. Когда она запечатывала его, она чувствовала, как внутри неё разливается то тихое, спокойное чувство, которое бывает только тогда, когда ты знаешь, что ты сделала всё правильно. Что ты больше не скрываешься, не обманываешь, не убегаешь. Что ты - цельная, настоящая, свободная.

Она отправила письмо, и когда конверт исчез в почтовом ящике, Катя почувствовала не пустоту, а наполненность.

Она знала, что это не последнее письмо. Она будет писать матери снова и снова, делясь с ней всеми радостями и печалью своей жизни, но это письмо было особенным. Это было её финальное признание - не в ошибках, а в любви и в этом была её настоящая исповедь.

Через несколько дней ответ пришёл. Катя узнала почерк матери на конверте, и её сердце забилося чаще. Она открыла конверт, достала листок бумаги и начала читать. Слёзы текли по её щекам, но это были слёзы счастья, тёплые и светлые, как апрельское солнце.

*«Катюша, моя родная,*

*Ты даже не представляешь, как я ждала этого письма. Я держу его в руках и чувствую тепло, которое идёт от него - твоё тепло, твоя любовь, твоя душа. Мне кажется, я слышу твой голос, когда читаю твои слова.*

*Знаешь, я всегда знала, что ты вернёшься. Не в Севастополь - это будет позже. Я знала, что ты вернёшься к себе. К той девочке, которая смотрела на мир широко открытыми глазами и верила, что добро всегда побеждает зло. Ты потеряла её на время, но ты нашла её снова и это - самое большое чудо, которое могло случиться.*

*Я не просто прощаю тебя, Катюша. Я горжусь тобой. Ты прошла через такие испытания, которые сломали бы многих. Ты увидела свою тень, ты признала её, ты сражалась с ней - и ты победила. Не потому что ты сильнее всех, а потому что ты не побоялась быть слабой. Ты не*

*побоялась попросить о помощи. Ты не побоялась признать, что ошибалась. Это и есть настоящая сила.*

*Я буду ждать тебя. Мы все будем ждать. Папа уже готовит свою бочку к твоему приезду, он хочет показать тебе, как много он вложил в неё своей души. Андрейка рисует мосты - он говорит, что каждый из них ведёт к тебе. А я просто буду ждать, когда ты войдёшь в дом, и я смогу обнять тебя так, как я делала это, когда ты была маленькой.*

*Ты - моя дочь и я всегда буду тебя любить. Всегда. Это не зависит от того, что ты делаешь или говоришь, где ты живёшь или кем ты работаешь. Ты - часть меня, часть нашей семьи, часть нашей истории и я хочу, чтобы ты никогда, слышишь, никогда не сомневалась в этом.*

*Твоя мама, которая любит тебя больше жизни».*

Катя сидела на полу, прижав письмо к груди, и плакала. Она плакала, как ребёнок, которому наконец-то разрешили плакать, который больше не должен быть сильным и смелым, потому что он находится в безопасном месте, в руках той, кто любит его безусловно.

Она поняла, что её исповедь - эта долгая, трудная, мучительная исповедь - наконец завершена. Она сказала всё, что должна была сказать. Она получила всё, что должна была получить и теперь она могла идти дальше - с лёгким сердцем, с открытой душой, с верой в лучшее.

Она подошла к окну. За стеклом цвела весна. Солнце за-

ливало комнату золотым светом. Где-то внизу дети смеялись, запуская бумажных голубей в небо. Катя улыбнулась, чувствуя, что она наконец дома. Не в Севастополе, не в Киеве, не в каком-то конкретном месте. А в самой себе.

## Часть 12. Разговор с отцом

Май в Киеве был месяцем буйного цветения, когда природа, словно пытаясь наверстать упущенное за долгую зиму, выбрасывала в мир всё самое яркое, самое ароматное, самое живое. Каштаны, которые росли вдоль бульвара, стояли в белых свечах соцветий, и ветер разносил их нежный, чуть терпкий запах по всему городу. Воздух был тёплым и мягким, как прикосновение ладони, и в нём чувствовалось приближение лета - того самого лета, которое обещало тепло, свет и, возможно, новые перемены.

Катя сидела на своём балконе на Оболони, обернувшись в лёгкий шерстяной плед, и смотрела на закат, который разгорался над Днепром. Небо переливалось всеми оттенками золота, розового и багрянца, словно кто-то невидимый разлил по нему целую палитру красок. Где-то вдалеке слышались голоса детей, смех, звон велосипедных звонков - жизнь возвращалась в город, и это возвращение было таким же прекрасным и неизбежным, как этот закат.

Катя держала в руках телефон, но не решалась нажать кнопку вызова. Она прокручивала в памяти все те разговоры, которые у неё были с отцом за последние годы. Их было так мало - несколько коротких звонков, несколько скупых

фраз, несколько мгновений, когда она слышала его голос и чувствовала, как что-то тёплое и родное разливается внутри неё. Она вспоминала его руки - большие, сильные, в мозолях, которые вечно пахли деревом и смолой. Его молчаливость, которая никогда не была холодной, а была просто его способом быть рядом, не загромождая пространство лишними словами.

И вдруг она поняла, что больше не может откладывать. Что ей нужно позвонить ему. Не для того, чтобы сказать что-то важное или спросить о чём-то. Просто чтобы услышать его голос. Просто чтобы знать, что он есть, что он жив, что он помнит о ней.

Она набрала номер, и её сердце забилося быстрее. Гудки были длинными, и Катя почти физически чувствовала, как сигнал пробивается через километры, через границы, через все те преграды, которые разделяли их. Она представила, как отец сидит в своей мастерской, среди стружек и инструментов, возможно, с кружкой чая, и смотрит на телефон с лёгким удивлением.

- Алло? - раздался его голос. Такой знакомый, такой тёплый, такой спокойный. В нём не было ни тревоги, ни спешки - только та уверенная, неторопливая интонация человека, который привык работать руками, который привык, что время течёт в ритме его собственного дыхания.

- Папа, привет! сказала Катя, и голос её дрогнул от нахлынувших эмоций. - Это я, Катя. Ты не занят? Я не отвлекаю?

- Катюша! - голос отца стал теплее, и Катя услышала в нём улыбку. - Ну что ты, дочка, я всегда рад тебя слышать. Сижу вот в мастерской, бочку доделываю, как раз чай пью. Ты, как там? Всё хорошо?

- Всё хорошо, папа, - ответила Катя, чувствуя, как напряжение, которое накапливалось в ней до звонка, начинает таять. - Просто захотелось услышать твой голос. Увидеть тебя не могу, так хоть услышать. Ты, как там? Как твои дела? Как мастерская? Как бочки? Ты писал, что делаешь новую, ту, особенную, для Massandra. Я так хочу её увидеть!

Отец засмеялся - тем своим тихим, довольным смехом, который Катя так любила в детстве.

- Ох, дочка, ты бы её видела! Это не бочка, это произведение искусства. Дуб, выдержанный пять лет, ручная ковка, каждый обруч я сам подгонял. Она похожа на шкатулку, в которой хранится само время. Когда ты приедешь, я тебе её покажу. Ты даже не представляешь, как она пахнет - дуб, мёд, воск. Я вложил в неё душу, Катюша., как в тебя когда-то.

Катя почувствовала, как к горлу подступает комок. Она вспомнила, как в детстве сидела в мастерской отца и смотрела, как он работает., как пахло деревом, как стружки завивались под его резцом, как он брал её маленькие руки в свои и учил держать стамеску. Она вспомнила, как он говорил ей: *«Дочка, дерево - это живое. Каждая бочка хранит в себе историю. Ты должна её услышать, прежде чем начать*

*работать с ним».* Тогда она не понимала этих слов. Теперь она понимала. Всё, что он делал, было наполнено любовью - к делу, к своей семье, к своему дому.

- Папа, сказала она, и голос её стал серьёзным, - я хочу тебе сказать кое-что. Что-то, что я должна была сказать давно, но боялась. Стыдно было. Неловко. Думала, что ты отвернёшься.

- Я никогда не отвернусь от тебя, - ответил Андрей, и в его голосе не было ни капли сомнения. - Говори, дочка. Я слушаю.

Катя глубоко вздохнула и начала говорить. Она говорила о том, как ей было стыдно за свои старые репортажи, за ту ложь, которую она транслировала. Она говорила о том, как боялась, что он разочаруется в ней, что увидит в ней чужого человека, а не свою дочь. Она говорила о том, как она писала письмо матери и, как боялась его отправить и о том, что теперь, когда всё это осталось позади, она хочет, чтобы он знал: она изменилась. Она стала другой. Она снова стала той Катей, которую он когда-то учил держать стамеску и слушать дерево.

Андрей молчал несколько секунд. Катя слышала, как он дышит, как где-то на заднем плане поскрипывает дерево, как ветер колышет листья за окном мастерской. А потом он сказал - тихо, но так, что каждое слово врезалось в память:

- Ты знаешь, Катюша, когда ты была маленькой и упала с велосипеда, разбив коленку до крови, что я тебе сказал?

- Ты сказал: «Вставай, дочка. Больно - значит, жива. Иди дальше», - прошептала Катя, и по её щеке скатилась слеза.

- Вот видишь, - продолжил он. - Ты упала тогда, ты упала и сейчас, когда оступилась и сделала неправильный выбор, но ты встала. Ты нашла в себе силы подняться, отряхнуть пыль и идти дальше. Именно это я и хотел тебе тогда сказать и именно это я говорю тебе сейчас. Я не сужу тебя за прошлое. Я вижу тебя - настоящую, живую, сильную. Ты - моя дочь, и я горжусь тобой. Всегда гордился и буду гордиться.

Катя плакала, но это были слёзы облегчения, слёзы радости, слёзы благодарности. Она чувствовала, как слова отца проникают в самые глубины её души, залечивая те раны, которые она носила в себе годами. Она знала, что её отец не из тех, кто говорит много и красиво, но каждое его слово было весомым, как хорошо сделанная вещь, которую можно держать в руках и чувствовать её тепло.

- Папа, я так тебя люблю, сказала она. - Я не знаю, как я могу выразить это словами. Ты дал мне так много. Ты научил меня быть честной с собой. Ты научил меня, что даже самая большая боль проходит, если не бояться её. Ты научил меня работать, терпеть, верить и я хочу, чтобы ты знал: всё, что я делаю сейчас - это для тебя. Чтобы ты мог гордиться мной.

- Я уже горжусь, дочка, - ответил он. - И я всегда буду рядом. Даже если мы далеко друг от друга. Я всегда буду в твоём сердце, а ты - в моём. Помни об этом.

Они поговорили ещё немного - о погоде, о мастерской, о

том, как Андрейка вырос и уже помогает деду в его деле. Андрей рассказал, как внук сделал свою первую деревянную игрушку - маленькую лодочку, которую он вырезал из сосновой ветки. Катя слушала и чувствовала, как её сердце наполняется теплом. Она знала, что её семья - это не просто люди, с которыми она связана кровью. Это её опора, её фундамент, её дом и что бы ни случилось, этот дом всегда будет ждать её.

Когда они попрощались, Катя долго сидела на балконе, глядя на звёзды, которые начали зажигаться на небе. Она чувствовала, как тихая, спокойная радость заполняет её изнутри. Она больше не боялась будущего. Она больше не боялась ошибок. Она знала, что у неё есть семья, которая любит её такой, какая она есть и это было всё, что имело значение.

Она взяла телефон и написала короткое сообщение Ярине: *«Я только что говорила с папой. Он сказал, что гордится мной. Я чувствую себя такой счастливой, что не могу передать словами».*

Ответ пришёл почти мгновенно: *«А я тебе что говорила? Бондаренко не сдаются и их отцы всегда знают, какие они на самом деле. Ты заслужила это, Катя. Ты заслужила всё».*

Катя улыбнулась, убирая телефон в карман. Она знала, что это был не просто разговор. Это был шаг к завершению её исповеди. Она сказала правду всем, кому должна была её сказать. Она получила прощение и любовь тех, кто был для

неё самым важным в мире и теперь она могла идти дальше - с лёгким сердцем, с открытой душой, с верой в то, что её путь был правильным.

Она смотрела на звёзды, и ей казалось, что они мерцают в такт её сердцу. Где-то там, далеко, её отец сидел в своей мастерской и, возможно, тоже смотрел на небо.

### Часть 13. Очищение

Лето вступило в свои права с той щедрой, почти расточительной силой, которая бывает только в те годы, когда природа хочет напомнить человеку о том, что жизнь продолжается, несмотря ни на что. Киев утопал в зелени - липы, клёны, каштаны стояли в полном расцвете, их кроны смыкались над улицами, создавая зелёные тоннели, в которых прятались от солнца прохожие. Воздух был наполнен густыми, терпкими ароматами - цветущие липы источали свой медовый, чуть горьковатый запах, смешиваясь с запахом нагретого асфальта, свежескошенной травы и речной воды, которая тянула прохладой с Днепра. Город жил, дышал, улыбался, несмотря на всё, что произошло за последние полтора года. Люди возвращались на улицы, открывались кафе, в парках снова звучала музыка, и в этом упрямом, почти вызывающем желании жить чувствовалась та самая украинская стойкость, которой Катя так восхищалась.

Она сидела на своём балконе на Оболони, облокотившись на перила, и смотрела на город, который медленно погружался в летние сумерки. Солнце клонилось к горизонту, окра-

шивая небо в золотистые, розовые и фиолетовые тона, и Катя чувствовала, как эта красота проникает в неё, наполняя каждую клеточку тела тихой, глубокой благодарностью. Она была благодарна этому дню, этому небу, этому городу, но больше всего она была благодарна себе. За то, что она не сдалась. За то, что она прошла этот путь. За то, что она нашла в себе силы посмотреть в глаза своей правде и не отвернуться.

Она взяла чашку чая с мятой, которую заварила незадолго до этого, и сделала глоток. Тёплая жидкость разлилась по телу, принося с собой успокоение, и Катя закрыла глаза, позволяя себе просто быть - здесь, сейчас, в этом моменте, который не требовал от неё ничего, кроме присутствия. Она думала о том, как много изменилось за последний год., как она изменилась и эти мысли не были для неё болезненными - наоборот, они были тёплыми, почти ласковыми, как прикосновение ветра к лицу.

Она вспоминала себя год назад - испуганную, потерянную, сжимающую в руках конверт с первым письмом к матери. Тогда она была словно в клетке, которую сама же для себя и построила. Клетка эта была сделана из страха, стыда, лжи и бесконечного чувства вины, которое душило её каждый день. Она просыпалась по ночам от кошмаров, в которых снова видела себя на экране, слышала собственный голос, который называл людей зверями и врагами, и просыпалась в холодном поту, чувствуя, как сердце колотится о

рёбра. Она боялась зеркал, потому что не узнавала ту девушку, которая смотрела на неё оттуда. Она боялась собственных старых репортажей, которые случайно находила в архивах. Она боялась, что кто-то узнает правду о том, какой она была раньше, и отвернётся от неё.

Теперь всё было иначе. Она просыпалась с лёгкостью в душе, с мыслью о том, что день принесёт ей что-то хорошее. Она смотрела на себя в зеркало и видела знакомые черты - те же глаза, те же веснушки на носу, но в них было что-то новое. Твёрдость. Спокойствие. Уверенность. Она больше не боялась своего прошлого, потому что она приняла его. Она больше не боялась своих ошибок, потому что она превратила их в уроки. Она больше не боялась того, что люди узнают её историю, потому что она сама рассказала им о ней - в письмах, в статьях, в своих репортажах, в своих книгах. Она перестала быть заложницей своей вины. Она стала её хозяйкой.

Она подумала о том, как трудно было сделать первый шаг. Написать то первое письмо матери - письмо, в котором она признавалась во всей своей лжи, во всей своей боли, во всей своей слабости. Она перечитывала его десятки раз, боясь, что оно окажется недостаточно искренним, недостаточно честным. Она боялась, что мать не поймёт её, что она отвернётся, что она увидит в ней только ту девушку с экрана, которая называла людей врагами, но она всё равно отправила его и этот шаг - маленький, но такой важный - стал нача-

лом её исцеления.

Она вспоминала, как ждала ответа. Дни тянулись бесконечно, каждый из них был наполнен тревогой и надеждой. Она проверяла почтовый ящик несколько раз в день, и каждый раз, когда он оказывался пустым, её сердце сжималось от боли. Она боялась, что ответ не придёт никогда. Что мать решила разорвать все связи. Что она потеряла свою семью навсегда и когда конверт с родным почерком наконец оказался в её руках, она не могла открыть его несколько минут - она просто держала его, чувствуя тепло, которое шло от бумаги и когда она прочитала строки: *«Я прощаю тебя, доченька. Я горжусь тобой»*, - она поняла, что этот момент навсегда изменил её жизнь.

Она вспоминала разговор с братом - тот, в июле, когда связь была плохой, а голос Алексея тонул в помехах, но его слова были такими чёткими и тёплыми, что они пробивались сквозь все преграды. Он сказал: *«Ты не одна, Катя. Бондаренко не бросают своих»* и эти слова стали для неё якорем, за который она держалась в самые тёмные моменты. Она знала, что у неё есть брат, который любит её, несмотря на все её ошибки. У неё есть семья, которая ждёт её и верит в неё и это знание давало ей силы продолжать идти вперёд.

Она вспоминала разговор с отцом - тот, в мае, когда она сидела на балконе и смотрела на закат, а он рассказывал ей о своей мастерской, о своих бочках, о внуке, который уже делает свои первые шаги в мире дерева. Она вспоминала его

голос - спокойный, уверенный, тёплый. Она вспоминала его слова: *«Я всегда буду гордиться тобой, дочка. Что бы ты ни делала, где бы ты ни была, ты - моя дочь, и я люблю тебя»* и она чувствовала, как эти слова вплетаются в ткань её души, делая её прочнее, теплее, целостнее.

Но самым важным этапом очищения стало её примирение с самой собой. Она поняла, что не может продолжать жить, если она не перестанет наказывать себя за ошибки прошлого. Она поняла, что её прошлое - это не приговор, а урок. Что она не обязана быть идеальной, чтобы быть достойной любви и прощения. Что она имеет право на второй шанс, как и любой другой человек. Она поняла, что очищение - это не магия, не волшебная таблетка, которая избавляет от боли за одну ночь. Очищение - это процесс. Это долгая, трудная, изнурительная работа над собой. Это когда ты каждый день просыпаешься и делаешь выбор в пользу правды. Это когда ты позволяешь себе чувствовать боль, но не даёшь ей власти над собой. Это когда ты учишься прощать себя так же, как ты прощаешь других.

Она сидела на балконе, и перед её глазами проплывали картины прошлого. Она видела себя молодой и наивной, стоящей перед камерой и повторяющей чужие слова. Она видела свои старые репортажи, в которых она говорила так уверенно, так громко, так убеждённо. Она видела себя в тумане лжи, который окутывал её со всех сторон, не давая ей видеть правду и теперь, глядя на это прошлое, она не чувство-

вала к той девушке ни ненависти, ни презрения. Она чувствовала к ней сострадание. Она была той девушкой, и она понимала, что та девушка просто пыталась выжить. Она искала своё место в мире, она хотела быть нужной и значимой, и она сделала неправильный выбор, но она его исправила.

Она подумала о том, что очищение - это не только прощение себя. Это ещё и прощение других. Она простила тех, кто использовал её, кто манипулировал ею, кто заставлял её говорить то, во что она не верила. Она простила систему, которая превратила её в инструмент лжи. Она простила себя за то, что она позволила этому случиться и это прощение освободило её от того груза, который она носила в себе годами.

Когда Ярина пришла к ней в тот вечер, Катя почувствовала, что готова поделиться с ней теми выводами, которые она сделала за последние дни. Ярина была для неё не просто подругой - она была её союзником, её сестрой по духу, её тихим убежищем, где она всегда могла быть собой, не опасаясь осуждения. Катя поставила на стол ещё одну чашку чая, и они сели на балконе, глядя на огни города, которые зажигались один за другим.

- Ярина, - начала Катя после долгого молчания, - я думаю, я наконец-то поняла, что значит быть свободной. Раньше я думала, что свобода - это когда ты можешь делать всё, что хочешь. Когда у тебя есть возможность выбирать. Когда никто не указывает тебе, что делать, но теперь я знаю, что настоящая свобода - это когда ты не боишься себя. Когда ты

можешь смотреть в прошлое и не чувствовать стыда. Когда ты можешь смотреть в будущее и не чувствовать страха. Это когда ты перестаёшь быть заложником своих ошибок и начинаешь быть их хозяйкой. Я дошла до этого состояния, и я чувствую, как оно делает меня сильнее.

- Это удивительно, - ответила Ярина, и в её голосе слышалась та тёплая, глубокая уверенность, которая всегда была её чертой. - Ты прошла путь, который сломал бы многих. Ты видела дно, ты чувствовала самый глубокий стыд, ты знала, что такое отчаяние и ты не просто выжила - ты стала сильнее. Ты превратила свою боль в силу, свою ложь в правду, свою вину в искупление. Это невероятно, Катя. Это достойно восхищения.

, но я не сделала бы это без тебя, сказала Катя, и в её голосе слышалась искренняя благодарность. - Ты была рядом в каждый момент, даже когда я сама не хотела быть рядом с собой. Ты не дала мне упасть. Ты поднимала меня каждый раз, когда я падала. Ты была моим светом в темноте и я хочу, чтобы ты знала: я всегда буду рядом с тобой. Что бы ни случилось, я буду твоей опорой так же, как ты была моей.

Ярина улыбнулась, и в её глазах блеснули слёзы - тёплые, светлые, искренние.

- Знаешь, Катя, сказала она, - когда я впервые встретила тебя, я не знала, что ты станешь для меня самым близким человеком. Я думала, что мы будем просто коллегами, просто друзьями, просто людьми, которые иногда пересекаются

в жизни, но ты стала для меня сестрой и я благодарна судьбе за этот подарок. Мы прошли через столько всего вместе, и каждый раз, когда я смотрю на тебя, я вижу не ту девушку, которая потерялась в своей лжи. Я вижу женщину, которая нашла себя в своей правде и я горжусь тем, что могу называть тебя своей подругой.

- Мы - наш собственный мост, Ярина, сказала Катя, повторяя слова, которые когда-то сказала ей подруга. - Мы - наша правда и это единственное, что имеет значение.

Они сидели в тишине, глядя на ночное небо, которое было усыпано звёздами. Где-то вдалеке слышалась музыка - кто-то включил старую украинскую песню, и её мелодия плыла по вечернему воздуху, наполняя его теплом и ностальгией. Катя чувствовала, как её душа наполняется той тихой, спокойной радостью, которая бывает только тогда, когда ты знаешь, что ты на правильном пути. Она знала, что впереди ещё много работы, много вызовов, много трудных решений, но она также знала, что теперь она готова к ним. Она больше не боялась правды. Она больше не боялась будущего. Она больше не боялась быть собой.

Она подумала о том, что её исповедь завершена. Она сказала всё, что должна была сказать. Она получила всё, что должна была получить. Она прошла через все этапы очищения - признание, принятие, прощение, исцеление и теперь она была свободна - по-настоящему, полностью, окончательно. Она больше не была той девушкой, которая боялась соб-

ственной тени. Она была женщиной, которая прошла через ад и вышла из него с чистой душой и ясным сердцем. Она была той, кто не боится любить, верить, строить - несмотря ни на что.

Она взяла телефон и написала короткое сообщение Яри-не, которая уже ушла, оставив после себя тепло и свет: *«Спасибо, что ты есть. Я люблю тебя. Ты - мой самый важный человек»*.

Ответ пришёл почти мгновенно: *«Я люблю тебя больше и всегда буду рядом. Бондаренко не сдаются и их друзья тоже»*.

Катя улыбнулась, убирая телефон в карман. Она посмотрела на звёзды и загадала желание - простое, но такое важное. Она загадала, чтобы мир стал добрее. Чтобы война закончилась. Чтобы все семьи воссоединились. Чтобы любовь побеждала ненависть, а правда побеждала ложь. Она знала, что одно желание не изменит мир, но она также знала, что каждая маленькая искорка надежды имеет значение и она была готова зажигать эти искорки каждый день - своими словами, своими поступками, своей жизнью.

Она больше не боялась будущего. Она знала, что оно будет трудным, но она также знала, что она справится. Потому что она была Катя Бондаренко. Потому что она прошла через всё и осталась собой. Потому что она знала цену правды и силу любви.

И это знание согревало её даже в самые тёмные ночи, как

маленький огонёк, который никогда не гаснет. Потому что она знала: пока есть любовь, пока есть вера, пока есть правда - есть и надежда. А надежда - это то, что движет миром и она будет нести её в своём сердце до самого конца.

## Глава 28. Статья

### Часть 1. Решение

Жара в тот год пришла в Киев внезапно, словно прорвав оборону затяжной весны. Уже к девяти утра асфальт на Оболони начинал плавиться, издавая тот едва уловимый запах нефти и раскаленного камня, который смешивался с ароматом перезревшей липы. Огромные деревья, посаженные еще при советской власти, стояли неподвижно, тяжело роняя липкий нектар на припаркованные машины. Город жил своей летней жизнью, пытаясь игнорировать войну: на набережной Днепра появились первые смельчаки в купальниках, а в уличных кафе снова зазвенели стаканы с холодным лимонадом, но тишина была обманчивой. Время от времени небо над левым берегом прорезал противный, режущий слух звук сирены, и тогда привычная суета замирала на пару минут, люди поднимали головы к голубому небу, пытаясь разглядеть угрозу, а затем, вздыхая, возвращались к своим делам. Воздух был пропитан этим странным коктейлем из летнего зноя, цветущих каштанов и ввевшейся в легкие тревоги.

В небольшой двушке на восьмом этаже дома, выходящего окнами во двор-колодец, было душно. Катя сидела на кух-

не, которая служила ей одновременно и кабинетом, и местом для размышлений. Перед ней стояла остывшая чашка чая с лимоном, который она так и не попробовала. Она смотрела на пустой экран ноутбука, но видела не мерцание матрицы, а призраки прошлого. Решение, которое она приняла сегодня утром, созревало в ней не дни и даже не месяцы. Оно лежало в ее душе, как семя, которое попало в благодатную почву после того дождя - той самой поездки в Донецк, когда ее мир перевернулся. Семя лежало в темноте, набираясь сил, пуская тонкие корешки сомнений и страха, пока наконец не прорвало асфальт ее самообмана.

Она хотела написать статью. Не просто очередной материал для своего телеграмм-канала или портала «Правда без границ». В последние годы она писала много, но это всегда была аналитика, попытка осмыслить происходящее холодным умом журналиста, дистанцируясь от эмоций. Сейчас она чувствовала, что этот метод больше не работает. Ей нужно было нечто иное. Ей нужна была исповедь.

Ей нужно было рассказать миру правду о том, как работает машина пропаганды изнутри., как она сама была частью этого конвейера, который штамповал ненависть, превращая соседей во врагов, а детей - в сирот. Она хотела описать тот липкий, тошнотворный страх, который охватывает, когда понимаешь, что твои вчерашние статьи могли стать причиной чьей-то смерти., как она выбралась из этой трясины, как нашла в себе силы посмотреть в глаза матери по-

сле того, как призналась во лжи, и, как начала строить свой мост обратно к человечности. Это была не профессиональная задача. Это была попытка смыть с себя то, что уже не отстирывалось. Это был способ сказать миру: «Я была частью тьмы, но я нашла дорогу к свету и если я смогла, то сможет и кто-то еще, кто сейчас переписывает новости под диктовку чужих интересов».

Она сидела, обхватив ладонями теплый корпус ноутбука, и чувствовала, как внутри поднимается та самая волна - не просто решимости, а почти физического облегчения. Словно она уже начала этот путь.

Из зала донесся мягкий шум - это Ярина, проснувшись, возилась на диване. Катя слышала, как звякнула ложка о кружку, затем послышались легкие шаги босиком по паркету. Ярина появилась в дверном проеме кухни. На ней была ее любимая растянутая футболка с выцветшим принтом «Кохаю», а светлые волосы были небрежно собраны в пучок на затылке, из которого выбивались непослушные пряди. Солнечный свет, отражаясь от стеклянного шкафа, падал на ее лицо, высвечивая мягкие черты. Она смотрела на Катю с той особенной, тревожной нежностью, которая появлялась у нее всегда, когда она чувствовала, что подруга находится на грани важного решения.

Ярина поставила перед Катей тарелку с нарезанным арбузом, который сочился алым соком, и, присев на табуретку напротив, спросила. В ее голосе звучала та самая смесь бес-

покойства и безоговорочной поддержки, которая была визитной карточкой их дружбы.

- Ты уверена, Катю? - тихо спросила Ярина, обмакивая палец в арбузную лужицу. - Ты уже почти сутки сидишь над этим... вернее, почти сутки не сидишь. Я вижу, как ты собираешься с духом. Это будет жестко. Я знаю, ты готова к критике, но я боюсь за тебя. Понимаешь? Эта статья -, как разрывная мина. Тебя могут не понять не только там, по ту сторону, но и здесь. Свои могут отвернуться. Скажут, что ты оправдываешь врага, что ты слишком мягкая. Могут использовать твои признания против тебя в суде или в интернете. Ты должна быть на сто процентов готова к тому, что правда, даже самая честная, часто бывает неудобной и неблагодарной.

Катя подняла глаза. Взгляд ее был твердым, как лед на Днепре в январе. Она перевела взгляд на арбуз, провела пальцем по мокрой поверхности стола, оставляя разводы, и сказала, и голос ее звучал низко, но очень четко:

- Пусть. Я больше не могу молчать. Это физически больно - держать это внутри. Каждое утро я просыпаюсь и вспоминаю те заголовки, которые я написала в 2014-м. Я живу с этим грузом, Ярин. Это не просто чувство вины, это тяжесть, которая пригибает меня к земле. Я не могу дышать полной грудью, зная, что я когда-то была частью этой лживой машины. Я должна рассказать всю правду. Без смягчающих обстоятельств. Без попытки выставить себя жертвой.

Я расскажу о том, как легко потерять человеческий облик, когда тебе платят за слова, и, как трудно, почти невозможно, найти его обратно. Я хочу, чтобы люди, которые сейчас сидят в таких же студиях и пишут такие же фейки, прочитали это и увидели себя со стороны. Чтобы они знали: выход есть.

Ярина слушала, не перебивая. Она знала Катю слишком хорошо, чтобы спорить, когда та говорила таким тоном. Вместо этого она просто протянула руку через стол и сжала пальцы Кати.

- Тогда пиши, сказала она, и в ее голосе зазвучала та теплая, спокойная уверенность, которая всегда действовала на Катю лучше любых успокоительных. - Я буду рядом. Я буду приносить тебе чай и вытаскивать тебя гулять, когда у тебя начнет сводить шею от экрана. Ты не одна и что бы ни случилось завтра, сегодня я здесь.

Катя выдохнула, и этот выдох был похож на сигнал к старту. Она повернулась к ноутбуку, щелкнула крышкой. Экран засветился ярким белым светом, и Катя начала писать.

Она работала несколько суток подряд. Мир за окном перестал для нее существовать. Она не замечала, как день сменяется вечером, а вечер - душной киевской ночью, полной стрекотания сверчков и далекого гула генераторов. Она почти не спала, погружившись в этот процесс, который был для нее одновременно пыткой и освобождением. Каждое слово давалось с трудом, потому что ей приходилось заново переживать моменты, которые она хотела забыть.

Она писала о своем первом репортаже из Мариуполя в 2014-м, о том, как она смотрела на горящие дома и чувствовала холодную отстраненность, придумывая красивые фразы о «бандеровской хунте». Она описала момент, когда она увидела фотографию разрушенного театра в Донецке и поняла, что это делают не «каратели», а такие же люди, как она, только с другой стороны. Она написала о поездке, где впервые увидела глаза ополченца - не зверя с плакатов, а уставшего мужчины, который показывал ей фото своей дочери. Она снова пережила тот острый стыд, который накрыл ее тогда. Потом она писала о годах молчания, о том, как сложно было признаться во всем матери, как та плакала, стирая свои старые вырезки из газет. Она писала о том, что правда не всегда делает нас свободными, но она делает нас честными перед собой.

Название пришло само собой: «Как я врала». Без пафоса, без литературы. Коротко и осколочно, как выстрел. Она писала о войне, но не о политике, а о людях. О том, что война начинается не на линии фронта, а в головах, когда мы перестаем видеть в другом человеке человека.

Когда последнее слово было напечатано, Катя откинулась на спинку стула. Было три часа ночи. За окном горели лишь редкие окна соседних домов. Она сохранила файл, закрыла ноутбук и некоторое время просто сидела в тишине. Затем она открыла его снова и перечитала текст от корки до корки, раз за разом внося мелкие правки. Она убирала лишние

эпитеты, делала предложения короче, жестче.

Закончив, она почувствовала странную легкость. Не эйфорию, нет. Скорее то самое спокойствие после долгой бури. Ее душа, израненная и уставшая, наконец-то наполнилась тихой, уверенной ясностью. Она знала: эта статья - ее свидетельство. Это не просто слова на экране. Это ее мост, перекинутый от прошлого к будущему. Она должна поделиться этим с миром, каким бы жестоким этот мир ни был.

Катя закрыла ноутбук и пошла в комнату, где спала Ярина. Она прилегла рядом, чувствуя тепло подруги, и прикрыла глаза. Бондаренко не сдаются. Они идут до конца и даже если эта статья станет последней в ее журналистской карьере, даже если ее забудут или проклянут, она сделала свой выбор. Она перестала врать. Она выбрала правду и сейчас, засыпая под мерный гул города, который продолжал жить, несмотря ни на что, она знала, что это единственное, что имеет значение. Любить, верить и строить мосты, соединяя сердца, даже когда вокруг рвутся снаряды. Потому что это делает ее сильной. Это делает ее свободной и у нее есть Ярина, и у них есть их правда, которую никто не сможет у них отнять, что бы ни случилось завтра.

Часть 2. Содержание

Киев, июль 2023 года.

Статья «Как я врала» оказалась самой трудной работой в жизни Кати и дело было вовсе не в журналистском мастерстве - за годы работы в «Правде без границ» она научи-

лась выстраивать композицию, работать с фактами и держать ритм текста так, чтобы читатель не отрывался до последней точки. Трудность была иного рода: ей предстояло совершить акт публичной аутопсии, вскрыть собственную душу без анестезии, без права на смягчающие обстоятельства. Каждый абзац давался ей с кровью, потому что она не просто вспоминала - она заново проживала свои ошибки, погружалась в тот липкий, тошнотворный стыд, который она так долго прятала за спиной.

Она писала несколько дней, почти не отрываясь от ноутбука. Её пальцы летали по клавиатуре, то останавливаясь, когда она закрывала глаза и пыталась восстановить в памяти лица, запахи, голоса. Она перечитывала свои старые тексты, которые сохранились в архивах, и её передёргивало от собственной наивности и жестокости. Она плакала, когда писала о матери, которая, узнав правду, долго молчала, а потом тихо сказала: «Я воспитала тебя честной, дочка. Ты просто заблудилась, но ты вернулась, и это главное». Катя удаляла эти строки, переписывала заново, потому что хотела передать не просто факты, а ту гамму чувств, которая разрывала её изнутри.

Она писала о том, какой была в 2014-м. Семнадцатилетняя девочка, стоящая на Майдане в октябрьский день, когда воздух пах дымом шин и мокрым асфальтом. Она смотрела на трибуну, слушала страстные речи и чувствовала, как внутри разливается почти физическая сила - вера в то, что

она на правильной стороне. Она не задумывалась о том, что у «той» стороны тоже есть свои правда и боль. Ей казалось, что мир чёрно-белый, а она - рыцарь без страха и упрёка. Она писала о том, как легко молодость поддаётся красивым лозунгам, как приятно чувствовать себя частью толпы, когда тысячи голосов звучат в унисон, и, как страшно потом осознавать, что единство это было искусственным, сфабрикованным.

Она писала о своей первой поездке на Донбасс летом 2014-го. Тогда она ещё была корреспондентом провинциального канала, и её отправили в «горячую точку» за «объективными кадрами». Она помнила, как въезжала в Славянск: разбитые витрины, выгоревшие остовы машин на обочинах, запах гари, который въедался в волосы и одежду на несколько недель. Она видела людей, которые сидели в подвалах с детьми и не понимали, за что их бомбят. Она разговаривала с ополченцем, который показал ей фото своей маленькой дочери в цветочном платье и сказал: «Я её не видел три месяца. Я даже не знаю, жива ли она, но я должен защитить наш дом» и тогда в голове Кати что-то щёлкнуло. Этот человек не был зверем с пропагандистских плакатов. Он был отцом, который просто хотел, чтобы его семья выжила. Это был момент, когда её идеологический каркас дал первую серьёзную трещину.

Она подробно описала этот перелом., как она возвращалась в Киев и не могла смотреть в глаза своим коллегам,

которые с восторгом пересказывали новости о «героической борьбе с террористами»., как она начала скрывать свои сомнения, боясь, что её объявят предательницей., как она продолжала писать те же тексты, что и раньше, но каждое слово давалось ей с трудом, словно она вытаскивала из себя занозы. Она признавалась, что врала не из злого умысла - она врала, потому что была слепа. Потому что ей казалось, что другого выбора нет. Потому что признаться в ошибке означало разрушить всё, что она строила в своей голове.

Но затем наступил момент прозрения. Она написала о своей поездке в Донецк в 2019-м, когда она уже работала в «Правде без границ» и имела доступ к независимым источникам. Она встретила с людьми, которые потеряли всё, но не потеряли человечность. Она увидела разрушенный театр, больницы, школы и в тот момент она поняла, что правда не может быть монополией одной стороны. Правда всегда многогранна, как стекло, и каждый видит в ней свой отблеск. Она решила, что больше не будет частью лжи. Она начала писать честно, несмотря на угрозы и давление. Она рассказывала о семьях, разделённых линией фронта, о том, как люди переписываются через волонтеров, потому что официальная связь оборвана. Она строила мосты там, где другие возводили стены.

Катя не щадила себя. Она называла вещи своими именами: она признавалась, что была частью той машины, которая сеяла ненависть. Она перечисляла штампы, которые повто-

ряла - «бандеровцы», «ватники», «киевская хунта» и «колорады». Она писала о том, как эти слова обезличивали людей, превращая их в мишени и она писала о том, как трудно было отучиться от этого языка, как она ловила себя на том, что внутри неё всё ещё звучат эти шаблоны, и, как она каждый раз мысленно останавливала себя.

Статья была исповедью, но не покаянием на публику. Катя не просила прощения. Она просто констатировала факты своей жизни, как врач, описывающий историю болезни. Она хотела, чтобы другие, кто прошёл через то же самое, знали: они не одни. Что путь от лжи к правде тернист, но возможен. Что стыд можно пережить, если не прятать его, а вытащить на свет.

В заключительной части она написала слова, которые рождались в ней долго, мучительно, как последний выдох после долгого бега. Она печатала их медленно, вглядываясь в каждую букву, и чувствовала, как они становятся её новым кредо, её обетом, её обещанием миру.

*«Эта статья - моя исповедь. Я знаю, что многие осудят меня. Мне скажут, что я предательница или, наоборот, что я недостаточно жестока к себе. Мои слова будут вырваны из контекста и использованы против меня. Я потеряю читателей, друзей, возможно, даже веру тех, кто поддерживал меня все эти годы, но я должна была сказать это. Я обязана была рассказать правду - неудобную, горькую, противоречивую. О себе. О войне. О пропаган-*

*де, которая пожирала души быстрее, чем огонь пожирала дома.*

*Правда - это единственное, что у нас осталось. Если мы потеряем её, мы потеряем всё. Мы перестанем отличать добро от зла, друга от врага, реальность от фейка. Мы потеряем себя, свою человечность, последнюю надежду на то, что однажды всё это закончится.*

*Я не знаю, когда наступит мир. Я не знаю, увидят ли мои дети небо без дронов, но я верю в одно: правда всегда побеждает ложь. Даже если победа придёт не при моей жизни. Даже если мне придётся заплатить за эту правду своей репутацией, свободой или чем-то ещё. Я хочу, чтобы моя статья стала напоминанием: каждый из нас способен выбрать свой путь. Путь честности, любви и света. Это не просто красивые слова. Это единственный способ остаться человеком в этом обезумевшем мире».*

Закончив, Катя откинулась на спинку стула. Шея затекла, глаза слезились от напряжения. Она перечитала финальный абзац раз, другой, третий - и вдруг поняла, что впервые за долгие годы чувствует пустоту. Не ту пустоту, которая возникает от отчаяния. А ту, которая приходит, когда ты выгружаешь из себя многолетний груз, когда освобождаешь место для нового.

Она выключила ноутбук, вышла на балкон и вдохнула ночной воздух. Киев спал. Где-то далеко, за Днепром, в домах горели редкие огни. Город, истерзанный тревогами, но

живой. Катя посмотрела на тёмное небо, на котором не было видно звёзд из-за городской засветки, и вдруг поняла: она сделала это. Она перестала быть частью лжи. Она выбрала правду - и теперь готова нести за неё ответственность.

Она знала: эта статья станет её главным высказыванием. Её свидетельством перед историей. Её мостом в будущее. Бондаренко не сдаются. Они идут до конца, даже если путь лежит через пропасть. Она будет строить свои мосты, соединяя сердца и судьбы, несмотря на все преграды, которые только могут возникнуть. Потому что она знала главное: в мире, где рушатся города и гибнут люди, единственное, что имеет ценность - это любовь, вера и способность протягивать руку помощи тем, кто по ту сторону баррикад. Это делает их сильными. Это делает их свободными. Это делает их людьми.

И когда она вернулась в комнату, где тихо посапывала Ярина, обнимая подушку, Катя поняла, что не одна. У них есть друзья и это самое важное. Они будут ждать того дня, когда их близкие соберутся за одним столом, и они смогут обняться и сказать самые простые, самые нужные слова. Это знание согревало её в самые холодные ночи, когда политические игры казались бесконечными. Их любовь была сильнее любых слов, сильнее любых границ. Их мост, построенный из доверия и боли, выдержит любые бури. Потому что это - их дом, их земля, их правда.

Часть 3. Отказ

Киев, август 2023 года.

Август вступил в свои права с тяжелой, удушающей духотой. Воздух за окном стал вязким, как кисель, и даже ночью не приносил пролады - только редкие порывы ветра, пахнущие пылью и выхлопными газами. В Киеве было душно, и эта духота словно проникала в квартиру Кати, смешиваясь с её внутренним напряжением. Она сидела за столом, перед ней лежал ноутбук, а на экране - десятки открытых вкладок с электронными письмами. Каждое из них она перечитывала по нескольку раз, словно надеясь найти между строк скрытый смысл, которого там не было.

Когда она наконец завершила статью «Как я врала», когда последняя точка была поставлена, а тело перестало дрожать от эмоционального перенапряжения, Катя почувствовала не облегчение, а пустоту. Ей нужно было, чтобы этот текст увидел свет. Ей нужно было, чтобы он был опубликован не просто в её личном блоге, где его прочитают пара тысяч постоянных подписчиков, а в серьёзном, уважаемом издании. Там, где ему придадут вес, где он станет частью общественной дискуссии. Она отправила статью в несколько редакций, тщательно отбирая те, которые считала достаточно независимыми, чтобы не побояться острой темы.

Список был внушительным. Крупные украинские онлайн-медиа с многомиллионной аудиторией, которые регулярно публиковали расследования о коррупции и военные репортажи. Небольшие независимые издания, которые ча-

сто брали интервью у ветеранов и волонтеров. Зарубежные журналы, специализирующиеся на постсоветском пространстве, - польские, немецкие, британские. Она помнила, как отправляла каждое письмо: с замиранием сердца нажимала на кнопку «Отправить», а затем смотрела на экран, будто ждала мгновенного ответа. Она надеялась, что кто-то из них окажется смелее, кто-то поймёт, что эта статья - не пропаганда и не предательство, а попытка исцелить расколотые души.

Но реальность оказалась жестокой. Ответы начали приходить уже на следующий день, и к концу недели у Кати собралась целая стопка писем-отказов - если их можно было так назвать. Она открывала каждое с замиранием сердца, но содержание всегда было одинаковым.

Первым пришёл ответ от крупного украинского новостного портала, который славился своей якобы прогрессивной позицией. Главный редактор, женщина с безупречной репутацией, написала вежливо, но холодно: «Катя, спасибо за доверие и за мужество, с которым вы написали этот текст. Он действительно сильный и честный, но в нынешних условиях мы не можем его опубликовать. В стране военное положение, и любой материал, который может быть истолкован, как „дружественный“ к врагу или, как критика внутренней политики, ставит под угрозу всё издание. Мы уже имели неприятный опыт с СБУ из-за одного интервью. Простите, но мы не можем рисковать».

Второе письмо пришло из западного журнала, который

регулярно печатал материалы о войне. Ответ был на английском, но тон его был ещё более осторожным: «Это потрясающий текст, Катерина. Честный, болезненный, важный, но мы опасаемся, что западная аудитория, которая привыкла к чёрно-белой картине мира, не готова к такой сложной рефлексии. Публикация может быть воспринята, как оправдание российской агрессии, даже если это не так. Извините, мы вынуждены отказаться».

Третье письмо было от небольшого независимого украинского сайта, который финансировался краудфандингом. Редактор, молодой парень, который когда-то брал у Кати интервью, написал искренне: «Кать, это бомба. Я прочитал всё, и у меня мурашки, но если мы это напечатаем, нас просто закроют. Доноры откажутся нас финансировать, читатели устроят скандал. Мы пока не готовы умирать за эту правду. Нам жаль».

Каждое письмо она перечитывала по несколько раз, и с каждым разом её гнев закипал всё сильнее. Она чувствовала, как внутри неё поднимается волна горечи и разочарования., как же так? Почему те, кто должны были защищать свободу слова, первыми отворачиваются от неё, когда она говорит не то, что им хочется слышать? Она помнила, как эти же издания требовали от властей прозрачности, как они критиковали цензуру, как они обещали читателям правду, какой бы горькой она ни была. А теперь, когда эта правда лежала у них на столе, они прятали голову в песок, как страусы, боясь, что

их репутация может пострадать. Они называли это «тактической целесообразностью», но для Кати это было трусостью - чистой и неприкрытой.

Она сидела на кухне, сжимая в руке мобильный телефон, на экране которого светилось очередное письмо с отказом. За окном шумел вечерний Киев: где-то сигналили машины, на детской площадке смеялись дети, вдалеке проехала карета скорой помощи с включённой сиреной. Город жил своей обычной жизнью, но Катя чувствовала себя оторванной от этого мира, запертой в клетке собственных мыслей.

Входная дверь щёлкнула, и в прихожей послышались шаги. Ярина вернулась из магазина, держа в руках пакет с продуктами и большой букет ромашек, которые она купила по дороге, потому что знала - Кате сейчас нужна хоть капля красоты. Она скинула кеды, прошла на кухню, поставила цветы в банку и только потом посмотрела на Катю. Увидела её сжатые кулаки, побледневшее лицо и стопку распечатанных писем на столе.

- И что? - тихо спросила Ярина, присаживаясь напротив. Она взяла Катину руку в свою и сжала её. - Опять отказ?

- Все отказались, - глухо ответила Катя, и голос её дрогнул. - Все семнадцать редакций. Семнадцать, Ярин! Я думала, что среди них найдётся хотя бы одна смелая, хотя бы одна, которая не побоится, но нет. Они все ссылаются на "сложную ситуацию", на "политическую нестабильность", на "риски для репутации". Они называют это осторожностью,

но я называю это трусостью. Они продали свои принципы за страх быть неудобными.

Ярина вздохнула. Она знала, что Катя не ищет утешения в виде «всё будет хорошо». Кате нужно было, чтобы её поняли и Ярина сказала то, что чувствовала сама:

- Они боятся, Катя и это не просто слова. Представь: идёт война, люди каждый день гибнут. Общественное мнение накалено до предела. Любой текст, который может быть воспринят, как «непатриотичный», может стоить редактору не только работы, но и безопасности - его могут вызвать в СБУ, могут обвинить в пособничестве, могут устроить травлю в соцсетях, сжечь его жизнь дотла. Это не про тебя. Это про них. Они просто не готовы платить такую цену. Это не оправдание, это факт.

- А я готова, сказала Катя, и голос её окреп, словно она сама удивлялась этим словам. - Я уже заплатила эту цену. Я потеряла своих старых друзей, когда перестала врать. Я чуть не потеряла маму, когда призналась ей, что все эти годы я была частью той лжи. Я заплатила за свою правду стыдом, бессонницей, годами сомнений, но я не остановлюсь. Я не могу остановиться.

- И что ты сделаешь? - спросила Ярина, взглядываясь в глаза подруги. - Где ты найдёшь издание, которое согласится на такой риск?

Катя помолчала. Она посмотрела на букет ромашек, который стоял в банке, на маленькие белые лепестки, такие хруп-

кие и одновременно такие живые и в этот момент решение пришло к ней само, чёткое, как удар молнии.

- Я опубликую её сама, сказала она. - На своём канале в Телеграме, на сайте "Правды без границ". Я не буду ждать, пока кто-то даст мне разрешение говорить. Это моя правда, и я сама решу, кому её рассказывать. Если они боятся, это их проблема. Я не боюсь.

Она говорила это с такой уверенностью, что Ярина не стала спорить. Она лишь кивнула, понимая, что это единственный путь для Кати - рискнуть всем, чтобы остаться честной перед собой.

Катя знала, что это решение не будет лёгким. Она знала, что её канал могут заблокировать, что её могут обвинить в дискредитации власти, что подписчики, которые ждали от неё более «патриотичных» текстов, отвернутся. Она знала, что эта публикация станет для неё точкой невозврата - после неё она уже не сможет быть «удобной» ни для кого, но она также знала, что у неё нет выбора. Она больше не может молчать. Она больше не может прятать свою правду, чтобы не причинять неудобства другим.

Она будет говорить. Она будет строить свои мосты, соединяя сердца и судьбы, даже если вокруг будут одни стены. Она будет помнить, что единственное, что имеет значение в этом мире - это любовь, вера и способность быть честным, даже когда это больно. Это делает её человеком. Это делает её сильной. Это делает её свободной.

И когда на следующее утро Катя открыла свой ноутбук и начала подготовку к публикации, она уже не чувствовала страха. Только глухую, сосредоточенную решимость. Бондаренко не сдаются. Она идёт до конца, и она знает: даже если весь мир отвернётся, у неё есть Ярина, есть мама, есть её собственная совесть, которая наконец-то чиста и это - единственное, что имеет значение. Они будут защищать свою правду, сколько бы времени это ни заняло, потому что она - их и никто, ни одна редакция, ни один политик, ни один страх не сможет у них её отнять.

#### Часть 4. Публикация

Сентябрь пришёл в Киев неожиданно рано - с прохладными утрами, когда туман стелился над Днепром, и с золотым светом, который делал город почти красивым, несмотря на бетон и проволоку. Листья на каштанах начали желтеть, и ветер срывал их, кружил по асфальту, словно пытаясь замести следы лета. Катя выбрала этот день не случайно. Ей казалось, что осень - время подведения итогов, время, когда природа сбрасывает лишнее, обнажая суть. Она хотела сделать то же самое со своей жизнью.

Утром 14 сентября, когда часы показывали десять утра, Катя сидела за своим рабочим столом. Перед ней стояла чашка крепкого кофе, который она так и не выпила - он давно остыл, покрывшись тонкой плёнкой. На экране ноутбука был открыт Телеграм-канал «Честное слово», где она уже несколько лет публиковала свои расследования и заметки.

Туда же она загрузила текст «Как я врала» - без единой правки, без попытки сделать его более удобным или политически корректным. Она оставила все острые углы, все признания, все горькие детали.

Рядом с текстом она разместила видеообращение. Камера стояла на штативе в её комнате, на фоне белой стены. Катя сидела прямо, смотрела в объектив и читала ключевые фрагменты статьи - те, которые, как она знала, вызовут наибольший резонанс. Её голос был ровным, почти монотонным, но в нём чувствовалась та стальная уверенность, которая появляется у людей, перешагнувших через свой страх. Она не извинялась, не оправдывалась. Она просто констатировала факты: «Я была частью этой системы. Я врала. Я остановилась. Вот, как это случилось».

Она нажала кнопку «Опубликовать» и закрыла ноутбук. На несколько секунд в комнате повисла тишина, нарушаемая только стуком часов на стене. Катя выдохнула, и этот выдох был похож на освобождение - словно она несла на плечах тяжёлый камень и наконец сбросила его. Она не стала проверять, как идёт загрузка. Она просто встала, подошла к окну и посмотрела на город. Там, внизу, шла обычная жизнь: люди спешили на работу, водители сигналили друг другу, дети бежали в школу. Катя чувствовала себя отделённой от этой суеты, как космонавт, который смотрит на Землю из иллюминатора.

Первая реакция появилась уже через двадцать минут. Те-

лефон завибрировал, затем ещё раз, потом начал трезвонить непрерывно, словно сошедший с ума. Катя открыла канал и увидела, как счётчик просмотров начал расти с невероятной скоростью. Через час статья набрала 10 тысяч просмотров, через три - 50 тысяч. К концу первых суток её прочитали больше ста тысяч человек. Комментарии сыпались непрерывным потоком, их было так много, что уведомления просто захлёстывали экран.

Катя сидела на кухне и прокручивала ленту, читая всё подряд, не фильтруя.

Первыми пришли сообщения поддержки. Молодая женщина из Харькова написала: «Катя, спасибо. Я работала на местном ТВ и врала так же, как вы. Я думала, я одна. Ваш текст дал мне надежду». Ветеран АТО, который потерял ногу под Дебальцево, оставил короткое, но ёмкое: «Я ненавижу пропаганду с обеих сторон. Вы - первая, кто признался. Уважаю». Девушка из Донецка, которая сейчас жила в эвакуации в Киеве, написала огромное сообщение со слезами и стикерами: «Мой брат воевал за ДНР. Мы не разговаривали три года. После вашей статьи я написала ему. Я сказала, что люблю его. Спасибо вам за этот мост».

Но затем пришли и другие. Гневные, агрессивные, полные ненависти. «Предательница! Ты продалась врагам, ты подстилка Кремля!» - кричал один комментатор. «Сколько тебе заплатили, чтобы ты оправдывала террористов? Ты не журналист, ты отравка!» - вторил другой. Некоторые требова-

ли заблокировать её канал, писали жалобы в СБУ, угрожали личной расправой. «Мы знаем, где ты живёшь, Бондаренко. Вспомни, что случилось с теми, кто предал Украину», - гласило одно из особенно зловещих сообщений.

Катинo сердце билось чаще. Она чувствовала, как внутри поднимается волна адреналина, как пальцы начинают дрожать. Она хотела ответить каждому, объяснить, доказать, переубедить, но она остановила себя. Она помнила, что статья - это не аргумент в споре. Это исповедь. А исповедь не требует оправданий.

В тот вечер, когда небо окрасилось в багряные тона, а на улице начало смеркаться, в квартиру тихо вошла Ярина. Она была в рабочем настроении и настроении поддержки. Она держала в руках бумажный пакет с круассанами и маленькую бутылку красного вина. Не спрашивая, можно ли войти, она прошла на кухню, поставила пакет на стол и обняла Катю.

- Ну вот, сказала Ярина, отстраняясь и заглядывая в глаза подруги. - Теперь ты знаешь, что такое настоящая слава. Твоя статья обсуждается во всех соцсетях, её пересылают друзьям, о ней говорят в новостях. Я видела, как её цитируют даже в официальных Телеграм-каналах, правда, с гневными комментариями. Ты сделала то, на что никто не решался и я горжусь тобой, Катя. Я правда горжусь.

Катя смотрела на неё, и в глазах её стояли слёзы - не от слабости, а от переполнявших её эмоций. Она взяла Ярину

за руку и тихо сказала:

- Это не слава, Ярин. Это правда. Я не искала славы, я искала облегчения, но теперь я понимаю, что правда - она, как свет. Ты зажигаешь свечу в тёмной комнате, и все видят не только свет, но и тени, которые он создаёт. Кто-то радуется свету, кто-то боится теней, а кто-то хочет задуть свечу, но свеча горит, и это главное.

Ярина подошла к плите, чтобы вскипятить чайник. Пока вода нагревалась, она обернулась и сказала с той тёплой уверенностью, которая была её фирменной чертой:

- Ты молодец. Ты прошла такой долгий путь, Катя. Помнишь, как мы встретились? Ты была той самой, которая кричала на митингах громче всех. А теперь ты та, кто строит мосты. Ты изменилась, но главное - ты осталась собой и знаешь, что я поняла? Самые сильные люди - не те, кто никогда не ошибается. А те, кто может признать свои ошибки и при этом не сломаться. Ты - из таких.

Катя улыбнулась. Впервые за несколько недель улыбка коснулась её губ легко и естественно. Она обняла подругу, и это объятие длилось долго, почти минуту, как в старые добрые времена, когда всё было просто.

Позже, когда они сидели на балконе, укутанные в пледы, и пили остывший чай, глядя на огни ночного Киева, Катя задумалась о том, что будет дальше. Она знала: завтра придут новые комментарии, новые угрозы и новые слова поддержки. Кто-то попытается дискредитировать её, кто-то - исполь-

зовать её признание в своих целях, но она также знала, что она готова. Она сделала шаг, который был невозможен для неё ещё год назад. Она сказала правду - и теперь эта правда принадлежит не только ей. Она живёт своей жизнью, расширяясь, пульсируя, вызывая споры и это правильно. Потому что молчание убивает.

Катя посмотрела на Ярину, которая уже почти задремала на соседнем стуле, и почувствовала острую, почти болезненную благодарность. Она знала, что без этой женщины, без её молчаливой поддержки и тёплых объятий, она бы не справилась. Ярина была тем якорем, который держал её на плаву в самые штормовые дни.

Она подумала о том, как много ещё нужно сделать. Война не закончилась. Пропаганда не исчезла, но теперь у неё есть голос - настоящий, не купленный, не продиктованный ничьей волей и она будет говорить. Она будет строить мосты, несмотря на стены, которые пытаются возвести вокруг неё. Она будет помнить, что единственное, что имеет значение в этом мире, - это любовь, честность и вера в то, что даже в самые тёмные времена есть место для света.

Часть 5. Угрозы

Киев, октябрь 2023 года.

Октябрь выдался на редкость неудобным. Дожди шли почти каждый день - мелкие, противные, косые, которые пробирали до костей и заставляли даже самых стойких киевлян прятаться под зонтами. Ветер срывал с деревьев последние

листья, швыряя их в лужи, где они плавали, как маленькие жёлтые кораблики, обречённые на гибель. Солнце появлялось редко, и когда это случалось, его свет казался бледным и равнодушным, словно небо устало от всего происходящего. Город жил своей привычной жизнью: люди спешили на работу, водители сигналили в пробках, в метро было душно и многолюдно, но Катя чувствовала себя оторванной от этого мира, словно она смотрела на него через толстое, мутное стекло. Её мир сузился до размеров собственной квартиры, где каждый шорох за дверью казался угрозой, а каждый незнакомый номер в телефоне - потенциальной опасностью.

Всё началось на второй день после публикации. Катя тогда ещё была полна эйфории от поддержки, от тысяч комментариев, от тёплых слов незнакомых людей, которые писали ей: «Вы - наш голос», «Спасибо за смелость», «Вы дали нам надежду». Она сидела за ноутбуком и с улыбкой читала эти сообщения, чувствуя, как внутри разливается тепло, но среди этого моря доброты начали появляться тёмные пятна. Сначала - просто грубые комментарии. Анонимные пользователи с пустыми профилями оставляли короткие, злобные фразы: «Предательница», «Курица безмозглая», «За такие слова надо сажать». Катя пролистывала их, стараясь не обращать внимания, но каждое такое сообщение оставляло в душе маленькую, но острую занозу. Она убеждала себя, что это просто тролли, что они есть у всех публичных людей, что это часть профессии, но голос внутри, тот самый голос,

который она научилась слушать за последние годы, шептал: «Это только начало».

Через три дня пришло первое по-настоящему страшное сообщение. Оно было в личные сообщения Телеграма, от аккаунта без аватарки, с ником из набора цифр. Катя открыла его, когда заваривала кофе, и чуть не уронила кружку. Текст был коротким, но от этого только более пугающим: «Ты живёшь на Оболони, Катя. Дом на набережной, второй подъезд, квартира 47. Там тихо, правда? Будешь спать спокойно - или уже нет? Жди гостей». Она прочитала это сообщение трижды, и каждый раз её охватывала волна ледяного ужаса. В груди сжалось, дыхание стало прерывистым., как они узнали её адрес? Это было её личное пространство, её крепость, и вдруг она поняла, что крепость эта - лишь иллюзия. Стены из бетона и кирпича не могли защитить от людей, которые знали, где она живёт.

Она вскочила со стула и проверила все замки. Входная дверь имела два замка - обычный, с поворотным язычком, и дополнительный, который она поставила год назад, когда соседей стали грабить. Она задвинула цепочку, провернула ключ до упора, убедилась, что засовы надёжно зафиксированы. Затем она обошла все комнаты и проверила окна. На кухне, в спальне, в гостиной - все шпингалеты были закрыты. Она даже зачем-то дёрнула ручку на балконной двери, хотя знала, что та сломана и не открывается снаружи. Потом она задернула шторы, хотя на улице был день, и её квартира и

так находилась на восьмом этаже. Она чувствовала себя загнанным зверем, который пытается укрыться от охотников, но знает, что они уже нашли его след.

Вечером того же дня она рассказала всё Ярине. Они сидели на кухне, и Катя, сжимая в руках телефон, показала ей то самое сообщение. Ярина прочитала, и лицо её побледнело. Она подняла глаза на Катю, и в них была та смесь тревоги и решимости, которая появлялась у неё, когда она понимала, что нужно действовать.

- Катя, это уже не троллинг, сказала Ярина, и голос её стал серьёзным. - Это угрозы. Конкретные, с адресом. Это уже не просто слова. Это реально опасно. Нам нужно что-то делать.

что делать? - спросила Катя, и в голосе её звучала горечь. - Обратиться в полицию? Чтобы они сказали: «Ничего не можем сделать, это интернет, здесь так много угроз, мы не можем всех проверить»? Я знаю эту систему, Ярин. Я сама писала об этом. Они не будут расследовать, пока не случится что-то по-настоящему плохое. А я не хочу ждать, пока случится «по-настоящему плохое».

- Тогда уезжай, сказала Ярина, и в голосе её появилась та мольба, которую Катя слышала от неё в самые трудные моменты. - Хотя бы на время. Поезжай в Севастополь, побудь с мамой. Там тихо, там безопасно. Ты сможешь работать удалённо, у тебя же есть ноутбук. Пережди, пока буря утихнет. Ты не обязана всё время стоять под обстрелом.

- Я не могу, - ответила Катя, но голос её прозвучал неуве-

ренно. Она сама не знала, говорит ли правду или просто боится признать, что бегство - это поражение. - Если я уеду, они победят. Они хотят, чтобы я замолчала, чтобы я испугалась, чтобы я спряталась и если я уеду, они получают то, что хотят. Они скажут: «А вот, Бондаренко струсила, она не такая смелая, какой казалась». Я не могу им этого дать. Я должна остаться. Я должна показать им, что меня не сломать.

, но что, если они сломают тебя, Катя? Не морально, а физически? Что, если они действительно придут? - Ярина взяла подругу за руку, и Катя почувствовала, как её пальцы дрожат. - Я не хочу потерять тебя. Ты мне слишком дорога.

- Я не дам им себя сломать, сказала Катя, и в голосе её появилась та стальная твёрдость, которая была у неё в самые трудные моменты жизни. - Я буду осторожна, я буду проверять всё вокруг, я не буду ходить одна, но я останусь здесь. Потому что правда стоит риска. Я не могу молчать, потому что кто-то угрожает мне. Я не могу прятаться, потому что кто-то боится правды.

Они замолчали. Дождь за окном усилился, барабаня по стеклу, и этот звук казался Кате зловещим предупреждением. Она знала, что Ярина права, что это опасно, что ей стоит уехать, но что-то внутри неё, то самое упрямство, которое помогало ей выживать все эти годы, кричало: «Не сдавайся! Не дай им сломить себя!»

На следующий день пришло новое сообщение, ещё более

конкретное. «Ты думаешь, что ты неуязвима, Бондаренко? Мы знаем твои маршруты. Мы знаем, когда ты ходишь в магазин, когда ты выходишь гулять. Мы знаем, что твоя подруга - Ярина - часто бывает у тебя по вечерам. Она милая девушка. Хочешь, чтобы с ней что-то случилось? Ты же не хочешь, чтобы она пострадала из-за тебя?»

Катя почувствовала, как её тело наливается свинцом. Она закрыла глаза, и перед ней возникла картина: она идёт по улице, кто-то приближается, и она не знает, друг это или враг. Она представила, как Ярина, которая всегда была для неё опорой, вдруг оказывается в опасности из-за её же поступков. В горле пересохло, в ушах зашумело.

Она показала это сообщение Ярине вечером. Они сидели в гостиной, пили чай с мёдом, пытаясь создать иллюзию спокойствия, но это сообщение разрушило всё.

- Катя, сказала Ярина, и голос её был не просто тревожным, а испуганным. - Они угрожают мне. Теперь они угрожают мне. Это уже не просто про тебя. Это про нас обоих. Мне страшно, Катя. Я не хочу быть мишенью.

- Мне тоже страшно, - призналась Катя, и в голосе её впервые за долгое время послышались слёзы. - Я не знаю, что делать. Я хочу остаться, я хочу бороться, я хочу быть сильной, но я боюсь за тебя. Я не могу допустить, чтобы ты пострадала из-за меня. Ты - самое дорогое, что у меня есть.

- Тогда уедем вместе, сказала Ярина, и в голосе её зазвучала решимость. - Мы обе уедем. В Севастополь, к твоей

маме. Или куда-нибудь ещё. В Винницу, во Львов, в какой-нибудь маленький город, где нас никто не знает. Мы переждём. Мы не сдадимся, мы просто отступим, чтобы сохранить силы. Это не поражение, это стратегия.

Катя посмотрела на подругу. В глазах Ярины горел тот огонь, который она так любила - огонь жизни, огонь сопротивления, огонь любви и в этот момент она поняла, что Ярина права. Отступление - это не всегда поражение. Иногда это способ выжить, чтобы потом вернуться и победить, но что-то внутри неё, какое-то внутреннее упрямство, всё ещё кричало: «Останься! Докажи им!»

- Дай мне один день, сказала Катя. - Один день, чтобы подумать. Если завтра всё будет так же страшно, я соглашусь. Мы уедем вместе, но я должна быть уверена, что я принимаю это решение не из страха, а из мудрости.

Ночь прошла без сна. Катя лежала в кровати, глядя в потолок, и в голове её крутились мысли, как в калейдоскопе. Она вспоминала свою жизнь. Она вспоминала, как в 2014-м стояла на Майдане и верила в революцию, как потом поехала на Донбасс и увидела правду, которая её сломала. Она вспоминала, как она врала, как она мучилась, как она искала выход и, как нашла его - в правде, но правда, как она поняла, не всегда делает жизнь легче. Иногда она делает её опасной.

Она слышала, как в соседней комнате спит Ярина, и это дыхание было единственным, что успокаивало её. Если бы не Ярина, она бы, наверное, уже сорвалась, но Ярина была

рядом, и это давало ей силы.

Утром Катя встала раньше обычного. Она сварила крепкий кофе, села за стол и открыла ноутбук. Она написала пост в своём канале: «Друзья, в последние дни я получила много угроз. Мне страшно, но я не уеду. Я остаюсь здесь, потому что я верю, что правда сильнее страха, но чтобы защитить себя и своих близких, я обращаюсь к вам: если вы знаете что-то об этих угрозах, если вы можете помочь, напишите мне. Я не прошу вас рисковать, я прошу вас быть моими глазами».

Она опубликовала этот пост и закрыла ноутбук. Она понимала, что это может вызвать новую волну атак, но она также знала, что ей нужна поддержка. В одиночку она чувствовала себя слишком уязвимой.

Через час ей пришло сообщение от незнакомого пользователя. «Катя, я знаю, кто тебе угрожает. Это группа из трёх человек, они сидят в одном из телеграм-каналов, который разжигает ненависть к "предателям". Они не профессионалы, они просто фанатики, но они опасны, потому что они верят в свою правоту. Я не могу сказать тебе, кто они, потому что боюсь за свою жизнь, но держись. Ты делаешь правильное дело».

Катя перечитала это сообщение несколько раз. В нём не было конкретики, но было что-то важное: она знала, что за этими угрозами стоят не спецслужбы, не государственная машина, а обычные люди, которые потеряли человечность. Это было одновременно и страшно, и обнадеживаю-

ще. Страшно - потому что фанатиков остановить сложнее. Обнадёживающе - потому что их можно переиграть, если быть умнее.

Вечером того же дня они с Яриной снова сидели на кухне. За окном шумел дождь, и город казался далёким и чужим. Катя держала в руках кружку с горячим чаем и смотрела на подругу.

- Я остаюсь, сказала она, и голос её был спокоен. - Я не уеду. Я не могу. Я должна доказать себе и всем, что я не боюсь. Что правда стоит того, чтобы за неё бороться, но я хочу, чтобы ты знала: если что-то случится, если станет слишком опасно, ты должна уехать без меня. Я не хочу, чтобы ты пострадала из-за меня.

- Катя, сказала Ярина, и в голосе её слышалась та искренняя любовь, которую она всегда чувствовала к подруге. - Я не уеду без тебя. Мы вместе начинали этот путь, мы вместе пройдем его до конца. Я не боюсь фанатиков, я боюсь только одного - потерять тебя и если ты остаёшься, я остаюсь с тобой и мы будем защищать друг друга.

Они обнялись, и в этом объятии было столько тепла и силы, сколько не могли выразить слова. Катя знала, что впереди её ждут новые вызовы, новые угрозы, новые ночи, полные страха, но она также знала, что она не одна. У неё есть Ярина, есть мама, есть тысячи людей, которые верят в неё и это знание делало её сильнее.

В следующие дни Катя изменила свой образ жизни. Она

перестала ходить по одним и тем же маршрутам, выходила из дома только в сопровождении Ярины или соседки, с которой подружилась в последнее время. Она купила перцовый баллончик и маленький газовый пистолет - не для того, чтобы использовать, а для того, чтобы чувствовать себя защищённой. Она научилась замечать детали: незнакомые машины у подъезда, люди, которые слишком долго стоят на остановке, подозрительные тени в темноте. Паранойя стала её постоянной спутницей, но она научилась жить с ней.

Однажды, возвращаясь из магазина, она заметила мужчину, который стоял у её подъезда и смотрел на её окна. Он был в чёрной куртке с капюшоном, и лица его было не видно. Катя замерла на мгновение, затем быстро перешла на другую сторону улицы, свернула за угол и почти бегом направилась к соседнему дому, чтобы зайти через другой подъезд. Сердце колотилось, как бешеное. Когда она оказалась в своей квартире, она заперла все замки и долго стояла у двери, прислушиваясь к звукам в коридоре.

Она не могла доказать, что этот человек был угрозой. Может быть, он просто ждал кого-то. Может быть, он был случайным прохожим, но Катя знала: она не может позволить себе рисковать.

Она продолжала работать, выкладывала новые материалы, писала о войне, о пропаганде, о том, как важно сохранять человечность. Она получала десятки сообщений - не только угроз, но и слов поддержки. Люди писали: «Катя, держись».

«Вы - наш маяк», «Ваша правда - это то, что спасёт Украину». Эти слова давали ей силы в самые трудные моменты.

Но однажды ночью, когда она сидела на кухне и читала очередное письмо с угрозой, она вдруг почувствовала, как внутри неё что-то сломалось. Она смотрела на экран ноутбука, и буквы плыли перед глазами. Она больше не могла. Она устала бояться. Она устала жить в постоянном напряжении. Она устала быть сильной.

Ярина вошла в кухню и увидела её - сгорбленную, с глазами, полными слёз. Она подошла, обняла Катю и сказала тихо:

- Всё будет хорошо. Мы справимся. Мы сильные, мы вместе, и мы справимся.

- Я знаю, - прошептала Катя, и в голосе её слышалась усталость, но не сломленность. - Я не сдамся. Я не могу, но я устала. Я устала бояться, Ярин. Я больше не хочу бояться.

- Тогда перестань бояться, сказала Ярина, глядя ей в глаза. - Ты можешь бояться, но ты не должна позволять страху управлять тобой. Помни, почему ты это делаешь. Ради правды. Ради людей. Ради себя. Ты - Бондаренко. Ты не сдаёшься.

Катя посмотрела на подругу, и в глазах её зажглась та искра, которая была у неё всегда. Она встала, взяла себя в руки, и кивнула.

- Ты права, сказала она. - Я - Бондаренко и я не сдаюсь. Я не позволю страху сломать меня. Я буду продолжать говорить правду, что бы ни случилось. Потому что это един-

ственное, что у меня есть.

Она закрыла ноутбук, задула свечу, и они пошли спать. Она знала, что завтра будет новый день, и он принесёт новые вызовы, но она была готова к ним. Потому что она знала: правда сильнее страха. А любовь сильнее ненависти и они с Яриной будут строить свои мосты, соединяя сердца и судьбы, несмотря на все бури и штормы. Потому что это их выбор. Их путь. Их жизнь.

Часть 6. Поддержка

Киев, ноябрь 2023 года.

Ноябрь в Киеве был холодным и сырым. Снег ещё не выпал, но воздух стал колючим, прозрачным, и дыхание уже превращалось в белый пар. Деревья стояли голые, их чёрные ветви тянулись к серому небу, как руки, молящие о тепле. Дни становились короче, и уже в четыре часа начинало смеркаться, зажигая в окнах домов тёплый жёлтый свет, который казался Кате уютным и чужим одновременно. Она сидела в своей квартире на Оболони, укутанная в шерстяной плед, и перед ней на столе лежали распечатанные письма - сотни страниц, которые она собирала в папки, как самое дорогое сокровище. Её ноутбук был открыт, и на экране мерцала почта с новыми сообщениями, которые приходили каждые несколько минут. Поддержка оказалась мощнее, чем она могла себе представить.

После публикации статьи «Как я врала» Катя ожидала волну ненависти. Она была к ней готова - или, по крайней

мере, думала, что готова, но она не ожидала, что на эту же волну откликнется столько людей, которые увидят в её исповеди не предательство, а надежду. Первые письма начали приходить уже через несколько часов после публикации, и к концу первой недели их было больше тысячи. Они приходили отовсюду: из Харькова и Одессы, из Львова и Днепра, из маленьких городков, названия которых Катя даже не могла произнести правильно, и из-за границы - из Польши, Германии, Канады, США. Люди писали на украинском, на русском, на английском, иногда с ошибками, иногда сбивчиво, но каждое письмо было наполнено такой искренней благодарностью, что у Кати каждый раз перехватывало дыхание.

Она сидела на кухне и перебирала письма, сложенные в стопки по датам. Рядом с ней стояла кружка с горячим чаем, который она то и дело подогревала, потому что забывала его пить, увлечённая чтением. Ярина сидела напротив, помогала сортировать корреспонденцию, и время от времени они переглядывались, и в этих взглядах читалось одно и то же: мы не зря это сделали.

Катя взяла одно из писем - оно было написано от руки на тетрадном листе, с неровными строчками и тёмными пятнами, похожими на следы слёз. Женщина из Харькова, назвавшаяся Ириной, писала:

«Катерина, здравствуйте. Меня зовут Ирина, мне 42 года, я работаю учительницей в харьковской школе. Когда

началась война, я ненавидела всех, кто был "по ту сторону". Я смотрела новости и верила каждому слову, которое там говорили. Я не хотела думать, что там, за линией фронта, живут такие же люди, как я. Я думала, что они заслужили свою судьбу, что они сами выбрали свой путь и ваша статья открыла мне глаза. Я поняла, что я была слепа. Я поняла, что ненависть - это наркотик, который разрушает душу. Я пошла в волонтерский центр, я помогаю детям из прифронтовых зон. Я хочу, чтобы они знали: есть взрослые, которые не ненавидят, а любят. Спасибо вам за то, что вы показали мне этот путь. Я больше не хочу ненавидеть. Я хочу строить».

Катя дочитала письмо до конца и почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Она отложила лист в сторону и взяла следующий. Конверт был помят, словно его долго носили в кармане. Открыв его, она увидела аккуратный, почти каллиграфический почерк:

«Катя, здравствуйте. Я - отец двоих детей, живу в Киеве, работаю в IT. Я читал вашу статью три раза, и каждый раз я не мог сдержать слёз. Вы описали меня. Я тоже верил в те лозунги, я тоже повторял их, не задумываясь. Я перестал разговаривать с братом, который живёт в Донецке, потому что считал его предателем. А потом я случайно узнал, что он прятал у себя в подвале соседей - еврейскую семью - во время обстрелов. Он рисковал своей жизнью, чтобы спасти других. А я называл его врагом. После вашей статьи я позвонил ему впервые за пять лет. Мы говорили три часа. Я извинился. Он

плакал. Я плакал. Спасибо вам за этот звонок. Вы не просто написали статью - вы вернули мне брата».

Катя положила письмо и закрыла глаза. Внутри неё разливалось тепло, такое сильное, что оно почти заглушало страх, который поселился в ней за последние недели. Она смотрела на эту стопку писем и понимала, что это - её настоящая награда. Не слава, не деньги, не признание коллег. А эти слова, эти исповеди, эти маленькие истории спасения.

- Ярина, - позвала она тихо. - Иди сюда. Послушай.

Она прочитала письмо вслух, и Ярина, которая сидела в кресле с ноутбуком на коленях, подняла голову. Глаза её блеснули.

- Катя, это невероятно. Ты даже не представляешь, что ты делаешь. Ты не просто пишешь статьи - ты меняешь жизни. Ты возвращаешь людям человечность. Ты строишь мосты.

- Это не я, - ответила Катя, и в голосе её слышалась искренняя скромность. - Это правда. Она сама находит путь к сердцам. Я просто перестала врать и оказалось, что это единственное, что нужно было людям что бы кто-то сказал им: "Вы не одни, вы можете измениться".

Они продолжали читать письма весь вечер. Одно было от женщины из Одессы, которая писала, что её сын ушёл на войну в 2014-м, и она ненавидела всех, кто поддерживал «сепаратистов». А потом её сын погиб, и она осталась одна со своей ненавистью. «Я не знала, что делать с этим чувством, - писала она. - Оно съедало меня изнутри. А потом я прочи-

тала вашу статью, и я поняла: ненависть не вернёт сына. Она только разрушит меня. Я стала помогать беженцам, я ношу им еду, я разговариваю с ними. Ваша статья не вернула мне сына, но она вернула мне смысл жить».

Другое письмо было от парня из Днепра, которому было всего девятнадцать. Он писал, что вырос в семье, где на ужин обсуждали только политику и войну, где слова «Москали» и «бандеровцы» были такими же обыденными, как «хлеб» и «соль». «Я не знал другой правды, - признавался он. - Я просто повторял то, что слышал. А потом я прочитал вашу статью, и я впервые задумался: а что, если я ошибаюсь? Я начал читать другие источники, начал общаться с людьми по ту сторону. Я понял, что мы все - люди. Спасибо, что помогли мне снять шоры. Я стал другим человеком».

Катя перечитывала эти строки и чувствовала, как внутри неё происходит что-то важное. Она больше не чувствовала себя жертвой - она чувствовала себя проводником. Её правда, её боль, её путь - они стали чьим-то светом и это ощущение было сильнее любых угроз.

На следующий день Катя вышла из дома, чтобы купить продукты. Она чувствовала себя уставшей, но странно бодрой. Холодный воздух обжигал лицо, и она глубоко вдохнула его, впервые за долгое время чувствуя, что может дышать полной грудью. Она шла по улице, засунув руки в карманы пальто, когда заметила женщину, которая стояла у её подъезда. Женщина была пожилой, с седыми волосами, заплетён-

ными в косу, и в старом поношенном пальто. Она держала в руках букет осенних хризантем - жёлтых и оранжевых, ярких, как последний вздох лета.

Катя остановилась, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Она уже привыкла к параноюе, к тому, что любой незнакомец может быть угрозой, но женщина улыбнулась - тёплой, искренней улыбкой, которая растопила лёд в груди Кати.

- Катерина? - спросила она, и голос её дрожал. - Вы - Катерина Бондаренко?

- Да, - ответила Катя настороженно, но всё же шагнула вперёд. - А вы кто?

Женщина подошла ближе и протянула ей цветы. Её руки дрожали, а в глазах стояли слёзы.

- Меня зовут Надежда, сказала она. - Я живу в соседнем доме. Мне 68 лет. Я прочитала вашу статью. Я не могла спать несколько ночей, я всё думала, думала... Знаете, я потеряла сына на войне. Он воевал за ту сторону. Я не могла с этим жить, я всё думала: почему он, почему я не смогла его уберечь? Я винила себя, винила власть, винила всех, кто был против нас. А ваша статья - она, как бальзам на душу. Вы сказали то, что я не могла сказать себе сама: что вина - это не приговор, что можно ошибаться, можно меняться. Я пришла, чтобы сказать вам спасибо и чтобы обнять вас, если вы позволите.

Катя стояла, не в силах произнести ни слова. Она взя-

ла цветы, чувствуя, как по щекам текут слёзы. Она обняла эту женщину, эту незнакомку, которая стала ей родной за несколько секунд, и почувствовала, как её душа наполняется теплом.

- Спасибо, - прошептала Катя. - Спасибо, что пришли. Это так важно для меня.

- Это вы спасибо, сказала женщина и, вытирая слёзы, добавила: - Вы - наша совесть, Катерина. Не сдавайтесь. Мы с вами.

Они ещё немного постояли, обнявшись, а затем разошлись. Катя вошла в подъезд, сжимая в руках хризантемы, и чувствовала, как внутри неё разливается свет. Она поставила цветы в вазу, села за стол и написала небольшой пост в своём канале:

«Сегодня ко мне пришла незнакомая женщина. Она принесла цветы и сказала, что моя статья помогла ей справиться с горем. Я не знаю, кто она, я не знаю, увижу ли её ещё, но я поняла одну вещь: правда - это не просто слова. Это мост и каждый раз, когда кто-то пишет мне "спасибо", я понимаю, что мост работает. Что он соединяет сердца, которые были разделены ненавистью. Спасибо всем, кто пишет, кто приходит, кто не даёт мне сдаться. Вы - моя сила».

Через час в комментариях под этим постом появились десятки сообщений. Кто-то писал: «Катя, вы - наш ангел», кто-то: «Вы даёте нам надежду», кто-то просто оставлял сердечки и слезы. Катя читала их, и улыбка не сходила с её лица.

В тот вечер она сидела с Яриной на кухне. За окном уже темнело, и в комнате горел мягкий свет лампы. Они пили чай с мёдом и перебирали письма, которые всё ещё продолжали приходить. Катя держала в руках одно из них - от мужчины из Донецка, который писал, что его дом разрушен, но он не потерял надежды, потому что прочитал её статью.

- Ярина, сказала Катя, и голос её был спокоен, почти молитвенно. - Ты знаешь, что я поняла за эти дни? Что моя жизнь обрела смысл. Не в славе, не в признании, а в том, что я могу помочь людям пережить их боль, понять себя, простить себя. Это важнее любых угроз. Важнее любых страхов.

- Я знаю, - ответила Ярина, улыбаясь. - Ты всегда была особенной, Катя. Ты просто не знала этого. А теперь знаешь.

Они обнялись, и в этом объятии была вся их дружба - долгая, трудная, но настоящая. Катя знала, что впереди будут новые письма, новые истории, новые люди. Она знала, что ненависть никуда не исчезнет, и угрозы будут продолжаться, но она также знала, что любовь и поддержка сильнее. Что каждый раз, когда она получает письмо со словами благодарности, она снова строит мост. Мост между прошлым и будущим, между ненавистью и прощением, между разобщёнными сердцами.

Она закрыла глаза и позволила себе просто быть - быть в этом моменте, быть собой, быть той, кто она есть. Журналисткой, которая перестала врать. Человеком, который выбрал правду. Бондаренко, которая не сдаётся.

И она знала, что будет продолжать. Будет писать, будет говорить, будет строить. Потому что это - её жизнь. Её выбор. Её путь и она пройдёт его до конца, что бы ни случилось. Вместе с Яриной, вместе со всеми, кто верит в неё, вместе с теми, кто пишет ей письма и приносит цветы. Они - её сила. Они - её мост. Они - её правда и никто не сможет её отнять.

## Часть 7. Разговор с редактором

Киев, декабрь 2023 года.

Декабрь в Киеве выдался на редкость морозным. Снег выпал внезапно, в первых числах месяца, и город преобразился: старые хрущёвки на Оболони укутались в белые пуховые шапки, Днепр покрылся тонким льдом у берегов, а воздух стал таким чистым и прозрачным, что каждый звук разносился на километры. На Крещатике уже начали устанавливать новогоднюю иллюминацию, хотя праздничное настроение казалось почти неуместным - война продолжалась, люди гибли, и каждый день приносил новые тревожные новости, но жизнь брала своё: дети катались на санках в парках, в кафе пахло корицей и глинтвейном, а по вечерам в окнах зажигались гирлянды. Катя смотрела на это с балкона своей квартиры и чувствовала странную двойственность: мир продолжал существовать, несмотря ни на что, и это давало ей надежду.

Она, как раз заканчивала утренний кофе, когда на её телефон пришло сообщение. Незнакомый номер, но текст был официальным и вежливым: «Екатерина Андреевна, здрав-

ствуите. Меня зовут Владимир Петрович Степанов, я главный редактор издательства "Голос Украины". Мы с вами ранее контактировали по поводу вашей статьи "Как я врала". Я хотел бы пригласить вас на личную встречу для обсуждения. Пожалуйста, приезжайте завтра в 11:00 в наш офис. С уважением, Степанов».

Катя перечитала сообщение дважды. «Голос Украины» - крупнейшее печатное издание страны, которое расходилось тиражом в сотни тысяч экземпляров. Тот самый редактор, который несколько месяцев назад отказал ей в публикации, сославшись на «политическую нестабильность» и «высокие риски». Она помнила то письмо: сухое, формальное, заканчивающееся шаблонной фразой «желаем творческих успехов». Тогда она чувствовала себя униженной и раздавленной, но сейчас, глядя на экран телефона, она не испытывала ни злости, ни обиды. Только любопытство. Что изменилось за эти месяцы? Почему он решил встретиться?

Она обсудила это с Яриной вечером. Они сидели на кухне, укутанные в пледы, и пили горячий шоколад с маршмеллоу - маленькое удовольствие, которое они позволяли себе в холодные декабрьские вечера. За окном кружил снег, и на подоконнике лежали игрушечные ёлочные шары, которые Ярина купила накануне, чтобы хоть немного украсить квартиру.

- Он приглашает тебя в офис, сказала Ярина, задумчиво помешивая ложкой в кружке. - После того, как отказал тебе.

Не кажется ли тебе это странным?

- Станным или нет, но я хочу понять, что им движет, - ответила Катя, и в голосе её слышалась та спокойная уверенность, которая появилась у неё за последние месяцы. - Может быть, он действительно осознал свою ошибку. А может быть, он просто хочет использовать мой успех в своих целях, но я не могу судить, не услышав его.

- Ты пойдёшь одна? - спросила Ярина, и в голосе её слышалась тревога. - Может быть, я могу пойти с тобой? Ты никогда не знаешь, чего ожидать от этих людей.

- Нет, - ответила Катя, и улыбнулась. - Я справлюсь. Сейчас уже не те времена, когда я боялась каждого разговора. Если что, я просто встану и уйду, но я хочу услышать, что он скажет. Мне важно понять, как работает эта система.

На следующее утро Катя оделась в тёплое пальто, повязала шарф, который связала для неё мама, и вышла из дома. День был ясным, и снег скрипел под ногами, как старый паркет. Она доехала до офиса «Голоса Украины» на метро - всё ещё с осторожностью, проверяя, не следит ли за ней кто-то, но чувствуя себя гораздо увереннее, чем несколько недель назад. Здание редакции находилось в центре, рядом с Золотыми воротами, - старый, но реставрированный дом с высокими потолками и лепниной на фасаде. Катя поднялась на третий этаж и вошла в приёмную.

Секретарь, молодая девушка в строгом костюме, проводила её в кабинет главного редактора. Кабинет оказался боль-

шим, с массивным деревянным столом, книжными шкафами до потолка и двумя кожаными креслами для посетителей. На стенах висели портреты известных украинских писателей и несколько грамот. За столом сидел мужчина - лет шестидесяти, с седой головой и пронзительными голубыми глазами, которые смотрели на Катю с той смесью уважения и вины, которую трудно не заметить. Это был Владимир Петрович Степанов - человек, чьё имя было известно каждому журналисту в стране.

- Екатерина Андреевна, - сказал он, поднимаясь и жестом предлагая ей сесть. - Благодарю, что согласились приехать. Я знаю, что у вас было много причин отказаться.

- Я хотела услышать, что вы скажете, - ответила Катя, садясь в кресло и скрещивая руки на коленях. Она чувствовала себя спокойно, хотя внутри всё ещё бушевали воспоминания о том холодном письме, которое она получила несколько месяцев назад.

Степанов тяжело вздохнул и провёл рукой по лицу. Его руки - крупные, с выступающими венами - лежали на столе, и Катя заметила, что они слегка дрожат. Он долго молчал, глядя на неё, а затем заговорил, и голос его звучал низко, устало, но искренне:

- Екатерина Андреевна, я хочу извиниться перед вами - не от имени редакции, хотя мы действительно были неправы, а от себя лично. Я человек старой закалки, я работал в журналистике ещё в советские времена, я видел, как меня-

лась система, как она училась врать и я научился бояться. Я научился предугадывать опасность, обходить острые углы, искать компромиссы и когда вы прислали нам свою статью, я прочитал её и понял: это - правда. Самая настоящая, самая горькая, самая нужная, но я испугался. Я боялся, что нас закроют, что нас обвинят в предательстве, что мы потеряем всё, что строили годами и я отказал вам.

Он замолчал, вздохнул, и в его глазах мелькнула та искренняя усталость, которая бывает у людей, когда они признают свои ошибки перед другими и перед собой.

- А потом вы опубликовали статью сами, - продолжил он. - И я видел, какой резонанс она вызвала. Я видел тысячи комментариев, я читал письма, которые приходили в редакцию от людей, которые благодарили вас. Я понял, что мы ошиблись. Мы думали, что боимся ради безопасности, а на самом деле мы боялись ради собственного комфорта. Мы прятались за словами о "политической ситуации", когда на самом деле просто не хотели рисковать. А вы рискнули и вы победили.

Катя слушала его, и внутри неё поднималась волна сложных чувств. Она хотела рассердиться, хотела напомнить ему о том, как больно ей было получать те отказы, как она чувствовала себя преданной, но вместо этого она чувствовала странную жалость. Этот человек - редактор крупнейшего издания, влиятельная фигура, но в его голосе слышалось столько горечи, что она не могла злиться.

- Почему вы передумали? - спросила она, и в голосе её звучала не обвинение, а искреннее желание понять. - Почему именно сейчас, через несколько месяцев, вы решили пригласить меня? Что изменилось?

Степанов посмотрел на неё долгим взглядом. Он откинулся на спинку кресла и заговорил медленно, подбирая слова:

- Изменилось то, что вы показали нам всем - не только мне, но и всей редакции, всей системе, что правду можно говорить, даже когда страшно. Что люди не отвернутся от вас, когда вы признаёте свои ошибки. Они, наоборот, придут к вам, поддержат вас, скажут спасибо. Мы так привыкли думать, что общество требует от нас только патриотизма в его самом агрессивном варианте, что мы забыли: люди хотят человечности. Они хотят слышать голос совести, даже если он неудобный. Вы это сделали, Катя. Вы дали нам пример и теперь нам стыдно.

Катя почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Она не ожидала таких слов. Она думала, что разговор будет о политике, о тиражах, о «целесообразности» - обо всём, кроме правды, но этот человек, старый и уставший, стоял перед ней и говорил о стыде и признании.

- Мы готовы опубликовать вашу статью, - сказал Степанов, и голос его стал твёрже. - Полностью, без купюр, на первой полосе. Мы хотим, чтобы она нашла ещё больше читателей, чтобы её прочитали те, кто боится правды, кто прячется за громкими лозунгами. Мы готовы рискнуть. Мы гото-

вы быть смелыми. Потому что вы показали, что это - единственный путь.

Катя молчала несколько секунд, обдумывая его слова. Она чувствовала, как внутри неё рождается решение - не эмоциональное, а взвешенное, спокойное. Она кивнула.

- Я согласна, сказала она, но я хочу, чтобы вы знали: я делаю это не ради славы или признания. Я делаю это ради людей, которые писали мне письма. Ради тех, кто потерял надежду, но нашёл её в моих словах. Если ваша публикация поможет кому-то ещё, я готова.

Степанов улыбнулся - впервые за весь разговор. Улыбка его была усталой, но тёплой.

- Спасибо, - сказал он. - Вы - удивительная женщина, Екатерина Андреевна. Я рад, что мы наконец сделали правильный выбор.

Статья вышла в начале января 2024 года. Катя держала в руках свежий номер «Голоса Украины» и смотрела на первую полосу, где крупным шрифтом было написано: «КАК Я ВРАЛА. Искренняя исповедь журналистки о пропаганде и пути к правде». Она стояла на кухне, и за окном кружил снег, а в комнате играла тихая музыка. Рядом с ней стояла Ярина и улыбалась.

- Ну вот, сказала Ярина, обнимая подругу. - Ты сделала это, Катя. Ты победила.

- Это не победа, - ответила Катя, и в голосе её слышалась та тихая, спокойная мудрость, которая пришла к ней за эти

трудные месяцы. - Это начало. Теперь я знаю, что могу говорить правду, и что мир готов её слышать. Это самое главное.

Она закрыла глаза и позволила себе просто быть. Она знала, что впереди её ждут новые вызовы, новые статьи, новые разговоры, но она также знала, что она не одна. У неё есть Ярина, есть мама, есть тысячи людей, которые верят в неё и это знание давало ей силы идти дальше, строить мосты, соединять сердца, несмотря на все бури и штормы. Потому что она - Бондаренко и Бондаренко не сдаются. Они идут до конца, что бы ни случилось и они будут помнить: единственное, что имеет значение в этом мире - любить, верить и строить. Потому что это делает их людьми. Это делает их сильными. Это делает их свободными.

Часть 8. Письмо матери

Киев, январь 2024 года.

Январь в Киеве выдался снежным и морозным. Снег падал крупными хлопьями, укутывая город в белое одеяло, которое скрадывало звуки и делало мир мягче, тише, словно природа решила дать людям передышку от постоянного гула войны. На Оболони сугробы поднимались выше колен, и по утрам дворники с лопатами выходили расчищать дорожки, их дыхание превращалось в облачка пара, которые таяли в морозном воздухе. Катя смотрела на этот снег из окна своей квартиры, и ей казалось, что он стирает следы прошлого, давая возможность начать всё заново. Новогодние праздники остались позади - тихие, почти незаметные, без ёлки и

фейерверков, с кружкой глинтвейна и объятиями Ярины, но сейчас, когда суета улеглась, а город вернулся к своей обычной жизни, Катя почувствовала острую, щемящую тоску по дому. Не по квартире на Оболони, а по настоящему дому - по Севастополю, по маме, по тому тёплому, безопасному месту, где она выросла.

Она сидела за столом на кухне, и перед ней лежал чистый лист бумаги. Ручка - старая, с потёртым корпусом, которую она помнила ещё со школы - лежала рядом. За окном медленно кружил снег, и где-то внизу, во дворе, дети лепили снеговика, их смех доносился даже сквозь двойные стёкла. Катя смотрела на пустой лист и чувствовала, как внутри неё поднимается волна эмоций. Она хотела написать матери, но не знала, с чего начать., как рассказать обо всём, что произошло за последние месяцы? О страхе, о боли, о поддержке, о триумфе? Как объяснить, что её статья, которая принесла ей угрозы и ненависть, одновременно стала для неё самым важным поступком в жизни?

Она вспомнила мамины руки - тёплые, морщинистые, с выступающими венами, которые пахли хлебом и лекарствами. Она вспомнила, как в детстве, когда ей было страшно или больно, мама обнимала её, гладила по голове и говорила: «Всё будет хорошо, Катюша. Мы справимся» и тогда Катя верила. Верила безоговорочно, потому что мама никогда не обманывала. А теперь ей нужно было написать маме правду - всю правду, до конца, чтобы та знала, что её дочь нако-

нец-то нашла свой путь.

Она взяла ручку и начала писать. Первые строки давались тяжело, буквы выходили неровными, словно она заново училась писать, но постепенно рука привыкла, и слова полились свободнее:

«Мамочка моя родная, здравствуй. Я пишу тебе это письмо, и у меня слезы на глазах. Я так долго не могла справиться с мыслями, чтобы рассказать тебе всё, что произошло. Ты, наверное, уже прочитала мою статью "Как я врала" или, может быть, только слышала о ней от соседей или по новостям. Я знаю, как ты переживаешь за меня, как ты боишься за мою жизнь, но я хочу, чтобы ты знала: я в порядке. Я правда в порядке. Более того - я свободна. Впервые за долгие годы я чувствую, что могу дышать полной грудью, что я не вру ни тебе, ни себе и это самое главное.

Ты помнишь, как я приехала к тебе после той поездки в Донецк? Как я сидела на кухне и плакала, а ты гладила меня по голове и говорила: "Катя, ты просто устала. Отдохни". А я не могла сказать тебе правду что я врала. Что я была частью той лжи, что я повторяла слова, которые разрушали жизни. Мне было так стыдно перед тобой, перед собой, перед всеми. Я думала, что если я признаюсь, ты перестанешь меня любить. Что ты отвернёшься от меня, как отвернулись те, кого я называла друзьями, но ты не отвернулась. Ты обняла меня и сказала: "Ты моя дочь, и я всегда буду с тобой" и это спасло меня, мама. Твоя любовь спасла меня от отчаяния.

А потом я решила написать эту статью. Я думала об этом долго, мучительно, я боялась последствий, но я поняла: если я не скажу правду сейчас, я никогда не смогу быть честной ни с кем и я сказала. Я рассказала всё - о своих ошибках, о своей слепоте, о том, как я выбиралась из этой тьмы и знаешь, что случилось? Я получила тысячи писем от людей, которые сказали мне "спасибо". Люди, которые тоже прошли через это, которые тоже боялись признаться в своих ошибках, нашли во мне пример и это было самым большим счастьем в моей жизни. Не слава, не признание, а то, что я помогла другим увидеть свет.

Но были и угрозы, мама. Мне угрожали, мне писали гадости, мне звонили по ночам. Было страшно. Очень страшно. Я проверяла замки, я вздрагивала от каждого звука, я боялась за себя и за Ярину, но я не сдалась. Потому что я знала: правда сильнее страха и если я сдамся сейчас, я предаю всё, что построила.

Недавно я разговаривала с редактором "Голоса Украины" - тем самым, который отказался печатать мою статью. Он извинился передо мной. Он сказал, что они испугались, что они ошиблись и теперь они готовы опубликовать мою статью на первой полосе. Я согласилась. Потому что чем больше людей прочитают её, тем больше людей смогут задуматься. Тем больше людей поймут, что пропаганда разрушает не только врагов, но и нас самих.

Мама, я пишу тебе это не для того, чтобы ты волновалась.

Я пишу для того, чтобы ты знала: я справляюсь. Я стала сильнее, я стала увереннее, я стала свободнее и я хочу, чтобы ты гордилась мной. Потому что я - твоя дочь и я наконец-то стала той, кем ты хотела меня видеть, - честным человеком.

Спасибо тебе за всё, мама. За твою любовь, за твою поддержку, за твои молитвы. Ты - моя опора, мой свет, моя надежда. Я люблю тебя больше, чем могу выразить словами.

Твоя дочь Катя».

Она перечитала письмо несколько раз, и каждый раз слёзы застилали глаза. Она сложила листок в конверт, аккуратно запечатала его и написала адрес: Севастополь, улица Ленина, дом 12, Анне Ивановне Бондаренко. Она вышла на улицу, где морозный воздух обжёг лицо, и отправила письмо в ближайший почтовый ящик, стоящий на углу. Снег продолжал падать, и она смотрела на него, думая о том, как этот маленький белый конверт пересечёт линию фронта, как он попадёт в руки мамы, как она развернёт его дрожащими пальцами.

Прошло несколько дней. Катя старалась не думать о письме, чтобы не мучить себя ожиданием. Она продолжала работать, читала новые письма от читателей, готовила новые материалы, но в глубине души она ждала. Ждала маминого ответа.

И он пришёл. Через неделю после отправки. Катя пришла с работы и нашла в почтовом ящике конверт, исписанный знакомым, аккуратным почерком. Сердце забило быстрее,

и она, не снимая пальто, прошла на кухню, села за стол и вскрыла конверт дрожащими руками. На стол выпал сложенный лист бумаги, и Катя развернула его. Она начала читать, и с каждой строчкой слёзы текли по щекам.

«Катюша, моя родная, моя любимая доченька!

Я прочитала твоё письмо, и я плакала, пока читала его. Я плакала не от горя, а от гордости. Ты не представляешь, какие чувства я испытываю, зная, что моя дочь - такой смелый, честный и сильный человек. Я всё это время следила за тобой, за твоими новостями, за твоей статьёй. Соседи рассказывали, что ты написала что-то важное, и я нашла твою статью в интернете. Я прочитала её пять раз, Катюша. Пять раз и каждый раз я плакала.

Ты написала правду. Ты рассказала о своих ошибках, о своей боли, о своём пути и я видела в этом не только талантливого журналиста, но и свою дочь - ту маленькую девочку, которая всегда хотела быть честной, которая не выносила лжи, которая всегда боролась за справедливость. Ты была такой в детстве, ты осталась такой и сейчас и это - самое главное.

Я горжусь тобой, Катя. Я горжусь твоей смелостью, твоей силой, твоей готовностью рисковать ради правды. Знаешь, когда ты приехала ко мне после той поездки в Донецк, я видела, что с тобой что-то случилось. Я не знала, что именно, но я чувствовала, что ты сломана. Я хотела спросить, но боялась, что ещё больше раню тебя. А теперь я понимаю: ты

сама нашла путь к исцелению. Ты перестала врать и это - самый важный шаг в жизни каждого человека.

Ты пишешь, что тебе угрожали. Я знаю об этом, Катя. Я видела сообщения, которые оставляли тебе. Мне было страшно за тебя, я не спала ночами, я молилась за твою безопасность, но я также знала, что ты - сильная. Ты - Бондаренко. Мы не сдаёмся, дочка. Мы идём до конца, что бы ни случилось и я знаю, что ты сможешь преодолеть всё.

Ты пишешь, что разговаривала с редактором, что он извинился перед тобой. Это хорошо. Люди могут меняться, Катя. Они могут ошибаться, а потом находить в себе мужество признать свои ошибки и ты - пример для них. Ты показала, что правда всегда побеждает ложь, даже если это происходит не сразу.

Катюша, я хочу сказать тебе главное: я люблю тебя. Я люблю тебя так, как может любить только мать. Ты - моя гордость, мой свет, моя радость и я всегда буду рядом с тобой - даже если нас разделяют тысячи километров. Моё сердце всегда с тобой, дочка и я верю в тебя.

Будь осторожна. Береги себя, но никогда не переставай говорить правду. Потому что правда - это единственное, что у нас есть.

Твоя мама.

Анна Ивановна».

Катя дочитала письмо до конца и уронила голову на руки. Слезы текли по её щекам, и она не пыталась их сдерживать.

Внутри неё разливалось такое сильное, тёплое чувство, которое она не могла описать словами. Это была благодарность. Это была любовь. Это было осознание того, что она не одна, что у неё есть мама, которая всегда будет рядом, которая всегда поддержит её, что бы ни случилось.

Через несколько минут она услышала шаги - в комнату вошла Ярина, увидела заплаканное лицо Кати, подошла и обняла её, не задавая вопросов. Они сидели так, молча, несколько минут, а затем Катя протянула ей письмо.

- Прочитай, сказала она, вытирая слёзы. - Это от мамы.

Ярина взяла лист, пробежала по нему глазами, и на её лице появилась улыбка, полная тепла.

- Катя, - тихо сказала она, откладывая письмо в сторону.

- Ты - самая счастливая женщина на свете. У тебя есть мама, которая любит тебя такой, какая ты есть. Это дороже любых статей, любых публикаций, любого признания. Ты это понимаешь?

- Да, - ответила Катя, и голос её дрожал от эмоций. - Я понимаю и я никогда не перестану благодарить её за это.

Она взяла письмо матери и аккуратно сложила его в старую шкатулку, где хранила самые дорогие вещи: фотографии, детские рисунки, письма. Теперь там было и это. Письмо, которое напоминало ей о том, что она - не одна. Что её мать всегда будет с ней, даже если они разделены сотнями километров и линиями фронта. Что любовь сильнее всех угроз, всех страхов, всех войн.

Катя закрыла шкатулку и вышла на балкон. Снег всё ещё падал, и город казался тихим и безмятежным. Она глубоко вдохнула морозный воздух и почувствовала, как внутри неё разливается спокойствие. Она знала, что впереди будут новые вызовы, новые статьи, новые испытания, но она также знала, что у неё есть силы, чтобы пройти их. Потому что она - Бондаренко и Бондаренко не сдаются. Они идут до конца, соединяя сердца и судьбы, строя мосты там, где другие строят стены и они помнят, что единственное, что имеет значение в этом мире - любовь, вера и правда. Потому что это делает их людьми.

## Часть 9. Весна

Март пришёл в Киев неожиданно мягко, словно природа решила сжалиться над городом, уставшим от долгой зимы и бесконечных тревог. Снег таял быстро, превращаясь в мутные ручьи, которые весело бежали по обочинам, смывая зимнюю грязь и обнажая мокрый, тёмный асфальт. Воздух наполнился той особенной весенней свежестью, которая пахнет талой землёй, прелыми листьями и едва уловимым ароматом первых почек. На деревьях в парках набухали маленькие зелёные шишечки, и даже серые хрущёвки на Оболони казались менее унылыми под лучами солнца, которое с каждым днём светило всё дольше и ярче. Город просыпался от зимней спячки: люди снимали шапки, открывали окна, и в воздухе впервые за долгие месяцы слышался не только гул машин, но и пение птиц.

Волна вокруг статьи «Как я врала» постепенно улеглась, как морской прибой, который оставляет после себя мокрый песок и мелкие ракушки. Всплески ненависти всё ещё случались - иногда в комментариях появлялись злобные сообщения, иногда кто-то звонил по ночам и дышал в трубку, но эти голоса стали тише, реже, и Катя научилась не обращать на них внимания. Она перестала вздрагивать от каждого звонка, перестала проверять замки трижды перед сном, перестала бояться выходить на улицу одна. Страх, который преследовал её так долго, начал отступать, уступая место той тихой, уверенной силе, которая рождается только тогда, когда ты проходишь через самое тёмное и остаёшься собой.

Она продолжала работать. Её канал «Честное слово» вырос в несколько раз, подписчики присылали сотни сообщений каждый день, и Катя старалась отвечать на каждое - хотя бы коротко, хотя бы одним словом, но чтобы люди чувствовали, что их слышат. Она снимала репортажи с мест событий, брала интервью у волонтеров, у беженцев, у людей, которые потеряли всё, но не потеряли надежду. Она писала о войне, но не в сухих цифрах и терминах, а через судьбы, через лица, через боль и любовь. Её статьи становились всё более глубокими и человечными, и читатели это чувствовали. Её называли «голосом совести», «журналистом с душой», и эти слова уже не казались ей пустыми комплиментами. Она действительно стала тем человеком, который говорит правду, и эта правда имела значение.

Но самое главное, что изменилось в ней, было не внешнее признание. Это было внутреннее ощущение свободы. Она больше не боялась правды - ни своей, ни чужой. Она больше не боялась ошибок, потому что поняла: ошибки - это не приговор, это часть пути. Главное - иметь мужество признать их и идти дальше и это знание делало её не просто журналистом, а человеком, который живёт в гармонии с собой.

Однажды в середине марта, когда солнце уже припекало по-весеннему, а воздух пах свежестью и влажной землёй, Катя сидела на балконе своей квартиры. Перед ней стояла кружка зелёного чая, и пар от неё поднимался вверх, смешиваясь с прохладным ветерком. Внизу, в небольшом сквере, уже начали распускаться крокусы - маленькие фиолетовые и жёлтые цветы, которые пробивались сквозь прошлогоднюю листву, словно напоминая о том, что жизнь всегда побеждает. На детской площадке играли дети, их звонкие голоса разносились по двору, и этот звук был настолько мирным, что Кате казалось, будто она перенеслась в другую реальность, где нет войны.

Рядом с ней сидела Ярина. Она пила кофе и читала книгу, время от времени поглядывая на Катю с той тёплой, спокойной улыбкой, которая появилась у неё за последние месяцы. Они проводили так много времени вместе, что уже могли понимать друг друга без слов. Ярина знала, когда Кате нужно молчание, а когда - поддержка и сегодня ей казалось, что Катя находится в том состоянии, когда слова уже не нужны.

- Ты изменилась, Катя, сказала Ярина, закрывая книгу и поворачиваясь к подруге. - Я смотрю на тебя и вижу, что ты стала другой. Не внешне - внутри. Раньше ты всегда была в движении, в поиске, в тревоге. Ты постоянно куда-то бежала, искала что-то, боялась чего-то. А теперь в тебе есть что-то новое - какая-то тихая сила, которая не боится ни страха, ни сомнений. Ты стала спокойнее, увереннее. Тебя невозможно сломать.

- Это не сила, - ответила Катя, и в голосе её слышалась та тихая, задумчивая интонация, которая появлялась у неё в моменты глубокой рефлексии. - Это свобода. Я просто перестала бояться. Раньше я боялась правды - боялась, что она будет слишком неудобной, слишком болезненной, слишком опасной. Я боялась, что, сказав правду, потеряю всё: работу, друзей, безопасность, но когда я наконец сказала её, я поняла, что бояться нечего. Когда ты говоришь правду, ты перестаёшь быть рабом своих страхов. Ты становишься свободным и это чувство - самое ценное, что у меня есть. Оно дороже любых денег, дороже любой славы, дороже любого признания.

- Это точно, сказала Ярина, и в голосе её слышалась та тёплая уверенность, которая была её чертой. - Правда освобождает и ты это доказала. Ты прошла через всё это - через угрозы, через ненависть, через страх - и теперь ты здесь, на этом месте, свободная и цельная. Ты не сломалась. Ты стала только сильнее. Я горжусь тобой, Катя. Я правда горжусь.

- Спасибо, - ответила Катя, и голос её дрогнул от нахлынувших чувств. - Я бы не справилась без тебя. Ты была рядом всё это время - и в самые тёмные ночи, и в самые светлые дни. Ты - моя опора, моя надежда, мой свет. Я люблю тебя.

- Я тоже тебя люблю, сказала Ярина, и в её голосе слышалась такая же искренняя нежность.

Они замолчали. Весенний ветер шевелил первые листочки на деревьях, и где-то вдалеке слышался гул города - привычный, почти уютный. Катя смотрела на крокусы внизу, на детей, которые бегали по площадке, на небо, которое становилось всё более голубым, и чувствовала, как внутри неё разливается то спокойное, уверенное чувство, которое бывает только тогда, когда ты знаешь, что ты на правильном пути. Она вспомнила все те страшные дни: угрозы, ночные звонки, страх, который сковывал её тело. Она вспомнила, как боялась за маму, за Ярину, за себя и теперь, глядя на эту мирную картину, она поняла, что всё это было не зря. Её страх, её боль, её борьба - они имели смысл. Потому что они привели её к свободе. К настоящей свободе - той, которая рождается внутри, когда ты перестаёшь врать себе и другим.

Она взяла кружку с чаем, сделала глоток и задумалась о том, что будет дальше. Война не закончилась. Пропаганда не исчезла. Работа журналиста, который говорит правду, оставалась опасной, но Катя больше не боялась. Она знала, что впереди будут новые вызовы, новые статьи, новые репортажи. Она знала, что ей придётся снова и снова сталкиваться

с ненавистью и непониманием, но она также знала, что у неё есть то, что важнее страха: правда и она будет продолжать её говорить.

На следующий день Катя вышла в город, чтобы прогуляться по центру. Впервые за долгое время она не оглядывалась по сторонам, не проверяла, не следят ли за ней. Она просто шла - по Крещатику, вдоль Золотых ворот, мимо уютных кафе, из которых доносился запах свежей выпечки. Город жил своей жизнью: люди смеялись, дети играли, в парках играла музыка. Катя остановилась у маленького цветочного лотка и купила букет крокусов - фиолетовых и жёлтых, таких же, как те, что росли в её дворе.

Продавщица, пожилая женщина с добрыми глазами, улыбнулась ей и сказала:

- Хороший выбор, дочка. Весна пришла. Пусть она принесёт вам счастье.

- Спасибо, - ответила Катя, чувствуя, как её сердце наполняется теплом. - Я верю, что принесёт.

Она пошла дальше, и ей казалось, что каждый шаг даётся ей с лёгкостью. Она больше не та женщина, которая боялась каждой тени. Она стала той, кто строит мосты и даже если вокруг будут бури и штормы, она будет продолжать идти, соединять сердца, говорить правду. Потому что это - её путь. Её выбор. Её жизнь.

Вернувшись домой, она поставила крокусы в вазу и села за стол. Она открыла ноутбук и начала писать новую статью.

Она не знала, о чём она будет - может быть, о весне, о надежде, о том, как важно не сдаваться, но она знала, что это будет честно. Что она скажет правду. Потому что она - Бондаренко и Бондаренко не сдаются. Они идут до конца, что бы ни случилось. Они строят мосты, соединяя сердца и судьбы, несмотря на все преграды и они помнят, что единственное, что имеет значение в этом мире - любовь, вера и правда. Потому что это делает их людьми. Это делает их сильными. Это делает их свободными и они будут продолжать жить - потому что это их жизнь, их выбор, их путь и они будут идти по нему до самого конца, потому что они знают: они не одни. У них есть друзья, и это самое важное и они будут ждать того дня, когда все их близкие соберутся вместе, и они смогут обнять друг друга и сказать, как они любят друг друга и это знание будет согревать их сердца всегда, в самые холодные ночи и самые тёмные времена. Потому что их любовь сильнее любых слов, сильнее любых границ и они будут стоять, как мост, который они построили вместе, несмотря на все бури и штормы. Они будут защищать свою правду, сколько бы времени это ни заняло, потому что она - их.

Часть 10. Разговор с братом

Киев - Донецк, апрель 2024 года.

Апрель в Киеве был по-настоящему весенним. Солнце светило ярко, и его лучи согревали даже самые тёмные уголки города. На Оболони зацвели первые деревья - яблони и вишни, их нежные розовые и белые лепестки кружились в

воздухе, падая на асфальт и газоны, словно снег, который пришёл не вовремя. Воздух был наполнен сладким ароматом цветения, смешанным с запахом влажной земли и свежей зелени. Город, казалось, вздохнул после долгой зимы, и даже угрозы, даже война, даже постоянное напряжение на мгновение отступили, уступая место этой простой, вечной красоте. Катя стояла на балконе, глядя на эти цветущие деревья, и чувствовала, как в её душе просыпается что-то новое - надежда, смешанная с лёгкой грустью.

Она думала о брате. О том, что он там, на передовой, где весна тоже пришла, но где цветы распускаются среди разрушенных домов и свежих воронок. Она знала, как он любит это время года, как в детстве они вместе сажали цветы в их севастопольском саду, как он смеялся, когда она поливала его шлангом из шланга, и, как он потом сушил её мокрые волосы полотенцем. Алексей всегда был её защитником. Старший брат, который носил её на плечах, который учил её плавать, который защищал от обидчиков во дворе. А теперь он защищал страну, и она боялась за него каждую минуту.

Она вспомнила, как он уходил в 2014-м - молодым, горячим, полным идеалов. Он сказал: «Катя, я должен быть там. Я не могу сидеть дома, когда решается судьба нашей страны». Она плакала, когда он уезжал, и он обнял её и сказал: «Всё будет хорошо, сестрёнка. Я вернусь. Обещаю» и он возвращался - раненый, уставший, но живой и каждый раз, ко-

гда он возвращался, она видела, как его глаза меняются. В них появлялась та глубокая, тихая печаль, которую невозможно объяснить словами. Он видел вещи, которые не должен был видеть, и это оставляло следы на его душе.

Катя вспомнила их последнюю встречу, за несколько месяцев до того, как она написала статью. Он приехал в Киев на короткую побывку, всего на три дня. Они сидели на этой же кухне, пили чай, и он рассказывал о своих товарищах. О том, как они делятся последним сухарем, как они поют под гитару вечерами, как они мечтают о мире. Он говорил о войне, но не о политике - о людях и в его словах она слышала то, что чувствовала сама: ненависть к войне и любовь к жизни. Она помнила, как он тогда сказал: «Катя, мы все устали и солдаты с той стороны тоже устали. Мы все хотим домой, но никто не знает, как остановить это безумие» и тогда она не ответила, потому что не знала, что сказать, но теперь она знала. Теперь она написала статью, в которой сказала правду - о пропаганде, о лжи, о том, как она сама была частью этой машины, и, как она вышла из неё и она надеялась, что это хоть немного изменит мир.

Она взяла телефон. На экране высветился номер Алексея - она знала его наизусть, как свои собственные пальцы. Она набрала номер, но рука дрожала. Что, если он не ответит? Что, если он ранен? Что, если он больше не может говорить? Она закрыла глаза и глубоко вдохнула, пытаясь успокоить сердце. Гудки пошли. Один. Два. Три. Катя уже почти от-

чаивалась, когда на том конце кто-то поднял трубку.

- Алёша? - спросила она, и голос её сорвался на полуслове.

- Это ты?

- Катя, - раздался в трубке голос брата - уставший, низкий, но такой тёплый, что у неё перехватило дыхание. - Привет, сестрёнка. Я так рад тебя слышать., как ты там?

- Я в порядке, Алёша, - ответила она, и в голосе её слышалась та смесь волнения и надежды, которая была у неё всегда, когда она говорила с ним. - Я хотела спросить... ты читал мою статью? «Как я врала»? Я знаю, что у тебя там, наверное, нет времени на такие вещи, но мне было бы очень важно узнать, что ты думаешь о ней.

На том конце наступила тишина. Катя слышала, как Алексей дышит, как где-то рядом звучат голоса, как далеко шумит что-то - может быть, ветер, а может быть, раскаты далёких взрывов. Затем он заговорил, и в его голосе она услышала то, чего не ожидала: слёзы.

- Катя, я читал, - сказал он, и голос его дрогнул. - Мне ребята показали, когда она вышла. Мы всей ротой читали твою статью. Знаешь, я не думал, что моя сестра способна на такое. Ты написала правду. Ты написала то, что чувствуем все мы - те, кто здесь, на линии фронта, и те, кто в тылу. Ты не побоялась признаться в своих ошибках. Ты не побоялась сказать, что ты была частью той лжи и это вызывает уважение, Катя. Это вызывает уважение у нас всех. Ты сделала нечто большее, чем просто написала статью. Ты дала людям

надежду. Ты показала, что можно измениться. Что можно остановиться и сказать: «Я был неправ». Это дорогого стоит.

Катя почувствовала, как слёзы текут по её щекам. Она не пыталась их сдерживать. Она слушала голос брата, который был для неё таким родным, таким знакомым, и чувствовала, как внутри неё разливается тепло.

- Спасибо, Алёша, - прошептала она. - Ты даже не представляешь, что значат для меня эти слова.

- Представляю, - ответил он, и в голосе его появилась та улыбка, которую она так хорошо помнила. - Потому что я знаю тебя, сестрёнка. Ты всегда хотела, чтобы твоя работа имела значение и теперь она имеет. Она реально меняет людей. Мы здесь, на передовой, читали твою статью вслух. Некоторые ребята не сдерживали слёз. Потому что они тоже когда-то верили в пропаганду, а потом поняли, что это был самообман и ты дала им голос. Ты сказала за них то, что они не могли сказать сами.

- А, как ты сам? - спросила Катя, и в голосе её слышалась та искренняя, сестринская тревога. -, как там у вас? Я так переживаю за тебя, Алёша. Ты обещал мне вернуться.

- Я держу слово, сестрёнка, - ответил Алексей, и в его голосе слышалась та твёрдая уверенность, которая была его чертой. - Война продолжается, это правда. Мы теряем друзей, мы не высыпаемся, мы не знаем, что будет завтра, но мы держимся. Потому что знаем, за что мы боремся. Мы боремся за наш дом, за наши семьи, за нашу страну и мы ве-

рим, что когда-нибудь это закончится. Ты там, в Киеве, не забывай об этом. Твоя работа тоже - часть этой борьбы. Ты борешься правдой. Это оружие, которое не стреляет, но ранит сильнее пули.

- Спасибо, Алёша, сказала Катя, и голос её был полон благодарности. - Береги себя, прошу тебя. Ты нужен мне. Ты нужен маме. Ты нужен всей нашей семье.

- И ты береги себя, сестрёнка, - ответил Алексей. - Я знаю, что ты сильная. Ты всегда была сильнее меня, даже когда я носил тебя на плечах, но будь осторожна. Не лезь там в самое пекло. Твоя правда нужна людям, но ты сама нужна нам больше.

- Я буду осторожна, - пообещала Катя, хотя понимала, что это обещание трудно выполнить в их профессии. - Я люблю тебя, Алёша.

- Я тоже тебя люблю, Катя, - ответил он, и в голосе его она услышала ту глубокую, тёплую любовь, которая связывала их с детства. - Держись, сестрёнка. Мы справимся. Мы Бондаренко, мы не сдаёмся.

- Мы не сдаёмся, - повторила она, и в голосе её прозвучала стальная уверенность. - Пока мы вместе, мы всё сможем.

Они попрощались, и Катя положила трубку. Она сидела на кухне, глядя на телефон, и чувствовала, как внутри неё разливается та тихая, спокойная уверенность, которая бывает только тогда, когда ты знаешь, что твой брат рядом, что он поддерживает тебя, что он верит в тебя. Она вспомни-

ла их детство, как они бегали по севастопольским улицам, как он учил её плавать в море, как он обнимал её, когда она плакала из-за школьных обид. Он всегда был рядом. Даже сейчас, когда их разделяли километры войны и линии фронта, он был рядом. Его голос в трубке был таким же тёплым, как в детстве.

Она встала из-за стола и подошла к окну. За ним цвели яблони, и их лепестки кружились в воздухе, как маленькие розовые снежинки. Она подумала о том, что когда-нибудь эта война закончится. Когда-нибудь она сможет обнять брата, поехать к маме в Севастополь, собраться всей семьёй за одним столом и в этот день она скажет им всем, как сильно она их любит. Она будет строить свои мосты, соединяя сердца и судьбы, и верить в то, что любовь сильнее всего. Потому что она - Бондаренко. А Бондаренко не сдаются. Они идут до конца, что бы ни случилось и они помнят, что единственное, что имеет значение в этом мире - это любовь. Любовь, которая связывает их друг с другом, которая делает их людьми, которая делает их сильными.

Она села за ноутбук и начала писать новую статью - о брате, о любви, о том, как важно верить друг в друга и в каждой строчке этого текста жила надежда, что однажды все их близкие соберутся вместе. Что они смогут обнять друг друга и сказать самые простые, самые важные слова и это знание согревало её сердце даже в самые тёмные времена.

Часть 11. Письмо отцу

Киев, май 2024 года.

Май в Киеве выдался на редкость тёплым и щедрым. Каштаны на бульваре Шевченко стояли в полном цвету, их белые и розовые свечи тянулись к небу, словно маленькие маяки, излучающие свет. Воздух был наполнен сладким, чуть приторным ароматом цветения, смешанным с запахом свежей зелени и нагретого асфальта. Ветер был лёгким и ласковым, он шевелил листву и доносил звуки города - детский смех, голоса прохожих, далёкую музыку из открытых окон. Война, казалось, отступила на второй план, уступив место этой простой, вечной красоте, которая напоминала о том, что жизнь продолжается, несмотря ни на что.

Катя сидела на скамейке в небольшом сквере недалеко от дома, глядя на цветущие деревья и на прохожих, которые наслаждались тёплым днём. Она чувствовала, как внутри неё разливается странное спокойствие - не то чтобы она забыла о войне или об угрозах, но весна принесла с собой что-то новое, что-то похожее на надежду. Она думала об отце. О том человеке, который всегда был для неё примером силы и мудрости, который учил её не бояться правды и не сдаваться перед трудностями. Она вспомнила его слова, сказанные много лет назад, когда она ещё была подростком и сомневалась в себе: «Катя, правда - это, как мост. Её можно бомбить, её можно разрушать, но она всё равно стоит. Потому что правда не может исчезнуть. Она всегда остаётся, даже если её пытаются скрыть» и эти слова звучали в её го-

лове все эти годы, становясь всё более важными, всё более глубокими.

Она вспомнила своё детство в Севастополе. Отца она помнила высоким, сильным, с седеющими висками и тёплыми глазами, которые всегда смотрели на неё с гордостью. Он работал инженером на судостроительном заводе, и по вечерам, возвращаясь домой, он садился за стол, и они говорили о жизни - о книгах, о людях, о правде. Он всегда говорил ей: «Дочка, никогда не бойся говорить правду. Даже если она горькая. Даже если она приносит боль. Потому что ложь разрушает душу, а правда - исцеляет» и тогда, в детстве, она не до конца понимала, что он имеет в виду, но теперь, пройдя через всё это - через пропаганду, через самообман, через страх и освобождение, - она поняла, что он был прав. Правда действительно исцеляет и она построила свой мост - мост честности, мост искренности - и он стоял, несмотря на все обстрелы и бури.

Она подумала о том, как мало она говорила с отцом за последние годы. Когда началась война в 2014-м, их отношения стали напряжёнными. Он не поддерживал Майдан, он считал, что путь переговоров лучше пути баррикад. Она спорила с ним, горячо, обидно, говорила, что он не понимает и они замолчали. Голоса в трубке стали короче, встречи - реже. А потом, когда она стала частью пропагандистской машины, она избегала его взгляда, потому что знала: он видит её насквозь. Он всегда видел её насквозь и в его молча-

нии она чувствовала больше, чем в словах любого критика. Она знала, что он разочарован. Не зол, не обижен - просто разочарован и это было самое болезненное.

А потом произошёл перелом. Её поездка в Донецк, её встреча с правдой, её долгий и мучительный путь к себе. Она помнила, как позвонила ему после того, как вернулась из Донецка и начала осознавать свои ошибки. Она набрала номер, и когда он взял трубку, она не могла говорить - только плакала. А он слушал, и когда она наконец смогла выдохнуть слова, он сказал только одно: «Я знаю, дочка. Я всегда знал, что ты вернёшься к правде. Я просто ждал». В тот момент она поняла, что его вера в неё была сильнее любых её ошибок и это знание согревало её все эти годы.

Теперь, сидя на скамейке в цветущем сквере, она чувствовала, что пришло время написать ему письмо. Не просто позвонить или отправить сообщение в мессенджере - а написать, по-настоящему, на бумаге, как в старые времена, когда каждое слово имело вес, когда письма ждали неделями и перечитывали по несколько раз. Ей нужно было сказать ему всё - всё, что она чувствовала, всё, что она поняла за эти годы.

Она вернулась домой, села за стол на кухне, где стояла ваза с первыми ландышами, и взяла ручку. За окном было солнечно, и свет проникал в комнату, делая её светлой и тёплой. Она взяла лист бумаги и начала писать, и слова полились сами собой, как поток, который долго сдерживали, а те-

перь выпустили на волю:

«Папа, здравствуй. Я пишу тебе это письмо, и у меня немного дрожат руки. Я так долго хотела сказать тебе эти слова, но всё не могла собраться. Я хочу сказать тебе спасибо. За всё. За то, что ты всегда верил в меня, даже когда я сомневалась в себе. За то, что ты учил меня видеть правду, даже когда она была неудобной. За то, что ты всегда был рядом, даже когда я не давала тебе этой возможности.

Ты помнишь, как ты говорил мне: "Правда - это, как мост. Её можно бомбить, но она всё равно стоит"? Я долго не понимала смысла этих слов. А теперь понимаю. Ты говорил о том, что правда не зависит от обстоятельств, от политики, от страха. Она всегда остаётся правдой, даже если вокруг неё хаос и я построила свой мост, папа. Мост честности, мост правды. Я написала статью, в которой призналась в своих ошибках, в своей слепоте, в том, как я была частью лжи и знаешь, что самое удивительное? Когда я перестала врать, я почувствовала себя свободной. Свободной от груза, который носила в себе годами. Свободной от стыда, который сковывал мои движения. Ты был прав. Правда действительно исцеляет.

Я так хочу, чтобы ты знал: я больше не та девочка, которая повторяла чужие слова, не задумываясь. Я стала собой. Я стала той, кто строит мосты вместо стен и это потому, что ты научил меня этому. Ты показал мне, что сила не в том, чтобы быть правым, а в том, чтобы быть честным и я благодар-

на тебе за этот урок. Я люблю тебя, папа. Больше, чем могу выразить словами. Ты всегда был и остаёшься моим героем, моей опорой, моим примером.

Твоя дочь Катя».

Она запечатала письмо в конверт и отправила его. Прошло несколько дней, и Катя каждый раз, возвращаясь домой, смотрела на почтовый ящик с надеждой и однажды вечером она нашла там конверт с родным почерком - аккуратным, чётким, с лёгким наклоном. Она вскрыла его, развернула лист и начала читать. Сердце её билось быстрее, и в глазах стояли слёзы:

«Дорогая Катя, моя любимая дочка!

Я получил твоё письмо, и я не сразу смог ответить, потому что перечитывал его снова и снова. Я плакал, дочка. Плакал от гордости. Ты не представляешь, как я счастлив, что моя дочь выросла таким человеком - сильным, честным, смелым. Ты прошла через такие испытания, через которые не каждый прошёл бы, и ты не сломалась. Ты стала только сильнее.

Ты пишешь о мосте. Знаешь, когда я сказал тебе эти слова много лет назад, я не думал, что они станут для тебя такими важными. Я просто хотел, чтобы ты помнила: правда - это единственное, что у нас есть и ты это поняла. Ты построила свой мост, Катя и он стоит. Я верю, что он будет стоять всегда, что бы ни случилось. Потому что он построен на правде.

Я горжусь тобой больше, чем могу выразить. Ты - моя дочь, и ты сделала то, что делает честь всей нашей семье. Я

люблю тебя. Я всегда буду рядом, что бы ни случилось и я знаю, что ты справишься с любыми трудностями, потому что ты - Бондаренко. А Бондаренко не сдаются.

Твой отец, Андрей Петрович».

Катя дочитала письмо, и слёзы текли по её щекам, но это были слёзы радости. Она взяла письмо, поднесла его к сердцу и прошептала: «Спасибо, папа. Спасибо за всё». Она убрала его в старую шкатулку, где хранились самые дорогие вещи: письма от мамы, от Алексея, первые рисунки из детства. Теперь там было и это.

Она села на балкон, глядя на вечернее небо, где зажигались первые звёзды. Теплый майский ветер шевелил её волосы, и она чувствовала, как внутри неё разливается то тихое, спокойное чувство, которое бывает только тогда, когда ты знаешь, что ты на правильном пути. Она знала, что впереди будут новые вызовы, новые статьи, новые трудности, но она также знала, что у неё есть семья, которая верит в неё, и что её правда - это мост, который соединяет сердца. Она будет продолжать строить этот мост, несмотря на все преграды. Потому что она - Бондаренко.

Часть 12. Лето

Киев, июнь 2024 года.

Июнь пришёл в Киев тёплым, щедрым, почти забывчивым. Забывчивым о том, что где-то идёт война. Небо было чистым, высоким, того особенного летнего оттенка, который бывает только в июне, когда зелень ещё свежа, а солнце не

обжигает, а ласкает. Деревья стояли в полном своём великолепии - каштаны, липы, клёны создавали плотные зелёные шатры, под которыми прятались от зноя прохожие. Воздух был наполнен множеством запахов: цветущей липы, скошенной травы, нагретого асфальта и, совсем чуть-чуть, речной свежести, доносившейся с Днепра. На Оболони, в маленьком дворике между домами, цвели кусты сирени - лиловые и белые, и их аромат, густой и сладкий, проникал в открытые окна, наполняя квартиры ощущением лета и покоя.

Катя сидела на балконе своей квартиры. Это был её любимый уголок - маленький, всего два квадратных метра, но с таким видом, что сердце замирало. Отсюда было видно, как Днепр переливается на солнце серебряной чешуёй, как по набережной гуляют люди, как вдалеке, на левом берегу, поднимаются к небу серые башни новостроек. Она сидела в старом плетёном кресле, которое Ярина купила на блошином рынке, и держала в руках кружку с холодным зелёным чаем. На коленях у неё лежал ноутбук, но она не работала. Она просто смотрела на город, который жил своей жизнью, и позволяла себе дышать.

Прошёл почти год с того момента, как она написала статью «Как я врала». Год, который изменил её жизнь до неузнаваемости. Год страха и надежды, боли и исцеления, отчаяния и триумфа. Она оглядывалась назад и видела ту женщину, которая сидела на этом же балконе год назад - испуганную, сомневающуюся, сжимающую в руках стопку от-

казов от редакций. Она была так далека от той, кем стала сейчас. Сейчас она чувствовала себя свободной. Свободной от лжи, от страха, от необходимости быть кем-то другим. Она наконец-то стала собой.

Статья «Как я врала» действительно стала феноменом. Её перевели на десять языков: английский, немецкий, французский, польский, испанский, иврит и даже японский. Её обсуждали в крупнейших мировых изданиях - The Guardian, Le Monde, Der Spiegel. Её цитировали на международных конференциях по журналистике и противодействию пропаганде. К ней приезжали корреспонденты из Европы и Америки, чтобы взять интервью, но для Кати самым важным были не эти профессиональные достижения. Самым важным были письма.

Их стало ещё больше. Они приходили каждый день - иногда по десять, иногда по двадцать. Она перестала удивляться их количеству, но никогда не переставала удивляться их глубине. Каждое письмо было историей спасения. Женщина из Мариуполя писала, что её муж, который всю жизнь был пророссийским, прочитал статью и впервые заговорил о примирении. Студентка из Львова признавалась, что перестала ненавидеть своих родственников из Донецка и начала искать с ними контакт. Мужчина из Берлина, бывший журналист, который работал в ГДР, благодарил её за то, что она помогла ему переосмыслить его собственную историю в пропагандистской машине. «Я думал, что старые собаки не умеют

учиться, - писал он. - Ваша статья доказала, что я ошибался».

Иногда письма были совсем короткими. Всего несколько слов: «Катя, спасибо. Вы - мой свет». Или: «Я тоже врал. Спасибо, что сказали правду. Я теперь знаю, что делать» и в этих коротких строках было столько силы, столько человеческого тепла, что Катя чувствовала, как её сердце переполняется.

Она закрыла глаза и подставила лицо солнцу. Тёплые лучи касались её кожи, и она позволила себе просто быть - быть в этом моменте, быть собой, быть живой. За спиной она услышала лёгкие шаги - Ярина вышла на балкон, держа в руках тарелку с нарезанным арбузом.

- Привет, сказала Ярина, присаживаясь на маленький табурет рядом с Катей. - Я смотрю на тебя и не могу поверить, что это ты. Год назад ты сидела здесь и боялась каждого звонка. А теперь ты - свободная женщина, у которой весь мир в ладонях.

- Не весь мир, - улыбнулась Катя, но несколько человек и этого достаточно.

- Ты изменила мир для нескольких человек, - поправила Ярина. - И это значит гораздо больше, чем если бы ты изменила его для миллионов, но поверхностно. Ты изменила его глубоко, в душах людей.

Катя взяла кусочек арбуза и откусила. Сочная сладость разлилась по языку, и это маленькое удовольствие вдруг по-

казалось ей невероятно важным. Она смотрела на небо, на облака, которые медленно плыли куда-то, и думала о том, как много было пройдено.

Она вспомнила первые дни после публикации., как она пряталась от угроз, как её трясло от каждого звонка, как она проверяла замки и задергивала шторы. Она вспомнила разговор с редактором, который извинялся перед ней за свою трусость. Вспомнила письма от мамы и отца, их слова поддержки, которые стали для неё опорой. Вспомнила голос брата в телефонной трубке, его уставший, но тёплый голос, который сказал: «Мы Бондаренко, мы не сдаёмся» и теперь, сидя на балконе, под летним солнцем, она понимала, что всё это было не зря. Каждый страх, каждая бессонная ночь, каждая минута отчаяния - всё это имело смысл. Потому что она выжила. Она не сломалась. Она стала сильнее.

Ярина сидела рядом и молчала. Она знала, что Кате иногда нужно молчание - не слова, а просто присутствие и она была здесь, как была всегда, в самые трудные моменты. Её тихая поддержка была тем клеем, который держал Катю в те моменты, когда она была готова рассыпаться на куски.

- Я знаю, что впереди будет ещё много работы, сказала Катя, не открывая глаз. - Война не закончилась. Пропаганда не исчезла. Я должна продолжать писать, продолжать говорить правду, но сегодня я хочу просто быть. Просто сидеть здесь, чувствовать солнце, слушать птиц и знать, что я всё сделала правильно.

- Ты имеешь на это право, сказала Ярина. - Ты заслужила этот покой, Катя. Ты прошла через ад и осталась человеком. Это победа, даже если никто не пишет о ней в новостях.

Катя открыла глаза и посмотрела на подругу. В её глазах стояли слёзы - не от грусти, а от переполняющей её благодарности.

- Спасибо, Ярин. За всё. За то, что ты была рядом. За то, что ты не ушла, когда было трудно. За то, что ты верила в меня, даже когда я сама не верила.

- Я всегда буду рядом, - ответила Ярина, и в её голосе слышалась та тёплая, несокрушимая уверенность, которая была её чертой. - Ты - моя семья, Катя и семьи не бросают в беде.

Они сидели так, молча, глядя на город. Закат уже начинал окрашивать небо в розовые и золотые тона, и где-то вдалеке слышался лёгкий гул - город, который жил, дышал, продолжал существовать, несмотря на войну.

Катя подумала о том, что когда-нибудь эта война закончится. Когда-нибудь она сможет поехать в Севастополь, обнять маму и отца, увидеть брата, который наконец-то вернётся домой. Она представляла этот момент -, как они собираются за большим столом, как мама накрывает на стол, как отец говорит тост, как Алексей смеётся и в этом видении было столько тепла, что казалось, будто оно уже происходит.

Она знала, что до этого дня ещё далеко. Что впереди будут новые испытания, новые боли, новые потери, но она также знала, что она готова к ним. Потому что она больше не одна.

У неё есть семья, есть друзья, есть тысячи людей, которые верят в неё и у неё есть её правда - та самая правда, которую она нашла, пройдя через боль и страх. Она будет продолжать строить свои мосты, соединяя сердца и судьбы. Она будет помнить, что единственное, что имеет значение в этом мире - это любовь, вера и способность быть честным, даже когда это больно.

Она взяла Ярину за руку и сказала тихо, почти шёпотом:

- Знаешь, что я поняла за этот год? Что правда - это не просто слова. Это поступки. Это выбор, который ты делаешь каждый день и я выбрала правду. Я выбрала честность. Я выбрала любовь и я не жалею ни о чём.

- Я знаю, - ответила Ярина, сжимая её руку. - И я горжусь тобой, Катя. Ты - самый сильный человек, которого я знаю.

Катя улыбнулась. Солнце закатывалось за горизонт, и небо окрашивалось в тёплые цвета - оранжевый, розовый, лиловый. Она чувствовала, как внутри неё разливается та тихая, спокойная уверенность, которая бывает только тогда, когда ты знаешь, что ты на правильном пути. Она закрыла глаза, вдохнула полной грудью и позволила себе просто жить. Жить в этом мгновении. Жить правдой. Жить свободой.

Потому что она - Бондаренко. А Бондаренко не сдаются. Они идут до конца, что бы ни случилось. Они строят мосты, соединяя сердца и судьбы, несмотря на все преграды и они помнят, что единственное, что имеет значение в этом мире

- любовь, вера и правда. Потому что это делает их людьми. Это делает их сильными. Это делает их свободными и они будут продолжать жить - потому что это их жизнь, их выбор, их путь и они будут идти по нему до самого конца, потому что они знают: они не одни. У них есть друзья, и это самое важное и это знание будет согревать их сердца всегда, в самые холодные ночи и самые тёмные времена. Потому что их любовь сильнее любых границ, сильнее любых войн и они будут стоять, как мост, который они построили вместе, несмотря на все бури и штормы. Они будут защищать свою правду, сколько бы времени это ни заняло, потому что она - их и это единственное, что имеет значение.

### Часть 13. Правда

Киев, июль 2024 года.

Июль в Киеве стоял знойный, душный, почти невыносимый. Воздух был плотным и тягучим, как подогретый глицерин, и даже в тени деревьев невозможно было укрыться от этого всепроникающего жара. Каштаны на бульваре Шевченко стояли с поникшими листьями, которые свернулись в трубочки, спасаясь от палящего солнца, и только плакучие ивы у Днепра сохраняли свою свежесть, опуская свои ветви в воду, словно длинные зелёные косы. Небо было высоким, ослепительно голубым, без единого облачка, и солнце казалось огромным белым диском, который застыл над городом, не собираясь уступать вечеру. На асфальте дрожал горячий воздух, создавая миражи, в которых очертания до-

мовплыли и искривлялись, словно в кривом зеркале. Даже птицы замолкли, попрятавшись в кроны деревьев, и только цикады вели свою бесконечную, монотонную песню, которая сливалась с гулом кондиционеров, включённых на полную мощность.

Катя сидела в своей квартире на Оболони, и хотя окна были раскрыты настежь, воздух внутри казался спёртым, неподвижным. Старый кондиционер, который она купила несколько лет назад на распродаже, гудел, как больной шмель, выплёвывая струи слегка прохладного воздуха, которые тут же смешивались с общей духотой и исчезали. Она сидела на кухне, на том самом месте, где год назад принимала решение написать статью, где писала её ночами, почти не смыкая глаз, где читала письма от мамы и отца, где плакала от страха и радости. Теперь здесь всё было по-другому и внутри неё всё было по-другому.

Перед ней на столе лежало письмо. Конверт был простым, белым, без каких-либо украшений, с обратным адресом из Харькова. Она уже перечитала его раз десять, но всё равно не могла оторвать взгляда от этих строчек, от этого неровного, почти детского почерка, в котором чувствовалось волнение, страх и одновременно огромная смелость. Она помнила, как нашла письмо утром - когда спустилась за свежим хлебом в магазин на первом этаже. В почтовом ящике, среди рекламных листовок и квитанций за коммунальные услуги, он лежал, словно маленькое сокровище. Она взяла его,

чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Она узнала конверт - такие продают в обычных канцелярских отделах, недорогие, с тонкой бумагой, но для неё он был дороже золота. Она поднялась на восьмой этаж, чувствуя, как дрожат руки, и, войдя в квартиру, сразу же села за стол, даже не сняв обувь, и вскрыла конверт.

Она помнила это чувство., как вскрывала его дрожащими пальцами, как боялась, что внутри окажутся очередные угрозы, очередные оскорбления, очередная волна ненависти, но вместо этого она нашла слова, которые заставили её плакать.

Она снова развернула письмо и медленно, вдумчиво, почти благоговейно прочитала его. В голосе у неё внутри звучали те же слова, но теперь они отдавались эхом, проникая в самые глубины её души:

*«Катя, здравствуйте!*

*Меня зовут Анастасия, мне 24 года, я живу в Харькове. Я пишу вам это письмо, потому что я хочу сказать вам спасибо. Я прочитала вашу статью "Как я врала" несколько месяцев назад. Я наткнулась на неё случайно, в интернете, когда искала информацию о волонтерских центрах. Я хотела записаться в волонтеры, потому что чувствовала, что должна что-то делать, что не могу больше сидеть дома и смотреть, как мир рушится и я наткнулась на неё случайно. Наверное, это была судьба.*

*Я начала читать, и сначала я хотела закрыть её. Мне*

казалось, что я знаю, о чём там написано, что я уже всё это слышала, что это очередная манипуляция. Я раздражённо листала дальше, но что-то заставило меня остановиться. Я не могла оторваться от слов. Каждое предложение было, как удар. Вы писали не о политике, а о себе. О своей боли. О своём стыде. О своей борьбе и я увидела себя. Я увидела свою собственную жизнь.

Я хочу рассказать вам о себе. Я выросла в Харькове, в семье, где на ужин обсуждали только политику. Мой отец - инженер, он всегда был пророссийским. Он говорил, что Украина - это искусственное образование, что русские и украинцы - один народ, и что всё, что происходит, - это происки Запада. Моя мать - учительница, она всегда поддерживала его. Я росла в этой атмосфере, я впитывала эти слова с молоком матери. Я никогда не задумывалась о том, что они могут быть неправдой. Мне казалось, что это так же очевидно, как то, что небо голубое, а трава зелёная.

Когда началась война в 2014 году, мне было 14 лет. Я была подростком. Я не понимала, что происходит, но я знала одно - "они" были врагами. "Они" - это те, кто на Донбассе. Те, кто поднял оружие против Киева. Я смотрела новости, я слышала, как мой отец говорит о "карательной операции", о "террористах", о "предателях" и я начала ненавидеть. Я ненавидела их так, как может ненавидеть только подросток - горячо, бездумно, слепо. Я писала в социальных сетях посты, полные ненависти, я мечтала, чтобы их всех

*уничтожили, я считала себя патриоткой.*

*А потом я поступила в университет, я начала изучать историю, я начала читать книги, я начала видеть мир не через призму новостей, а через призму знаний. Мне стало стыдно. Мне стало стыдно за те посты, которые я писала, за те слова, которые я говорила, за ту ненависть, которую я носила в своём сердце, но я не знала, как остановиться., как перестать ненавидеть., как сказать себе: "Ты была права".*

*И тут я прочитала вашу статью. Я читала её несколько раз. Я плакала, когда читала её. Потому что вы написали то, что я чувствовала, но не могла сказать. Вы написали о том, как легко потерять себя, как трудно признать ошибку, как больно возвращаться к правде. Вы написали о том, что вы тоже вдали. Что вы тоже были частью этой системы. Что вы тоже ненавидели и что вы нашли в себе силы измениться.*

*Я решила измениться тоже. Я перестала ненавидеть. Я начала искать правду. Я начала читать разные источники, а не только те, которые были удобны моему отцу. Я начала разговаривать с людьми, которые жили по ту сторону. Я начала видеть в них людей, а не врагов и знаете, что я поняла? Что мы все одинаковые. Что все хотят мира, все хотят жить, все хотят любить. Мы просто не знаем, как это сделать. Мы просто не знаем, как остановить эту войну.*

*Спасибо вам, Катя, за вашу правду. Спасибо за то, что вы решились рассказать её, несмотря на угрозы и ненависть. Вы - мой пример. Вы показали мне, что можно измениться. Что можно остановиться и сказать: "Я была неправа".*

*Я надеюсь, что однажды, когда эта война закончится, мы сможем встретиться. Я хочу посмотреть вам в глаза и сказать: "Спасибо". Я хочу пожать вашу руку. Я хочу знать, что вы существуете на самом деле, а не только в моём воображении.*

*С уважением и любовью, Анастасия.*

*P.S. Я записалась в волонтеры. Я помогаю детям, которые потеряли родителей. Я надеюсь, что вы гордитесь мной так же, как я горжусь вами».*

Катя дочитала письмо до конца и положила его на стол. Её руки дрожали. По щекам текли слёзы, и она не пыталась их сдерживать. Она дала себе право плакать, дала себе право чувствовать эту боль и эту радость одновременно. Это было письмо, которое она ждала всю свою жизнь, сама того не зная. Это было письмо, которое подтверждало, что всё, что она сделала, - не зря. Каждая бессонная ночь, каждое написанное слово, каждый страх, который она преодолела, - всё это имело смысл. Оно было воплощено в этом листе бумаги, в этом неровном почерке, в этой исповеди незнакомой девушки.

Она взяла письмо в руки и поднесла его к губам. Она

чувствовала запах бумаги, немного пыльный, немного сладкий, словно письмо хранили в старом шкафу. Она провела пальцем по строчкам, чувствуя выпуклости букв, которые продавила ручка Анастасии. Это была живая связь. Мост между двумя женщинами, которые никогда не видели друг друга, но были связаны одной правдой.

Она встала из-за стола и подошла к окну. За ним простирался Киев - знойный, уставший, но живой. Где-то внизу лаяла собака, проехала машина с открытыми окнами, из которой доносилась музыка, вдалеке слышались голоса детей, играющих во дворе. Город жил своей жизнью, несмотря на всё и Катя чувствовала, что она тоже живёт. Не выживает, не существует, а именно живёт - полноценно, глубоко, осознанно.

Она подумала о том, как много произошло за этот год. Целый год с момента публикации статьи. Год, который изменил её до неузнаваемости. Она вспомнила первые дни, когда она боялась открывать почту, когда каждое новое сообщение могло быть угрозой. Она вспомнила те ночи, когда она не спала, проверяя замки и вздрагивая от каждого шороха. Она вспомнила отказы редакций, холодные письма с вежливыми "к сожалению". Она вспомнила, как решилась опубликовать статью сама, как дрожали её руки, когда она нажимала кнопку "Отправить". Она вспомнила, как её канал заполнили комментарии - и поддержка, и ненависть. Она вспомнила разговор с редактором Степановым, который из-

винуясь за свою трусость. Она вспомнила письма от мамы, которые согревали её в самые холодные ночи. Она вспомнила голос брата в телефонной трубке, его усталую, но тёплую улыбку. Она вспомнила, как Ярина молча сидела рядом в самые трудные моменты, просто держа её за руку.

И теперь - это письмо. Это письмо от Анастасии, которая стала её сестрой по духу, её союзником в борьбе за правду. Катя поняла, что это и есть та самая правда, которую она искала. Не та правда, которая делит мир на чёрное и белое, на "своих" и "чужих", на врагов и друзей. А та правда, которая соединяет. Которая показывает, что даже в самой глубокой тьме есть свет. Что даже после самой долгой зимы приходит весна. Что даже из самой горькой ошибки можно вынести мудрость. Что люди могут меняться. Что прощение возможно. Что любовь сильнее ненависти.

Она села за ноутбук. Ей нужно было ответить Анастасии. Она не могла оставить это письмо без ответа. Она должна была сказать ей всё, что чувствует. Она открыла новый документ и начала печатать:

*«Анастасия, здравствуйте!*

*Я только что перечитала ваше письмо в десятый раз. Мои руки дрожат, и у меня слёзы на глазах. Я не знаю, с чего начать, потому что ваше письмо - это самое важное письмо, которое я получила за весь этот год. Самое важное письмо в моей жизни.*

*Вы даже не представляете, что значат для меня ваши*

слова. Вы написали, что моя статья изменила вашу жизнь, но я хочу сказать вам, что ваше письмо изменило мою. Оно напомнило мне о том, почему я начала этот путь. Почему я решилась сказать правду, даже когда было страшно. Почему я продолжаю говорить её, даже когда мне угрожают. Потому что есть такие люди, как вы. Люди, которые готовы меняться, готовы видеть, готовы строить мосты и ради вас, ради таких, как вы, стоит жить. Стоит бороться. Стоит рисковать.

Я тоже когда-то была слепая. Я тоже была частью той машины, которая разрушала жизни. Я тоже повторяла чужие слова, не задумываясь об их значении и я знаю, как трудно выйти из этого состояния., как больно признаваться в ошибках., как страшно смотреть на себя со стороны, но вы сделали это. Вы перестали ненавидеть. Вы начали понимать. Вы начали видеть в людях людей, а не врагов и это - самое важное, что вы могли сделать. Не только для других, но и для себя.

Я верю, что однажды эта война закончится. Я верю, что когда-нибудь мы все сможем жить в мире, где правда будет важнее лжи, а любовь - важнее ненависти и я верю, что вы, Анастасия, будете частью этого мира. Вы уже сейчас - часть его. Потому что вы выбрали правду. Потому что вы выбрали любовь. Потому что вы выбрали жизнь.

Вы пишете, что записались в волонтеры. Это удивительно. Я не знаю, что сказать, кроме одного: вы - герой. Вы -

*герой не потому, что вы делаете что-то великое, а потому что вы делаете что-то доброе. Вы помогаете детям, которые потеряли родителей. Вы даёте им надежду. Вы даёте им любовь и это - самое важное, что можно сделать в этом мире.*

*Я горжусь вами, Анастасия. Я горжусь вами так же, как вы гордитесь мной. Потому что мы с вами - одно. Мы - те, кто выбрал правду и мы будем строить мосты, несмотря на все преграды.*

*Я буду хранить ваше письмо в своей шкатулке рядом с письмами от моей мамы, моего папы, моего брата. Оно будет там, как напоминание о том, что я делаю всё правильно., как напоминание о том, что я не одна., как напоминание о том, что правда существует, и она всегда побеждает.*

*До встречи, Анастасия. Я тоже верю, что однажды мы встретимся и я пожму вам руку. Я обниму вас. Я скажу вам "спасибо" в ответ.*

*С любовью и верой, Катя».*

Она перечитала свой ответ несколько раз. Она редактировала его, убирала лишние слова, добавляла новые, пока не почувствовала, что он идеален. Что в нём есть всё, что она хотела сказать. Она отправила письмо и закрыла ноутбук.

За окном уже начинало смеркаться. Солнце опускалось за горизонт, окрашивая небо в тёплые розовые и оранжевые тона. Лёгкий ветерок ворвался в окно, принося прохладу после долгого знойного дня. Катя чувствовала, как внут-

ри неё разливается тихое, спокойное счастье. Счастье, которое не зависит от внешних обстоятельств. Счастье, которое рождается изнутри.

Она вышла на балкон и посмотрела на город. Киев лежал перед ней - вечерний, тёплый, живой. Огни зажигались в окнах, и город казался огромным светящимся организмом, который дышал, пульсировал, существовал. Где-то вдалеке слышался гул машин, где-то смеялись люди, где-то играла музыка. Жизнь продолжалась.

Катя подумала о том, что её путь только начинается. Что она будет писать новые статьи, встречаться с новыми людьми, строить новые мосты. Что она будет говорить правду, даже если это будет трудно. Что она будет защищать свою правду, как самое дорогое сокровище.

Она вспомнила слова отца: «Правда -, как мост. Её можно бомбить, но она всё равно стоит» и теперь она знала, что это действительно так. Её мост стоял. Он стоял прочно, несокрушимо, несмотря на все попытки его разрушить и этот мост соединял её с Анастасией, с тысячами других людей, которые прочитали её статью и изменили свою жизнь и этот мост будет стоять вечно, потому что он построен на правде.

Она зашла в комнату и подошла к старой шкатулке, которая стояла на полке. Она открыла её и посмотрела на содержимое: письма от мамы, от папы, от Алексея, от Ярины, и теперь - письмо от Анастасии. Каждое из них было маленьким чудом. Каждое из них было частью её истории. Она

закрывает шкатулку и прошептала:

- Вот ради чего я живу. Ради этого. Ради того, чтобы правда побеждала ложь, хотя бы в одном сердце. Ради того, чтобы мосты соединяли людей, разделённых войной. Ради того, чтобы любовь была сильнее ненависти.

Она села на диван, взяла книгу, которую давно хотела прочитать, и открыла её на первой странице, но она не читала. Она просто сидела, чувствуя тишину и покой, которые поселились в её душе. Она знала, что завтра будет новый день. Новый день, полный вызовов и возможностей и она была готова к нему. Потому что она - Бондаренко и Бондаренко не сдаются. Они идут до конца, что бы ни случилось. Они строят мосты, соединяя сердца и судьбы, несмотря на все преграды и они помнят, что единственное, что имеет значение в этом мире - любовь, вера и правда. Потому что это делает их людьми. Это делает их сильными. Это делает их свободными.

И она будет продолжать жить. Она будет продолжать писать. Она будет продолжать строить. Потому что это её жизнь. Её выбор. Её путь и она пройдёт его до самого конца, держа в руках ту самую правду, которую она нашла, пройдя через боль и страх. Потому что она знает: она не одна. У неё есть Ярина, есть мама, есть папа, есть Алексей, есть Анастасия, есть тысячи людей, которые верят в неё и это - самое важное. Это - её мост. Её правда. Её жизнь.

## Глава 29. Беспилотники

### Часть 1. Новая угроза

*Донецк, октябрь 2021 года.*

Осень 2021 года вошла в историю конфликта, как время, когда сама природа войны претерпела мучительную и стремительную метаморфозу. Линия фронта, еще недавно представлявшая собой привычную дуэль артиллерийских батарей и пехотных стычек, вдруг обрела третье измерение - вертикальное, небесное, почти мистическое. Украинская армия, получившая негласную поддержку со стороны западных партнеров, начала массированное и демонстративное применение ударных беспилотных летательных аппаратов «Байрактар ТБ2» турецкого производства. То, что поначалу воспринималось ополченцами, как слухи или единичные провокационные вылеты, к середине октября превратилось в систематический кошмар, перевернувший все предыдущие тактические выкладки.

Эти летательные аппараты, несмотря на свои скромные размеры, казались воплощением технологического превосходства. С размахом крыльев чуть более двенадцати метров и длиной фюзеляжа в шесть, они напоминали хищных доисторических птиц, парящих в термальных потоках. Их главным оружием была даже не подвешиваемая высокоточная бомба МАМ-L, а способность к невероятно долгому барражированию. Оснащенные современными оптоэлектронными станциями с лазерными дальномерами и тепловизорами,

«Байрактары» могли зависать на высоте от четырех до семи километров в течение двадцати семи часов кряду, превращая каждый квадратный метр позиций в прозрачную картинку для оператора, сидящего за сотни километров в уютном контейнере управления. Они были почти бесшумны для наземного наблюдателя - лишь едва уловимый, нарастающий гул, похожий на жужжание гигантского шершня, который затихал так же внезапно, как и начинался, создавая жуткое ощущение неотвратимости приговора.

Алексей Бондарь впервые лицом к лицу столкнулся с этой новой угрозой в середине месяца, во время несения обычного дежурства на передовом наблюдательном пункте, оборудованном в полуразрушенном здании бывшей сельской школы. День выдался серым, промозглым, с низкой облачностью, которая, казалось, давила на плечи. Он, как раз проверял состояние окопов и маскировочных сетей, когда услышал этот странный, вибрирующий звук. Сначала он принял его за гул далекого генератора или гудение проводов под ветром, но звук нарастал, становясь более плотным и механическим. Подняв голову, Алексей заметил темную, стреловидную точку, которая двигалась по сложной траектории, словно вырисовывая невидимые восьмерки в пасмурном небе.

В этот момент он ощутил ледяной холод, не имеющий ничего общего с погодой. Это был животный, инстинктивный страх жертвы, которую сканируют хищником. Дрон не просто летел - он высматривал. Алексей замер, почти пе-

рестав дышать, понимая, что любое резкое движение, блик от стекла бинокля или тепловой след от неостывшего двигателя могут стать фатальной наводкой. Через несколько томительных секунд, показавшихся вечностью, высоко в небе раздался характерный металлический лязг - звук сброса боеприпаса. Пронзительный свист падающей бомбы смешался с утробным гулом дрона, а затем оглушительный взрыв сотряс землю метрах в ста от их расположения, там, где находился старый, давно заброшенный склад. Земля вздрогнула, как живое существо, воздух наполнился градом осколков кирпича, пыли и едкого дыма с химическим привкусом сгоревшей взрывчатки. К счастью, этот удар пришелся в пустующее строение, но Алексей отчетливо понял главное: время «окопной войны» в ее привычном понимании ушло в прошлое. Теперь любой выход на поверхность, любое передвижение днем, любое включение печи или радиостанции могли стать последним в жизни.

Когда Алексей, стараясь двигаться перебежками и прячась в складках местности, вернулся в глубокий, надежно перекрытый бревнами блиндаж, он увидел Витьку. Тот уже был в курсе новостей, полученных по радиации от соседнего взвода. Витька сидел на перевернутом артиллерийском ящике из-под снарядов, на котором вместо крышки лежал кусок брезента. В руках он машинально крутил старую, потертую бензиновую зажигалку «Зиппо», которую нашел еще в прошлом году на руинах магазина. Пламя единственной свечи,

воткнутой в горлышко пустой бутылки, бросало на его лицо глубокие, танцующие тени. Его скулы заострились от постоянного недосыпа, под глазами залегли темные круги, но в самом взгляде - том самом, который сочетал в себе усталую обреченность и стальную волю - читалась привычная готовность принять новый вызов.

Витька поднял глаза на вошедшего Алексея и, не дожидаясь вопроса, заговорил тем особенным, чуть хрипловатым голосом, который пробивал даже шум бомбежки:

- Слышал уже, Бондарь? Слышал, что эти птички теперь вытворяют? - он кивнул куда-то в потолок, словно указывая на небо. - Говорят, турки поставили их контрактным батальонам в промышленных масштабах. Не просто разведка, а самый настоящий воздушный спецназ. Они теперь охотятся на наши «Грады» и «Акации», как волки на овец. Высматривают колонны, засекают радиоэфир... Я слышал, как Седой с той стороны рассказывал: они могут бить по движущейся цели с точностью до полуметра. Это вам не минометный налет «на глазок», это хирургия, блин. От такого не спрятаться за бруствером.

- Слышал, - ответил Алексей, снимая с плеча автомат и прислоняя его к стойке блиндажа, выложенной влажным каштаном. Голос его звучал сдержанно, но в этой сдержанности чувствовалась та особая, вязкая настороженность, которая появлялась у него в минуты самой высокой опасности. - Это не просто техника, Витька. Это смена эпох. Они могут

зависнуть над нами на высоте, где их почти не видно и не слышно, пока у них не кончится топливо. У них оптика, которая видит наш вдох в тепловом спектре. По сути, они вынуждают нас выбирать: либо мы сидим в этих норах и мокнем от сырости, не высовывая носа, либо рискуем, вылезая за водой или в туалет, и тогда нас находят. Это совсем другая психологическая война. Нам придется учиться выживать заново, забыв все старые привычки.

Витька отложил зажигалку и прикурил дешевую сигарету, выпуская струю дыма в низкий потолок. В его голосе послышалась та искренняя, почти детская растерянность, которую он позволял себе только перед самым близким другом:

- И что же нам делать, Бондарь? Рацию теперь включать страшно - пеленгуют. Плитку газовую разжигать - тепловики увидят. Мы в этой землянке, как в мышеловке сидим. Нужно что-то менять, придумывать, как сбивать эту дрянь. Слышал, что где-то пытаются старые «Шилки» приспособить, но их же сразу же накрывают, как только те включают локатор.

- Начинать надо с малого, - твердо сказал Алексей, и в его голосе прозвучала та железобетонная уверенность бывшего инженера, которая всегда внушала Витьке спокойствие. - Первое - маскировка. Максимальная. Мы пересмотрим все сетки, они у нас с большими дырами. Нужно набросать поверх брустверов еще и свежий бурьян, и старую ржавую жесть, чтобы сбить геометрию. Второе - режим тишины. Наземную связь только по кабелю, без радио. Третье - лож-

ные цели. Сделаем из старых бочек и труб макеты пушек и оставим их на старых позициях, пусть расходуют свои дорогие бомбы на железо. Четвертое - не двигаться по открытому полю. Только в сумерках, только по балкам, только под прикрытием деревьев. Мы должны стать невидимыми, Витька. Если они нас не увидят - они не смогут в нас попасть. А если выдастся шанс, и этот дрон снизится или зайдет на маневр, мы попробуем отработать из крупнокалиберного, но это крайний случай. Главное - пережить эту фазу, адаптироваться.

Витька глубоко затянулся, слушая Алексея. Слова друга ложились на сердце тяжелым, но целебным бальзамом. Они не давали панике сжать горло. Он чувствовал, как привычный боевой азарт, смешанный с отчаянием, снова начинает согревать грудь. Он посмотрел на огонек свечи, который дрогнул от сквозняка, и сказал с той теплой, чуть хрипловатой уверенностью, на которую был способен только он:

- Ты прав, Бондарь. Бондаренко не сдаются, - он усмехнулся, повторив старую шутку их роты. - Мы пройдем и через это. Мы научимся прятаться так, что они будут летать над пустым местом. Мы придумаем, как их обманывать. Если надо будет - будем жить под землей, как кроты, но выживем. Мы же с тобой через такое уже проходили, когда артиллерия нас накрывала по шестнадцать часов кряду. Это просто новый звук, новый враг. Мы перехитрим его. Мы идем до конца, что бы там ни летало над нашими головами.

Повисла глубокая, тяжелая тишина, нарушаемая лишь мерным гулом осветительной ракеты, прошедшей где-то за бруствером, да каплями воды, стекающими с влажных досок потолка. Они оба смотрели на пламя свечи, которое отбрасывало длинные тени на грубо сколоченные стены. В этом огне, как в зеркале, отражалась их общая судьба: смесь невероятной усталости и столь же невероятной внутренней силы.

Они молчали, но в этом молчании было больше взаимопонимания, чем в самых длинных речах. Витька знал, что Алексей будет ночью чертить схемы новых укрытий, а утром поднимет взвод на перекапывание траншей. Алексей знал, что Витька найдет способ раздобыть пару старых маскировочных халатов «Леший» у тыловиков и организует наблюдение за воздухом, расставив часовых с биноклями в несколько ярусов.

Они чувствовали, что впереди их ждет самое суровое испытание - испытание невидимостью и терпением, но они также знали, что дух их невозможно сканировать ни одним тепловизором, а веру в свою правоту не способен сбить ни один беспилотник. Они будут продолжать защищать эту израненную, истерзанную землю, свои дома, которые остались за спиной, и свои семьи, чьи фотографии были спрятаны в карманах грязных разгрузок.

Они будут верить, что даже в этом небе, где теперь хозяйничают машины, остается место для человеческой стойкости и они будут ждать того дня, когда звук винтов утих-

нет, сменившись тишиной мирного неба, чтобы снова увидеть в нем только облака и солнце, а не смертоносные силуэты «Байрактаров». Это знание что они не одни, что они плечом к плечу, что их дружба крепче стали и кевлара - согревало их в промозглых блиндажах сильнее любой печки-буржуйки. Они знали: пока они вместе, эта новая угроза останется лишь очередной страницей их общей военной истории, которую они обязательно перелистнут. Ведь они - Бондаренко, и их мост, выстроенный из доверия и крови, не разрушить ни одной управляемой бомбой.

Часть 2. Потери

*Донецк, ноябрь 2021 года.*

Ноябрь пришел на донецкую землю не с привычной слякотью и туманами, а с ледяным, пронизывающим ветром, который гулял по выжженным полям и завывал в рваных коробках разрушенных домов, но настоящий холод в души бойцов принесли не погодные фронты, а новости с передовой. Война, уже успевшая ожесточить сердца, сделала новый жестокий виток. Ударные беспилотники «Байрактар», которые до этого казались скорее раздражающей, но далекой угрозой, нанесли свой первый массированный и сокрушительный удар по позициям ополченцев, превратив тактическую реальность в кровавый кошмар.

Атака произошла на рассвете, в тот час, когда усталость после бессонной ночи достигает пика, а концентрация внимания неизбежно притупляется. Два дрона, двигаясь син-

хронно, словно звено хищных стервятников, появились из-за гряды облаков практически бесшумно. Позже, разбирая по минутам этот ад, выжившие рассказывали, что сначала никто не понял, что происходит. Вспышки на земле были похожи на короткие замыкания в проводах, но каждый такой «разряд» уносил человеческую жизнь. Удары приходились точно по блиндажам, где бойцы ещё пытались погреться после холодной ночи. Одна из мин МАМ-L, оснащенная тандемной боевой частью, пробила двухметровое перекрытие из шпал и земли, превратив внутреннее пространство в пекло. Вторая нашла свою цель в считанные секунды, когда группа бойцов попыталась выбежать из зоны поражения в укрытие.

Жертвами этого роя в небе стали двое. Сергей и Дмитрий. Алексей знал их обоих лично, не шапочно, как сослуживцев, а по-настоящему - по тем долгим часам ожидания, по разделенным пайкам, по редким, но честным разговорам в темноте блиндажа, когда за стенами рвутся снаряды, а внутри звучит человеческий шепот.

Сергей, двадцатидвухлетний парень из Макеевки, был тем, кого в роте ласково называли «Баяном». Низкорослый, коренастый, с вечно торчащими рыжими вихрами из-под каски, он обладал удивительным даром сохранять улыбку даже тогда, когда вокруг рушился мир. Сергей мог найти теплое слово для любого, даже для самого хмурого старослужащего. В его рюкзаке всегда лежала потрепанная гитар-

ная струна, которой он изредка брэнчал на консервной банке, наводя тоску о доме. Он часто рассказывал о своей матери-медсестре и младшей сестренке, оставшихся в оккупированном городе, и каждый раз, когда в небе появлялся вражеский дрон, он шептал: «Только бы они там в тылу не знали, как здесь страшно. Только бы спокойно спали». Алексей помнил, как Сергей в последний раз перед той роковой сменой делился шоколадкой, которую прислала ему мать с оказией. Он отломил половину Алексею и сказал с той своей мальчишеской улыбкой: «Держи, Бондарь. Скоро Победа, будем пить чай с этим шоколадом уже дома». Теперь шоколад остался лежать в кармане его грязной куртки, а дома его будут ждать до бесконечности.

Дмитрий был совершенно другой породы. Высокий, угловатый, с пронзительными серыми глазами и тяжелым взглядом, он приехал добровольцем из далекой российской провинции, оставив за плечами не только семью и работу сварщика, но и уютную, спокойную жизнь. Он никому не рассказывал о мотивах, лишь однажды, за бутылкой мутного самогона, бросил фразу: «Не могу сидеть и смотреть, как здесь режут людей, а я буду в тепле. Это против моей крови». Дмитрий был молчуном, но его действия говорили громче любых слов. На позиции он всегда поднимался первым, всегда страховал в самый опасный момент, и его хладнокровие передавалось новобранцам. Он не боялся смерти, но безумно дорожил жизнью своих товарищей. В его личном сейфе -

старом ящике из-под патронов - хранилась фотография женщины с длинными волосами и пожелтевшая записка от сына с рисунком танка. Он погиб, прикрывая собой раненого сослуживца, когда второй «Байрактар» начал заходить на второй круг. Его тело нашли в метре от спасительного окопа - он успел толкнуть товарища вперед, но сам не дополз.

Известие о гибели Сергея и Дмитрия разнеслось по линии обороны, словно удар током. В тот вечер в подразделении стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь приглушенным матом и звуком лопат - кто-то нервно копал мерзлую землю, пытаясь заглушить боль тяжелой физической работой. Похороны прошли на небольшом пятачке за бывшим фермерским хозяйством, где уже красовались десятки свежих могил, стиснутых между обгоревшими стволами яблонь. Священника не было, и слова прощания говорили товарищи - сбивчиво, с комом в горле, через силу.

Алексей стоял в первых рядах, вцепившись побелевшими пальцами в ремень автомата. Ветер трепал короткое пламя поминальных свечей, вставленных в жестяные банки. На свежие холмики земли, еще пахнущей сыростью и перегноем, были брошены последние осенние астры, привезенные из города. Глядя на два ряда венков из искусственных цветов, которые ярко и ненатурально смотрелись на фоне серой, безжизненной степи, Алексей чувствовал, как внутри него закипает тяжелая, вязкая ярость, смешанная с ледяным отчаянием. Перед глазами проносились лица погибших: улыб-

ка Сергея и суровая решимость Дмитрия. Мысль пульсировала в висках с каждым ударом сердца: *«Сколько еще? Сколько еще смертей мы должны увидеть, прежде чем этот проклятый колесо истории повернется? Сколько еще таких же, как эти ребята, будут превращены в мясо этими бесшумными железками, управляемыми человеком, сидящим за сотни километров в чистом кресле?»* Гнев мешался с чувством собственного бессилия, и это было самым мучительным.

Витька стоял рядом, плотно сжав челюсти так, что на скулах ходили желваки. Его лицо застыло, как каменная маска, но глаза, пустые и остекленевшие, выдавали ту страшную внутреннюю работу, которая происходила в его душе. Он смотрел на выстроившиеся в ряд могилы, и в каждой из них ему чудилась возможность, которую он не смог предотвратить. Он привык к потерям, как привыкают к холоду, но эта привычка не делала боль слабее. Его молчание было тяжелым и гнетущим; оно кричало громче любых причитаний.

Когда последние слова прощания стихли, когда салют из автоматных очередей расколол тягучий воздух, а люди, понутив головы, начали медленно расходиться по позициям, Алексей повернулся к Витьке. Он взял его за локоть, заставив остановиться. В голосе Алексея звучала та особая, жесткая сталь, которая появлялась в самые критические моменты - смесь личной боли и непреодолимой воли к сопротивлению:

- Мы не можем это так оставить, Витька. Слышишь меня? Мы не можем просто отсидеться в грязи и ждать, пока эта напасть перебьет нас по одному. Мы сидим в этих норах, как кролики в загоне, а они сверху просто проводят селекцию. Каждый из этих «Байрактаров» - это приговор, который они выносят нам без суда. Мы должны сломать эту систему. Найти их слабое место. Мы не можем позволить им убивать наших товарищей и оставаться безнаказанными. Это вопрос не только тактики. Это вопрос нашего выживания, как людей, как боевой единицы.

Витька медленно поднял глаза на Алексея. Губы его дернулись в горькой усмешке, но в голосе сквозила та усталая, обреченная правда, от которой веяло безнадежностью:

- А что мы можем, Бондарь? Ты видел, что там происходит? - он махнул рукой в сторону неба, где уже начинали сгущаться сумерки. - У нас в арсенале - ржавые «калаши» да пара пулеметов «Утёс», которые разваливаются на ходу. У нас нет «Оса-АКМ», нет «Игл», нет даже нормальных крупнокалиберных с оптическими прицелами, чтобы достать эту тварь. У них высота -, как до Луны. Чем мы в нее стрелять будем? Патронами 5.45? Да она нас даже не слышит, она наш тепловой след видит через эту грязь. Мы против машин -, как голый против танка.

- Значит, будем учиться воевать не по правилам, - ответил Алексей, и в его голосе прорезалась та инженерная, хладнокровная расчетливость, которая не раз спасала их груп-

пу. - У нас нет ракет, но у нас есть мозги и время. Во-первых, радикальная маскировка. Мы перекроем все тепловые сигнатуры: печи будем топить только глубоко под землей, дымы отводить через длинные траншеи, костры жечь в железных бочках, накрытых сетью. Личный состав - ходить только по ночам. Во-вторых, дезинформация. Мы настроим ложные радиоточки, запустим пустые грузовики с муляжами по маршрутам, чтобы они тратили на них свой боекомплект. В-третьих, - Алексей понизил голос почти до шепота, - мы попытаемся сбить их на низкой высоте. Я изучил их тактику: при заходе на цель они теряют высоту. Если мы рассредоточимся по секторам и установим несколько пулеметов ДШК с бронебойно-зажигательными патронами, если мы заманим их в огневой мешок над нашими ложными позициями... может, у нас получится. Риск огромный, но у нас нет выбора. Мы должны адаптироваться или умереть, Витька.

Витька слушал, и по мере того, как слова Алексея проникали в самую глубину его сознания, пелена безысходности в его глазах начинала таять. Он снова почувствовал тот яростный огонь, который толкнул его на войну. Он видел, как друг перебирает в уме варианты, как ищет уязвимости в современной стали, и эта готовность бороться передалась и ему. Он сжал кулаки так, что костяшки побелели, и сказал с той хриплой, идущей из самого нутра уверенностью, которая делала его незаменимым в бою:

- Ты прав, Бондарь. Черт возьми, ты прав. Мы не просто

мясо для их прицелов. Мы - люди. Мы - Бондаренко. Мы научимся их обманывать. Мы выкопаем подземные ходы, если надо. Мы заставим их истратить все ракеты на старые тракторы и кучи мусора. А когда они снизятся, уставшие и наглые, мы попробуем их достать. Мы должны попробовать. Ради Сергея, ради Димы, ради всех, кто уже под землей. Мы не сдадимся. Мы идем до конца, что бы там ни летало.

Алексей молча положил тяжелую руку на плечо друга. В этом жесте, в этом крепком, мужском рукопожатии было столько силы и братства, что любые вражеские технологии казались ничтожными. Они стояли в полутьме у свежих могил, глядя на мерцающие огни донецких окраин, и их сердца наполнялись той особенной, тихой уверенностью, которая не нуждается в громких словах. Они знали, что война - это постоянная эволюция смерти, но они также знали, что человеческий дух умеет эволюционировать еще быстрее.

Они будут продолжать бороться, адаптировать каждое правило, ломать каждый шаблон. Они будут защищать эти безликие холмы и руины, потому что за ними стояли их семьи, их прошлое и их будущее. Они будут верить, что справедливость, хоть и запоздалая, пробьется сквозь шум винтов и гул взрывов и они будут ждать того дня, когда война, наконец, выдохнется, и они смогут выйти из своих земляных укрытий, снять бронежилеты и просто вдохнуть чистый воздух без примеси гари.

Это знание что любовь к жизни сильнее страха смерти,

что дружба прочнее титана, из которого сделаны вражеские дроны - согривало их изнутри сильнее любого пламени. Они знали: пока они вместе, пока они готовы учиться, проигрывать, снова вставать и идти дальше, эта новая угроза останется лишь технической проблемой, которую они будут решать шаг за шагом. Бондаренко не сдаются - это стало не просто девизом, это стало их метаболизмом, их способом дышать в этом аду и они будут продолжать строить свои мосты через пропасти войны, соединяя сердца, судьбы и надежды, потому что это единственное, что делает их людьми, делает их свободными.

### Часть 3. Обучение

*Донецк, декабрь 2021 года.*

Декабрь опустился на донецкую землю тяжелым, свинцовым покрывалом. Снег, выпавший внезапно и обильно, преобразил израненный пейзаж: воронки от снарядов припорошило белой пудрой, обгоревшие остовы машин превратились в сугробы причудливой формы, а траншеи, еще вчера бывшие грязными канавами, стали белоснежными лабиринтами. Мороз, достигавший по ночам минус пятнадцати, сковывал дыхание, делал металл липким до пальцев и превращал обычную жизнь в постоянную борьбу за тепло. Однако именно в это время, когда природа, казалось, замерла в ожидании, в маленьком опорном пункте началось самое важное сражение - сражение за адаптацию, за переосмысление правил войны, за самую способность выживать.

Алексей Бондарь, человек, чья натура инженера и солдата сплелись в тугой узел, взял на себя роль наставника. Он понимал: новые угрозы требуют нового мышления. Нельзя во-евать с беспилотниками старыми методами, как нельзя тушить пожар бензином. Это была не просто тактика - это была философия выживания в мире, где небо перестало быть безопасным. Занятия, которые он проводил, стали для подразделения настоящей школой выживания. Он вбивал в головы бойцов главный постулат: знание - это такая же броня, как кевлар, а навык - это такой же боезапас, как патроны.

Обучение проходило в двух форматах. Теоретическая часть - в тесных, прокуренных блиндажах, где единственным источником света служили коптилки из гильз и свечи, а стены были увешаны самодельными плакатами. Практическая часть - на морозном воздухе, среди сугробов и заснеженных руин, где каждый вдох превращался в облако пара, а пальцы немели даже в брезентовых рукавицах.

Однажды, в середине декабря, Алексей собрал группу из десяти человек на небольшой расчищенной площадке возле разрушенного фермерского склада. Рядом лежали остатки разбитого БТРа, служившие наглядным пособием. Бойцы стояли полукругом, переминаясь с ноги на ногу, похлопывая себя по бокам, чтобы согреться. Их лица были красными от холода, изо ртов валил пар, но глаза горели сосредоточенностью. Все знали: Бондарь зря не соберет.

Алексей вышел вперед, держа в руках помятый, но хоро-

шо сохранившийся кусок фанеры, на котором углем был схематично нарисован силуэт «Байрактара ТБ2». Он воткнул щит в снег, повернулся к бойцам и начал говорить. Его голос, привыкший перекрывать гул взрывов, звучал отчетливо и твердо, каждое слово падало в тишину, как камень в воду.

- Запомните главное, братцы. Беспилотник - это не монстр из сказок. Это не демон, который появился из преисподней. Это машина, собранная на заводе из алюминия, пластика и микросхем и у всякой машины есть слабые места, - он ткнул пальцем в нарисованный силуэт. - Вот смотрите. Здесь, в носовой части, находится оптоэлектронная станция. Это ее глаза. Если вы повредите эту сферу - она ослепнет. Не сможет наводиться, не сможет сбрасывать бомбы с точностью. Она станет бесполезной. Здесь, - он провел пальцем к хвостовой части, - двигатель и воздушный винт. Если вы попадете в винт или в хвостовую балку, дрон потеряет управление и рухнет. Связь с оператором осуществляется через спутниковую антенну, которая находится здесь, на «горбе» фюзеляжа, но до нее трудно достать. Поэтому цельтесь в центр масс, в корпус. Там топливные баки и электроника. Удар в эту область может вызвать пожар или отказ системы.

, но, как мы попадем в нее с земли? - раздался голос из задних рядов. Молодой парень по прозвищу Хмурый, которому едва исполнилось девятнадцать, смотрел на Алексея с той смесью наивной веры и скепсиса, которая была свой-

ственно новичкам. - Она же высоко, Бондарь. Она, как птица. Я сколько ни стрелял по птицам из «калаша» - ни разу не попал. А эта еще и железная.

- Птицы не летают по баллистической траектории, Хмурый, - ответил Алексей, снимая с плеча свой автомат. - Птица машет крыльями, уворачивается. Дрон - нет. Он летит по расчетному курсу, особенно когда заходит на цель. Он вынужден снижаться и выходить на прямую, чтобы сбросить бомбу. Вот это - наш шанс. Смотрите, - он вскинул автомат и показал движение прицелом. - Я не стреляю туда, где он есть. Я стреляю туда, где он будет через секунду. Я вывожу ствол с упреждением. На сотню метров вверх, если цель на высоте четыреста метров, я беру поправку в два корпуса. Если он летит слева направо - я целюсь левее носовой части на два метра. Если снижается - я целюсь ниже. Это, как по уткам, только утки тут не живые, а наши враги.

Алексей перевел дух и продолжил, переходя от теории к практике:

- Второе. Маскировка. Забудьте про старые методы. Если раньше от артиллерии мы прятались в блиндажах, то от «Байрактара» мы должны прятаться от его взгляда. Днем - никаких движений по открытой местности. Только перебежками, от укрытия к укрытию. Используйте любой перепад рельефа: овраги, балки, кустарник. Даже тень от разрушенной стены может спасти вам жизнь. Ночью - светомаскировка. Никаких фонарей без светофильтров. Никаких открытых

печек. Если топите буржуйку - делайте дымовую трубу с рассеивателем, чтобы тепловой след расплывался. Тепловизор - это их главный глаз. Он видит разницу температур. Если вы горите, как свечка, даже под снегом, он вас заметит, но если вы сливаетесь с окружающей средой - вы становитесь невидимым.

Он показал на ворох рваных сетей, старых простыней и мешковины, которые лежали рядом:

- Вот это - наш новый бронезилет. Маскировочные костюмы. Мы сделаем их из подручных материалов. Нашейте на старые куртки куски белой ткани, лоскуты брезента, привяжите пучки соломы или травы. Вы должны перестать быть силуэтом человека. Вы должны стать комком снега, камнем, кустом. Относитесь к этому серьезно. Глупая смерть в этом бою - самая обидная смерть. Мы потеряли Сергея и Диму не потому, что они были плохими бойцами, а потому что мы не знали, как прятаться от новых глаз. Мы обязаны это исправить.

Группа зашевелилась. Бойцы начали подходить к вороху материалов, разбирать их, ощупывать. Кто-то хмыкнул, но большинство с серьезным видом начали прикидывать, как нашить заплаты на свои шапки и плечи. В воздухе повис запах сырой ткани и табака.

Алексей тем временем подозвал к себе Витьку и еще двух опытных сержантов. Он достал из кармана сложенный листок бумаги - результат нескольких бессонных ночей раз-

мышлений.

- Еще одна вещь, Витька. Ложные цели. Я вспомнил, как мы в институте на полигоне ставили тепловые ловушки для систем наведения. Нам нужно создать здесь, - он ткнул пальцем в карту, нарисованную от руки, - кучу муляжей. Берем старые железные бочки, наполняем их мусором и мокрым песком, сверху накрываем тряпками и включаем маленькие керосиновые лампы или ставим зажженные свечи под жестяной крышкой. Они дадут тепловой контраст. Мы расставим такие ложные точки в ста метрах от наших настоящих позиций. Дрон увидит пятно тепла, сбросит на него бомбу, а мы будем целы. Это, как отвлекающий маневр. Мы заставим их тратить свои дорогие боеприпасы на мусор.

- А если не сработает? - спросил один из сержантов, поправляя шапку.

- Сработает, - твердо ответил Алексей. - Это не магия, это физика. Тепловая сигнатура бочки с лампой почти неотличима от сигнатуры работающей радиостанции или спящего в машине человека для их оптики. Они не видят наших глаз, они видят только точки на экране. Мы обманем эту систему.

После полудня началась практическая стрельба. Алексей организовал импровизированный тир: на длинной проволоке он подвесил старый, проржавевший канистровый бак, нарисовав на нем черной краской силуэт дрона. Один из бойцов раскачивал эту конструкцию, имитируя движение беспилотника на разных скоростях. Остальные, расположив-

шлись в траншее, должны были попасть в цель. Сначала было много промахов. Пули уходили в снег, в стену, в небо. Кто-то нервничал, кто-то спешил, но Алексей был терпелив. Он подходил к каждому, поправлял приклад, показывал, как держать ствол, как дышать между выстрелами.

- Не жми на спуск! - кричал он через плечо молодому Хмурому. - Плавно! Выдохни и нажимай! Ты не торопись, пуля быстрее тебя. Просто поймай ритм.

К вечеру, когда мороз усилился, а небо начало темнеть, первые успехи стали заметны. Дважды бойцы смогли попасть в бак, и тот, пробитый, звонко звякнул на морозе. Алексей смахнул иней с бровей и кивнул Витьке, который наблюдал за процессом со стороны.

- Получается, - тихо сказал Алексей. - Медленно, но получается. Главное, что они перестали бояться. Когда ты знаешь, что можешь ответить, страх уходит. Остается только злость. А злость - это хороший порох, если направить ее в нужное русло.

Витька молча закурил, глядя, как бойцы устало, но довольно переговариваются, разбирая оружие. Он знал: эти ребята уже не те растерянные люди, которые неделю назад прятались от каждого шороха в небе. Они начали превращаться в настоящую пехоту нового времени - ту, что умеет смотреть вверх и не бояться.

В блиндаже, куда они спустились после занятий, было тепло от печки-буржуйки, но сырость все равно пробирала до

костей. Бойцы сидели на нарах, чистили оружие, кто-то уже дремал, прислонившись к бревенчатой стене. Алексей сидел у стола, разбирая наброски следующих занятий.

Витька подсел рядом, хлопнул его по плечу:

- Ты гляди, Бондарь. Они тебя слушают. Действительно слушают. А ведь еще месяц назад они думали, что все конечно, что эти «Байрактары» нас всех перещелкают. А теперь... теперь они верят, что могут дать сдачи.

Алексей поднял усталые глаза. В них горел тот самый огонь, который не давал ему сдаться даже тогда, когда руки немели от холода, а совесть разрывалась от потери.

- Это не вера, Витька. Это знание. Знание, что мы не беспомощны. Что у нас есть не только автоматы, но и головы на плечах. Пока мы умеем учиться - мы живы. Пока мы можем адаптироваться - мы сильны. Я не знаю, сколько продлится эта война, но я точно знаю: мы встретим ее во всеоружии. Мы заставим эти машины платить за каждую жизнь наших ребят. А когда они сломаются - мы пойдем дальше. Потому что мы - люди. А они - просто железо и железо всегда проигрывает живым.

В блиндаже повисла тишина, нарушаемая лишь треском дров в печке и мерным дыханием спящих бойцов. Слова Алексея разошлись по помещению, коснулись каждого, даже тех, кто притворялся спящим. Эти парни, прошедшие через ад первых ударов «Байрактаров», теперь чувствовали нечто новое: не просто надежду, а холодную, расчетливую уверен-

ность.

Они будут продолжать учиться. Каждый день, каждый час. Они будут оттачивать мастерство маскировки, постигать баллистику и тактику. Они будут строить ложные позиции, рыть новые ходы, совершенствовать свои навыки и когда следующий «Байрактар» появится в небе, они не будут прятаться в страхе. Они будут ждать его с оружием в руках, готовые дать бой. Потому что теперь они знали: даже самое совершенное оружие не сможет сломить дух, закаленный в учебных траншеях, в морозных тренировках, в крови и поте.

И это знание что они становятся сильнее, что каждый промах на тренировке - это спасенная жизнь в бою, что каждый освоенный навык - это шаг к победе - согревало их сердца крепче любого пламени. Они знали: они не одиноки в своей борьбе. У них есть командир, который ведет их за собой. У них есть товарищи, которые прикроют спину и у них есть правда, за которую стоит жить и умирать.

Часть 4. Письмо от Кати

*Донецк, январь 2022 года.*

Январь выдался на редкость морозным. Даже старожилы, помнившие суровые зимы девяностых, говорили, что такое не помнят уже лет десять. Столбик термометра опускался до минус двадцати, а ледяной ветер, дующий с бескрайней степи, пронизывал до костей, превращая каждое движение на поверхности в испытание на прочность. Снег скрипел под ногами с таким звуком, будто ты идешь по битому стеклу.

В таких условиях война замедлялась, замирала, пряталась по блиндажам и землянкам, но никогда не останавливалась полностью. Где-то там, в сером, бесконечном небе, продолжали барражировать вражеские дроны, но и у них, как знал Алексей, были свои ограничения - аккумуляторы быстрее разряжались на морозе, а оптика запотевала. Это давало небольшое, но драгоценное окно для передышки.

Именно в один из таких тихих, почти мирных январских вечеров, когда сумерки сгустились особенно рано, а в блиндаже было слышно лишь потрескивание дров в импровизированной печурке, случилось то, что заставило сердце Алексея забиться с новой силой. Связной из соседнего взвода, черный от мороза и запыхавшийся, сунул ему в руки небольшой, сильно потрепанный конверт. Бумага была мягкой от долгой дороги, с разводами, которые могли быть и от воды, и от чьих-то случайных слез. Края конверта были истерты, на углах виднелись следы от многочисленных пересылок и полевых почтовых штампов.

Алексей взял конверт, и его пальцы, привыкшие к холодному металлу автомата и грубой стали лопаты, вдруг дрогнули. Он сразу узнал этот почерк. Аккуратный, с легким наклоном вправо, каждая буква выведена с той трогательной старательностью, которая была свойственна Кате с самого детства. Он помнил этот почерк по тетрадкам в клетку, по запискам, которые они передавали друг другу в школе, по открыткам, которые она присылала ему, когда он был на

срочной службе. Этот почерк был частью его прошлого, его семьи, его дома и сейчас он держал его в руках, здесь, среди грязи, холода и смерти.

Он не стал рвать конверт в спешке, как делал это с другими письмами. Он аккуратно, почти благоговейно, поддел пальцем край конверта и разорвал его по линии сгиба. Внутри лежало два плотных листа, исписанных с обеих сторон мелким, но разборчивым почерком. От бумаги пахло домом - тем особенным, неуловимым запахом чистого белья, сухих трав и еще чем-то родным, что невозможно описать словами, но можно узнать с закрытыми глазами.

Он сел на нары, сдвинув в сторону холодный, неубраный автомат, и пододвинул поближе коптилку. Витка, сидевший в углу с книгой, которую он перечитывал уже в третий раз, мельком взглянул на друга и молча вышел из блиндажа, оставив Алексея наедине с письмом. Дверь из брезента сдвинулась, и на мгновение ворвался клуб морозного воздуха, погасив на мгновение свечу, но Алексей не заметил. Он начал читать, и мир вокруг него перестал существовать.

Буквы складывались в слова, слова - в предложения, и каждое из них отдавалось в груди теплой, тягучей волной.

*«Алёша, родной мой брат! Не знаю, дойдет ли это письмо до тебя, но я должна попытаться. У нас тут в тылу тоже беспокойно, но я вижу по телевизору, что происходит у вас, и мне хочется кричать. Показывали репортаж, как эти проклятые дроны «Байрактары» работают, как они*

*висят в небе и стреляют. Это же настоящий ужас, брат!, как вы там вообще выживаете? Я сидела и плакала, глядя на разбитые дома, на дым и тут же я думала о тебе. Ты там, где-то на передовой, под этим небом, и я не знаю, видишь ли ты меня, слышишь ли ты меня, но я верю, что ты чувствуешь мою любовь.»*

Алексей перевел дух. Перед глазами, как живая, стояла Катя - маленькая, с косичками, которую он защищал от дворовых хулиганов, когда сам еще ходил в школу. Он видел ее лицо, ее смех, ее слезы. Видел, как она махала ему рукой, когда он уходил на войну. Он чувствовал, как ее слова проникают в него, отогревая то, что казалось навечно замерзшим внутри.

Он читал дальше, и каждое слово ложилось на сердце, как живительный бальзам:

*«Алёша, я знаю, что ты сильный, что ты смелый. Ты всегда таким был. Помнишь, как ты меня защищал от той банды у школы? Ты пришел с разбитой губой, но улыбался. Ты говорил: «Катюшка, не бойся, я тут» и я переставала бояться и теперь я боюсь, Алёша. Боюсь, что однажды придет кто-то с похоронкой, и я потеряю самое дорогое, что у меня есть, но я также знаю, что ты умеешь выживать, что ты не дашь себя сломать. Ты пишешь мне в прошлых письмах, что учишься прятаться от этих штук. Это хорошо. Прячьтесь, Алёша. Станьте невидимыми. Пусть они ищут вас и не находят.»*

Алексей улыбнулся сквозь слезы, которые вдруг непрошено навернулись на глаза. Он не плакал с тех пор, как хоронили Сергея и Дмитрия. А тут - письмо от сестры, и он чувствует, как ком подступает к горлу. Он протер глаза тыльной стороной ладони и продолжил:

*«Но я хочу сказать тебе главное, брат. Ты нужен нам. Ты нужен маме - она каждое утро зажигает свечку в церкви и молится за тебя. Ты нужен папе - он стал более молчаливым, но я вижу, как он смотрит на твою фотографию на стене. Ты нужен Лене и Андрейке - они спрашивают про дядю Алешу и не понимают, почему ты так долго не приходишь. Ты нужен мне. Ты - наша опора, наша надежда, наша любовь. Без тебя эта семья потеряет свой центр, свою ось. Поэтому, пожалуйста, вернись. Что бы ни происходило на этой войне, что бы ни летало над вашими головами - ты должен вернуться. Мы будем ждать тебя столько, сколько нужно. Твоя сестра Катя.»*

Последние строки были написаны дрожащей рукой, на бумаге виднелись следы от капель - Катя плакала, когда писала это письмо. Алексей ясно видел эту картину: ее кухня, где пахнет пирогами, стол с клеенкой, она сидит, сторбившись, и комкает в руках носовой платок, пытаясь закончить письмо.

Он перечитал последний абзац еще раз, потом еще. Сердце колотилось, но не от страха, а от того огромного, всепоглощающего чувства, которое называется любовью к семье. Это чувство было сильнее страха смерти, сильнее ненависти

к врагу, сильнее любой боли. Он чувствовал, как оно наполняет каждую клетку его тела, давая ему энергию, которой не давали ни горячий чай, ни крепкий сон.

Наступила долгая тишина. В блиндаже стало темно - свеча догорела почти до конца, фитиль шипел в лужице воска. Алексей понял, что Витька все еще не возвращается, и благодарен ему за это. Ему нужно было побыть одному, чтобы переварить то, что он прочитал.

Он вышел из блиндажа на несколько минут, подышать морозным воздухом. В небе горели звезды - сотни, тысячи, холодных и далеких. Где-то там, на западе, далеко за линией фронта, в его доме, его семья смотрит на такие же звезды и эти звезды соединяют их, несмотря на смертоносные дроны и многокилометровые расстояния.

Вернувшись, он достал из вещмешка свой блокнот и короткую, почти сгрызенную карандашом ручку. Света было мало, но он придвинул печурку, чтобы хотя бы слабый отблеск пламени падал на бумагу. Он начал писать ответ, стараясь, чтобы буквы были ровными, чтобы Катя не заподозрила, что он пишет в темноте, в грязи, под раскаты артиллерии.

*«Катя, родная моя сестренка. Спасибо тебе за письмо, за каждое слово, за каждую слезу, которую ты пролила, когда писала его. Я держу его в руках, и мне кажется, что я слышу твой голос. Знаешь, здесь, в окопах, такие письма - это, как глоток чистого воздуха, как глоток жизни. Они*

напоминают мне, зачем я здесь.

*Я хочу, чтобы ты знала: я не теряю надежды. Да, здесь страшно. Да, эти «Байрактары» - это суровая угроза, от которой приходится прятаться, как мышам от совы, но мы учимся, Катюша. Мы становимся хитрее, хитрее их тепловизоров. Мы строим ложные позиции, маскируемся, учимся стрелять вверх. Я сам, своими руками, делаю из подручного хлама ловушки для этих машин. Я чувствую, что мы становимся сильнее.*

*Ты говоришь, что я - опора семьи, но ты не представляешь, как твоя любовь и любовь мамы, папы, Лены и Андрейки поддерживают меня здесь. Каждый раз, когда я думаю о вас, когда вспоминаю ваш смех, наш дом, я понимаю, что я не могу умереть. Я должен вернуться. Я даю тебе слово.*

*Береги маму, она у нас очень хрупкая. Скажи Андрейке, что дядя Алеша привезет ему настоящий немецкий шоколад и скажи папе, что я горжусь им. Горжусь тем, что он мой отец. Я люблю вас всех больше жизни. Просто ждите. Верю, что скоро все закончится. Твой брат Алёша.»*

Он свернул письмо, аккуратно сложил его втрое, сунул в конверт, который он нашел среди своих вещей, и написал адрес дрожащей, но твердой рукой. Он отложил письмо в сторону, чтобы завтра отдать его связному, и снова посмотрел на огонь печурки.

В блиндаж тихо вошел Витька, и увидел Алексея сидящим неподвижно, с закрытыми глазами. Он сел напротив и

тихо спросил, просто чтобы нарушить тишину:

- Ну что там, Бондарь? Как там дома?

Алексей открыл глаза. В них горел тот тихий, внутренний огонь, который не могла погасить ни одна война.

- Все хорошо, Витька. Дома ждут и мы вернемся. Обязательно вернемся.

Витька кивнул. Он не стал спрашивать, о чем было письмо. Он просто знал, что его друг снова обрел силы и этого было достаточно.

Той ночью Алексей долго не мог заснуть. Он лежал на нарах, глядя на темный, сырой потолок блиндажа, и вспоминал детство, своих родителей, свой дом. Он мысленно перебирал строки Катиного письма, как четки, и в каждом слове находил утешение. Он знал, что утром проснется, наденет бронежилет, возьмет автомат и снова выйдет на позицию, где его может ждать очередной удар с неба, но теперь он боялся меньше. Потому что теперь он знал: что бы ни случилось, его любят. Его ждут и эта любовь - единственная сила, которую не могут сбить никакие беспилотники.

Он заснул под утро, сжимая в руке пустой конверт от Катиного письма, и ему приснился дом, полный света и смеха и когда он проснулся, улыбка еще долго держалась на его лице, согревая его в ледяные январские дни.

Они будут и дальше строить свои мосты через войны и расстояния. Они будут верить, что добро и правда восторжествуют. Они будут любить так сильно, чтобы это чувство

пробивало даже самую густую тьму и они будут ждать того дня, когда все их близкие соберутся вместе, чтобы обнять друг друга и сказать самое важное.

Часть 5. Разговор с отцом

*Донецк - Севастополь, февраль 2022 года.*

Февраль выдался на редкость тяжелым. Не столько из-за морозов, которые, казалось, достигли своего апогея, сколько из-за того гнетущего предчувствия, которое витало в воздухе. На фронте нарастало напряжение: слухи о новых наступлениях, о переброске техники, о том, что война вот-вот перейдет в новую, еще более жестокую фазу, передавались из уст в уста, обрастая паническими подробностями, но среди этого хаоса и тревоги Алексею вдруг остро, до физической боли, захотелось услышать голос отца. Не просто прочитать его письмо или получить весточку через связного, а именно услышать - живой, родной, низкий голос, который звучал в его памяти с самого раннего детства, который успокаивал его, когда он разбивал коленки, который наставлял, когда он делал первые ошибки во взрослой жизни. Ему нужно было это сейчас, как воздух, как глоток тепла в ледяной пустоте войны.

Возможность позвонить представилась неожиданно. Командир батальона, у которого была спутниковая трубка, разрешил бойцам сделать короткие звонки домой - раз в месяц, по особому случаю. Очередь выстроилась еще с утра, и Алексей прождал несколько часов, стоя в промерзшем кори-

доре подвала, слушая, как другие бойцы, сбивчиво и взволнованно, говорят со своими близкими. Кто-то плакал в трубку, кто-то смеялся, кто-то просто молчал, слушая голос с того конца провода. Алексей смотрел на них и понимал, что у каждого из них там, за спиной, целый мир, который ждет и любит и у него тоже есть такой мир.

Наконец, когда часы показывали уже за полночь, а в подвале стало особенно холодно, очередь дошла до него. Он взял в руки тяжелую, громоздкую трубку спутникового телефона, чувствуя, как пальцы дрожат от холода и волнения. Он набрал номер отца, который помнил наизусть с тех пор, как научился пользоваться телефоном. Гудки были длинными, прерывистыми - связь шла через спутники, через тысячи километров проводов и ретрансляторов. С каждым гудком сердце билось быстрее.

А затем - щелчок, и в трубке раздался тот самый голос. Низкий, с легкой хрипотцой, которая появлялась у отца под утро или когда он был особенно взволнован. Голос, который Алексей слышал в своих снах, в своих воспоминаниях, в каждой частичке своей души. Андрей Бондаренко, капитан дальнего плавания, человек, прошедший через шторма и бури, но сохранивший невероятную внутреннюю тишину и мудрость.

- Алёша? Сынок, это ты? - голос отца дрогнул, и в этом дрожании Алексей услышал всю ту тоску и беспокойство, которые отец никогда не показывал в письмах. - Мы ждали

твоего звонка. Мама каждый день к телефону подходит., как ты там, сынок?

Алексей прижал трубку к уху, закрыл глаза и на мгновение позволил себе представить, что он не в промерзшем подвале, а у себя дома, на кухне, где пахнет свежим хлебом и отцовским табаком. Голос отца заполнил все его существо, и он почувствовал, как напряжение, копившееся неделями, начинает понемногу отпускать. Он вздохнул, стараясь, чтобы голос звучал твердо, но в нем все равно проскальзывала та усталость, которую невозможно было скрыть от отцовского уха:

- Батя, привет. Я здесь. Живой, здоровый, - он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. - Ну, почти здоровый. Немного простудился, но это ерунда. У нас тут... у нас тут новое испытание, батя. Настоящее. Эти «Байрактары», которые теперь над нами летают, - это настоящий ад. Они висят в небе часами, как стервятники, и смотрят вниз. У них такая оптика, что они видят наш тепловой след через стены, через снег. Мы потеряли ребят, батя. Хороших ребят, молодых. Серегу из Макеевки и Диму-добровольца. Я их хоронил, батя. Своими глазами видел, как они уходят в землю и я боюсь... - он запнулся, чувствуя, как голос начинает предательски ломаться, - я боюсь, что это только начало. Что они будут бить все сильнее, а у нас нет нормальных средств, чтобы им ответить. Мы пытаемся, мы учимся, мы маскируемся и строим ложные позиции, но это, как игра в прятки со

смертью.

В трубке на несколько мгновений повисла тишина. Алексей слышал только дыхание отца, такое же тяжелое, как и его собственное. Он знал, что отец сейчас переваривает информацию, пропускает ее через свою спокойную, выдержанную мудрость, как пропускают корабль через рифы и через несколько секунд голос Андрея зазвучал снова - ровный, уверенный, тот самый голос, который вел его через штормы в океане:

- Слушай меня, сынок. Я тебя внимательно слушаю и то, что ты говоришь, - это страшно. Я не буду тебя утешать пустыми словами. Война - это всегда страх, это всегда грязь и боль, но я хочу, чтобы ты помнил одну вещь. Эти машины, эти дроны - они созданы из металла и проводов. У них нет души. Нет сердца. Нет прошлого и будущего. Они не знают, что такое держать в руках маленького ребенка, что такое смотреть на закат с женой, что такое работа, которой ты гордишься. Они просто выполняют программу. А ты - живой. Ты - Бондаренко. В нашей крови - умение адаптироваться. Мой дед, твой прадед, воевал в окопах Первой мировой, когда впервые увидел самолеты. Все бегали и паниковали, а он просто лег на дно окопа и сказал: «Шумят железки, а мы - живые» и он выжил. Мой отец, твой дед, прошел всю Великую Отечественную. Он рассказывал мне, как немцы применили «Фаустпатроны» новое оружие, от которого прятались в подвалах. А он взял и научился стрелять из трофейного.

Понимаешь, о чем я?

- Понимаю, батя, - тихо ответил Алексей. Он всегда понимал, когда отец начинал говорить о роде, о крови. Это была не просто история, это был наказ, переданный через поколения.

- Ты говоришь, что учишься маскироваться, учишься сбивать их, - продолжил Андрей, и в голосе его послышалась твердая сталь, которая появлялась у него только в самые критические моменты жизни. - Это правильно. Это единственное, что мы можем делать - учиться, меняться, обманывать смерть. Ты сейчас на войне не просто солдат, ты - ученик. Ты учишься новой тактике, новой стратегии. Это тяжело, потому что за ошибки платят кровью, но ты справишься. Я знаю тебя с пеленок. Ты всегда был тем, кто искал выход, кто не сдавался. Помнишь, как ты в школе сломал руку на физкультуре и все говорили, что ты не сдашь экзамены? А ты пришел с гипсом и сдал все на пятерки, да еще и лучше всех. Вот это - наш характер.

Алексей усмехнулся. Он действительно вспомнил тот случай, и тепло разлилось по груди. Отец не просто утешал его, он напоминал ему, кто он есть на самом деле, возвращал ему его собственную силу, которую он, казалось, растерял в грязи и холоде войны.

- Спасибо, батя, - сказал он, и голос его стал тверже, увереннее. - Ты, как всегда, знаешь, что сказать. Здесь, в окопах, мы иногда забываем, что там, за линией фронта, нас помнят.

Ждут. Любят и это дает силы.

- Помни, сынок, - голос Андрея стал еще мягче, в нем появилась та особая отцовская нежность, которую он редко показывал, но которая была сильнее любых слов, - ты не один. Ты думаешь, что ты там, в этом аду, один на один с этими машинами, но это не так. Мы все с тобой. Я, мама, Катя, Лена, Андрейка. Мысленно мы там, с тобой, в каждой траншее, в каждом блиндаже. Каждую ночь мама ставит свечку перед иконой и шепчет твое имя. Каждое утро я выхожу на балкон и смотрю в сторону востока, как будто я могу тебя увидеть. Это не просто слова, Алёша. Это наша связь, которую не разорвать никакими дронами. Она в нашей крови, в нашем дыхании.

Алексей почувствовал, как по щеке скатилась слеза. Он не стеснялся своих слез перед отцом. Он знал, что отец их понимает и принимает.

- Я люблю вас, батя. Всех вас - сказал он, сглатывая ком в горле.

- И мы тебя, сынок. Очень сильно. Теперь слушай меня внимательно. Береги себя. Если нужно прятаться - прячься. Если нужно бить - бей так, чтобы они запомнили, но помни главное: ты должен вернуться. Ты нужен нам не, как герой в ореоле славы, а, как живой человек, как сын, как брат, как дядя. Мы будем ждать тебя сколько потребуется. Ты слышишь меня? Сколько бы ни длилась эта проклятая война, мы будем ждать.

- Слышу, батя. Обещаю. Я вернусь.

- Ну, бывай, сынок. Дай бог тебе сил. Мы с мамой обнимаем тебя.

- Бывай, батя. Спасибо за звонок.

Раздались короткие гудки, но Алексей еще долго не опускал трубку, прижимая ее к уху, словно пытаясь продлить это чудо - голос отца, донесшийся сквозь тысячи километров войны и разрухи. Он смотрел на запотевшее стекло подвала, за которым завывал февральский ветер, и чувствовал, как внутри него просыпается что-то новое. То, что было забыто в рутине окопов - надежда, уверенность, спокойная ярость.

Он вернулся в свой блиндаж, где Витька уже натапливал печку, пытаясь согреть воздух. Витька взглянул на него, увидел влажные глаза, но не спросил ни о чем. Он просто кивнул и сказал:

- Ну что, Бондарь, звонил домой? Как там отец?

- Все хорошо, Витька, - ответил Алексей, и в голосе его звучала не та усталость, что была несколько часов назад, а свежая, крепкая сила. - Он сказал, что мы справимся. Что мы - Бондаренко и что нас ждут дома.

Витька усмехнулся и подбросил еще одну ветку в печку.

- Правильно сказал. Ждут. Значит, будем жить.

Алексей сел на нары, достал из кармана выцветшую фотографию семьи, которую всегда носил с собой, и долго смотрел на лица своих родителей, Кати, племянников. Теперь,

после разговора с отцом, он видел в этом снимке не просто картинку, а обещание. Обещание дома, где его ждут и ради этого обещания он был готов сражаться даже с самими чертями, которые прилетают с неба.

Он будет продолжать верить, продолжать учиться, продолжать защищать своих товарищей. Он будет маскироваться, прятаться, сбивать дроны всем, что есть под рукой. Он будет строить новые ловушки, совершенствовать тактику, передавать знания тем, кто рядом. Потому что теперь он знал точно: любовь, которую он носит в своем сердце, - это самая мощная броня, которую не может пробить ни один «Байрактар» и пока эта любовь живет, он бессмертен.

Часть 6. Эскалация

*Донецк, февраль 2022 года.*

Февраль 2022 года входил в историю не только, как самый холодный месяц зимы, но и, как время, когда война сделала новый, смертоносный кульбит. То, что еще в январе казалось эпизодической угрозой, к концу февраля превратилось в систематический, безжалостный террор с неба. Беспилотники «Байрактар» стали появляться над позициями ополченцев с пугающей регулярностью - иногда по два-три раза в день. Они не просто летали, они охотились. Их маршруты стали более сложными, их тактика - более изощренной. Операторы, сидевшие за сотни километров в своих контейнерах, изучили привычки ополченцев, знали время их передвижений, места укрытий и даже график смены караулов. Это был уже

не просто технологический перевес, это была психологическая война, где враг видел тебя всегда, а ты его - только в последний момент, когда смерть уже падает на тебя сверху.

Алексею казалось, что воздух стал плотнее, тяжелее. Каждый звук с неба - будь то гул пролетающего самолета или даже шум ветра в проводах - заставлял его сердце пропускать удар. Он научился различать десятки звуков: от гула генераторов до далекого артиллерийского гула, но этот звук - низкий, вибрирующий, похожий на жужжание огромного насекомого - был хуже всего. Он означал, что где-то там, над облаками или за их кромкой, висит смерть, которая выбирает цель.

Эскалация началась внезапно. В одно из февральских утр, когда небо было затянуто низкими, свинцовыми облаками, а снег скрипел под ногами с особенным, морозным звуком, дроны атаковали в три захода. Первый удар пришелся по ложной позиции, которую Алексей оборудовал на прошлой неделе - пустые бочки с керосиновыми лампами внутри, окруженные старыми крышками. Дрон сбросил бомбу, и ложная цель взорвалась огненным шаром. Бойцы в укрытиях облегченно выдохнули - сработало, но радость была преждевременной. Второй дрон, шедший на большой высоте в паре километров, зашел с другой стороны и нанес удар по реальной позиции, где находилась группа бойцов, готовившихся к смене караула.

Взрыв был оглушительным. Алексей, находившийся в ста

метрах от эпицентра, почувствовал, как земля уходит из-под ног, как ударная волна сбивает его с ног и швыряет на снег. В ушах зазвенело, в глазах потемнело. Он встал на колени, тряся головой, пытаясь избавиться от звона. Перед ним, там, где только что были его товарищи, клубился черный, маслянистый дым, перемешанный с паром от растаявшего снега.

Он побежал туда, спотыкаясь, падая, снова вставая. Витка бежал рядом, его лицо было перекошено от крика, но Алексей не слышал ни звука - звон в ушах заглушал все. Когда они добежали до места, Алексей упал на колени рядом с телами.

Они лежали в неестественных позах, засыпанные снегом и землей. Двое. Молодые. Совсем зеленые парни, которых перевели к ним в подразделение всего неделю назад. Алексей почти не знал их имен - они были новичками, еще не обстрелянными, но уже напуганными постоянными налетами. Один из них, невысокий брюнет с родинкой на щеке, держал в руке автомат, который так и не успел поднять. Второй, высокий, худой, со светлыми волосами, смотрел в небо остановившимся взглядом. Его глаза были открыты, и в них застыл тот самый ужас, который он, наверное, видел в последнюю секунду своей жизни.

Алексей смотрел на них, и внутри него что-то оборвалось. Не просто боль, не просто гнев. Это было что-то более глубокое - чувство вины, которое разрасталось в груди, как черная опухоль. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

ни, и прошептал сквозь зубы, не в силах смотреть на застывшие лица:

- Я должен был лучше их обучить. Я должен был научить их прятаться, маскироваться, слышать приближение дрона. Они не знали, что делать. Они бежали не туда, они не укрылись, они не поняли, что нужно падать на землю, а не бежать. Это моя вина. Я не донес до них это. Я не уделил им достаточно времени. Я думал о своих старых, проверенных бойцах, а они остались без защиты.

Витька опустился рядом на корточки, положил тяжелую руку на плечо Алексея и заглянул ему в глаза. Его лицо было изможденным, глаза красными от недосыпа и постоянного напряжения, но в них горел тот самый огонь, который не давал им обоим сломаться.

- Ты сделал всё, что мог, Бондарь. Слышишь меня? - сказал он жестко, почти грубо, потому что знал: только так можно пробить стену самобичевания, в которую сейчас закрылся Алексей. - Ты учил их, ты предупреждал их, ты показывал им схемы. Ты раздавал им маскировочные костюмы, ты заставлял их тренироваться на морозе, но ты не можешь вложить свой страх и свою интуицию в другого человека. Ты не можешь заставить их бояться так, как боишься ты. Это приходит только с опытом, а опыт оплачивается кровью. Ты не Бог, Бондарь. Ты командир, но ты не можешь предвидеть каждый удар, каждую смерть. Это война и на войне гибнут. Ты должен это принять, иначе ты сойдешь

с ума.

Алексей поднял на Витьку взгляд. В глазах его стояли слезы, но он не дал им пролиться. Он сглотнул ком в горле, глубоко вздохнул и кивнул. Он знал, что Витька прав. Он это знал, но принять было невыносимо трудно.

- Я знаю, - сказал он, и голос его был хриплым, как будто он кричал несколько часов подряд. - Я знаю, Витька, но это не становится легче. Я смотрю на них, на их лица, и я вижу, что они могли бы жить. У них были планы, мечты, семьи и теперь их нет и я не могу вернуть их. Я не могу сказать их матерям, что они погибли героями. Это ничего не меняет. Они просто мертвы.

Они долго стояли над телами, пока не подошли другие бойцы с носилками. Аккуратно, бережно, они уложили погибших на брезент и понесли к месту временного захоронения. Алексей шел за ними, чувствуя, как каждый шаг дается ему с трудом, как тяжесть на его плечах становится невыносимой.

Вечером, когда сумерки сгустились, а бои на время затихли, Алексей вернулся в блиндаж. Он достал свой старый, потрепанный блокнот в кожаном переплете, который носил с собой уже больше года, и открыл его на последней исписанной странице. Там уже были десятки имен - товарищей, которых он потерял за время войны. Список рос, и каждая новая запись отдавалась в сердце острой болью. Он взял ручку и, стараясь писать ровно, но рука дрожала, добавил два но-

вых имени. Он написал их полностью, с датами рождения и смерти. Потом долго смотрел на эти строки, водил пальцем по буквам, как будто пытался через эту связь с бумагой донести до погибших свою боль и свою память.

В блиндаж вошел Витька, стряхивая с шапки снег. Он молча сел напротив, закурил и долго смотрел на Алексея, не произнося ни слова. Наконец он спросил тихо:

- Опять записываешь?

- Опять, - ответил Алексей, не поднимая глаз. - Знаешь, Витька, у меня такое чувство, что этот список никогда не закончится. Я смотрю на него, и я вижу их всех. Каждое имя, каждое лицо. Сергей, Дмитрий, теперь эти двое... а ведь были и до них и будут после. Где-то там, в штабах, люди сидят и думают о стратегии, о наступлениях, о политике. А мы здесь просто пишем списки имен и эти имена - единственное, что останется от них и мне кажется, что я должен помнить их. Всех. Потому что если я забуду, то они действительно умрут окончательно.

Витька выпустил клуб дыма в потолок и тихо сказал:

- Ты их не забудешь, Бондарь. Ты слишком много о них думаешь. Иногда мне кажется, что ты тащишь на себе все эти смерти, как крест, но ты не должен. Ты должен помнить, но ты не должен давить себя этой тяжестью. Иначе она раздавит тебя, и тогда кто будет писать имена следующих?

Алексей поднял глаза на друга и слабо улыбнулся. В этой улыбке не было радости, но была благодарность.

- Ты прав, Витька. Спасибо, что ты есть. Без тебя я бы, наверное, уже давно спятил.

- Не спятил бы, - усмехнулся Витька. - Ты слишком упертый для этого. Ты Бондаренко. А Бондаренко даже в аду пытаются строить мосты.

Они засмеялись. Смех был горьким, тяжелым, но это был смех. Алексей закрыл блокнот и убрал его в вещмешок. Он знал, что список будет пополняться. Он знал, что будут новые потери, новые похороны, новые письма в семьи, но он также знал, что должен продолжать бороться, должен продолжать защищать своих товарищей, должен продолжать верить, что когда-нибудь эта война закончится и это знание, эта надежда, которую он носил в своем сердце, давала ему силы идти дальше.

Той ночью он долго не мог заснуть. Он сидел на нарах, прислушиваясь к звукам снаружи - то ли ветер, то ли далекий гул дрона, то ли просто игра воображения. Он думал о Кате, об отце, о матери, о своих племянниках. Он думал о тех, кого потерял, и о тех, кто еще был рядом и он знал, что не имеет права сдаваться. Пока он жив, он будет бороться. Пока он дышит, он будет защищать эту землю и этих людей. Потому что это его дом, его правда, его выбор.

Он уснул под утро, когда первые лучи солнца начали пробиваться сквозь щели в перекрытиях и ему приснилось море - чистое, синее, бескрайнее, которое он так любил в детстве. В этом сне не было войны, не было дронов, не было смерти.

Был только он, его семья и бесконечный горизонт.

Он проснулся с улыбкой на лице и с твердой уверенностью в сердце. Война продолжается, и потери будут, но он выстоит. Он будет строить свои мосты через ад, соединяя сердца и судьбы, несмотря на все преграды. Он будет помнить павших и защищать живых. Потому что это единственное, что имеет значение в этом мире - любить, верить и идти до конца, что бы ни случилось и он пойдет. До самого конца.

Часть 7. Письмо матери

*Донецк, март 2022 года.*

Март пришел на донецкую землю робко, неуверенно. Снег еще не сошел, но по утрам уже чувствовалось дыхание весны - воздух стал мягче, дни длиннее, а в полуденные часы с крыш начинала капать вода, нарушая звенящую тишину передовых позиций. Война, однако, не обращала внимания на календарь. Гул артиллерии и вибрация от взрывов были такими же привычными, как стук собственного сердца, но именно в это переходное время, когда природа начинала пробуждаться, а надежда на окончание войны казалась особенно хрупкой, Алексей получил письмо, которое согрело его душу сильнее весеннего солнца.

Связной нашел его в траншее, когда Алексей проверял систему маскировки - снег начал подтаивать, и белые маскировочные костюмы становились видны на сером фоне. Он принял конверт, даже не взглянув на обратный адрес. Он знал этот почерк с детства - аккуратный, чуть наклоненный

вправо, с теми особенными завитушками на буквах «а» и «я», которые так старательно выводила его мать. Анна Васильевна, учительница начальных классов, посвятившая свою жизнь детям, всегда писала аккуратно и красиво, даже когда торопилась. Ее почерк был, как ее душа - ровный, добрый и полный тепла.

Алексей быстро, почти бегом, спустился в блиндаж, на ходу срывая перчатки. Он сел на нары, пододвинул коптилку и дрожащими от волнения пальцами вскрыл конверт. Внутри лежали два листа тонкой, чуть пожелтевшей бумаги, исписанные ровными строчками. От письма пахло домом - тем особенным, неуловимым ароматом, который невозможно воспроизвести: легкий запах сухих цветов, которые мама всегда держала в вазочке на подоконнике, и чуть сладковатый аромат ее духов, которые она носила в праздничные дни.

Он начал читать, и мир вокруг него перестал существовать.

*«Алёша, мой родной, мой дорогой сыночек. Сегодня я проснулась в четыре утра и не могла больше уснуть. За окном еще темно, снег скрипит под ногами редких прохожих, а я сижу на кухне, зажгла маленькую свечку и пишу тебе это письмо. Знаешь, когда я держу ручку в руке, мне кажется, что я держу тебя за руку. Мне становится легче, как будто ты рядом, в соседней комнате, и я могу встать, подойти и обнять тебя, но тебя нет. Ты там, где стреляют, где взры-*

ваётся земля, где грохот стоит такой, что уши закладывает и я знаю это не по новостям, Алёша. Я это чувствую, как чувствовала твою боль, когда ты разбивал коленки в детстве. Это одно и то же чувство - только теперь оно во сто раз сильнее.

Я думаю о тебе каждый день. Каждую минуту, каждую секунду. Когда я иду в магазин, я смотрю на молодых парней и думаю, а что сейчас делает мой сын? Когда я готовлю обед, я оставляю место на столе для тебя, как будто ты вот-вот войдешь и скажешь: «Мама, как вкусно пахнет!». Когда я молюсь по вечерам перед сном, я шепчу твое имя. Я прошу Господа, чтобы он сохранил тебя, чтобы он дал тебе сил и мужества, чтобы он отвратил от тебя пули и снаряды. Я не знаю, слышит ли Он меня, но я знаю, что если Он и слышит кого-то, то это мать, которая молится за своего ребенка.

Я видела по телевизору репортажи про эти дроны, про «Байрактары». Катя писала мне, что вы с ними боретесь, что вы учитесь прятаться и стрелять вверх. Алёша, мне страшно, когда я смотрю на это, но я знаю, что ты не сдашься. Ты всегда был упрямым, как наш дед, как твой отец. Ты всегда находил выход из самых сложных ситуаций. Помнишь, как ты в пятом классе потерял ключи от дома и не знал, что делать? А ты взял, согнул проволочку и открыл замок. Ты был весь измазан, но ты справился. Ты всегда справляешься и сейчас ты справишься.»

Алексей остановился, чувствуя, как к горлу подступает ком. Он вспомнил тот случай - ему было одиннадцать, он потерял ключи, пока играл во дворе. Мама была на работе, а он просидел на крыльце три часа, пока не придумал, как открыть старый, хлипкий замок. Когда она вернулась, она обняла его и сказала: «Мой гениальный мальчик». Она всегда так говорила - «мой гениальный» и теперь он сидел в промерзшем блиндаже, сжимая в руках письмо, и чувствовал, как ее голос, ее интонация, ее любовь пронизывают его до самой глубины души.

Он перевернул страницу и продолжил читать. Буквы были чуть менее ровными, как будто мама дрожала, когда писала эти строки:

*«Я знаю, Алёша, что ты теряешь товарищей. Я знаю, что ты видишь смерть. Я знаю, что ты носишь в себе эту тяжесть, эту боль и я не могу облегчить ее, потому что я далеко. Я просто хочу, чтобы ты знал: ты не один. С тобой мы все. Я, папа, Катя, Лена, Андрейка. Каждый раз, когда ты думаешь, что силы на исходе, вспомни: твоя семья рядом. Мы дышим с тобой одним воздухом, бьется с тобой одним сердцем. Если тебе трудно - закрой глаза и представь, что я обнимаю тебя. Представь, как папа хлопает тебя по плечу. Представь, как Катя смеется. Представь, как Лена держит Андрейку на руках, и он тянет к тебе свои ручонки. Мы все ждем тебя. Мы все любим тебя.*

*Я не знаю, когда закончится эта война и я не знаю, сколь-*

*ко еще испытаний выпадет на твою долю, но я знаю одно: ты выстоишь. Потому что ты не просто солдат. Ты - мой сын. Ты - человек с большим сердцем и сильной душой. Ты не сдаешься, когда другие опускают руки. Ты строишь мосты, когда все рушатся. Ты светишь, когда вокруг темно. Береги себя, Алёша. Не ради меня - ради тех, кому ты нужен. Ради тех, кто ждет твоего возвращения. Я люблю тебя больше жизни. Твоя мама.»*

Алексей перечитал последние строки несколько раз, и слезы, которые он так долго сдерживал, наконец прорвались наружу. Он плакал не от слабости, а от того огромного, переполняющего чувства любви и благодарности, которое заполнило его грудь. Он не плакал на похоронах товарищей, не плакал от боли и усталости, но здесь, в этом блиндаже, среди грязи и холода, письмо матери растопило лед внутри него.

Он сидел неподвижно несколько минут, прижимая письмо к груди, как самую ценную реликвию. В блиндаж заглянул Витька, увидел слезы на лице друга и тихо, без слов, присел рядом. Он не стал спрашивать, что случилось. Он просто положил руку на плечо Алексея и дал ему время.

Наконец Алексей выдохнул, вытер глаза рукавом и посмотрел на друга. В его взгляде была та же усталость, но теперь в ней появилось что-то новое - свет, надежда, сила.

- Это мама, - сказал он хрипло. - Письмо. Ты не представляешь, Витька, что она пишет. Она знает все. Она чувствует, как я себя чувствую. Она говорит, что мы с ней одним

сердцем бьемся.

Витька усмехнулся, но в усмешке была теплота:

- Это ж матери, Бондарь. Они такие. Они все чувствуют. Моя мать тоже, когда звонит, спрашивает: «Ты похудел? Я по голосу слышу». Откуда они знают? Это какая-то магия, которой нет объяснения.

Алексей улыбнулся сквозь слезы. Он аккуратно сложил письмо, сунул его в нагрудный карман грязной куртки, туда, где он носил фотографию семьи и маленький, почти стертый медальон с крестиком. Теперь там лежало еще одно сокровище - письмо, которое он будет перечитывать в самые тяжелые моменты.

- Я должен ответить ей, - сказал он. - Сегодня же. Надо написать, что у меня все хорошо, что я жив, что я скоро вернусь. Чтобы она не волновалась.

- Пиши, - сказал Витька. - Я посторожу.

Алексей достал свой блокнот, нашел чистую страницу, взял ручку и долго смотрел на чистый лист. Он хотел написать много всего - о том, как он любит ее, как скучает, как страшно ему было последние недели, как он боится, что не вернется, но вместо этого он написал простые, твердые строки, которые, как он знал, согреют ее сердце:

*«Мама, родная, спасибо за твое письмо. Оно пришло в самый нужный момент. Я читал его и чувствовал, как ты рядом. Я не знаю, что будет дальше, но знаю одно: я не сдамся. Я не имею права сдаваться, потому что ты веришь в*

*меня, потому что ты ждешь меня. Я буду беречь себя, как могу. Я буду осторожен. Я вернусь. Я обещаю тебе. Жди меня, мама. Твой Алёша.»*

Он сложил письмо, вложил его в конверт, который нашел в своих вещах, и отдал Витьке, чтобы тот передал связному. Затем он снова достал материнское письмо, приложил его к груди и закрыл глаза.

В блиндаже стояла тишина, слышно было лишь потрескивание дров в печурке да капли талой воды, падающие с потолка. Алексей сидел неподвижно, чувствуя, как внутри него разрастается спокойная уверенность. Слова матери проникли в самые глубокие уголки его души, давая ему то, чего не могла дать ни одна тактическая выучка, ни один боевой опыт - чувство защищенности, принятия, безусловной любви.

Он думал о том, как мать каждую ночь ставит свечку перед иконой, как она шепчет его имя, как она встает в четыре утра, потому что не может спать от беспокойства. Он думал о том, как она улыбается, когда получает от него весточку, как она плачет от счастья, когда он звонит и он понял, что эта война имеет смысл только в одном - в защите таких матерей, таких семей, таких домов.

Он знал, что впереди будут новые бои, новые потери, новые испытания, но теперь он носил в своем сердце теплоту материнского письма, как неугасимый огонь и пока этот огонь горел, он знал, что выстоит.

Он будет продолжать строить свои мосты, соединяя серд-

ца и судьбы, даже когда кажется, что вокруг одна тьма. Он будет продолжать жить, защищать, любить. Потому что это единственное, что имеет значение в этом мире - любовь, которая связывает нас друг с другом, независимо от расстояний и преград.

Той ночью Алексей уснул, сжимая в руке материнское письмо, и ему приснился их дом, большой стол, накрытый белой скатертью, мама, которая подает горячий борщ, и смех всей семьи за ужином и он знал, что этот сон - не просто сон. Это обещание. Это будущее, которое он обязан сделать реальностью и он сделает все, что в его силах, чтобы это будущее наступило.

Часть 8. Весна

*Донецк, апрель 2022 года.*

Апрель пришел на донецкую землю не с каплей и подснежниками, а с грохотом артиллерийских залпов и гулом танковых моторов. Зима отступила, но вместе с ее холодом ушла и та обманчивая тишина, которая иногда позволяла бойцам перевести дух. Теперь фронт ожил, пришел в движение, как огромная, разбуженная от спячки змея, которая начала свое смертоносное скольжение по израненной, истерзанной земле. Началась специальная военная операция, и каждый новый день приносил с собой не просто бои, а полноценные наступательные операции, где ставки были выше, потери - ощутимее, а победы - горше, потому что за каждую из них платили кровью.

Алексей чувствовал это всей своей сутью. Его подразделение продвигалось вперед, освобождая поселки и села, которые месяцами находились под контролем украинских военных. Это была не просто война за территорию - это была война за людей, за семьи, за дома, которые месяцами жили под обстрелами, прятались в подвалах, теряли близких. Алексей видел глаза мирных жителей, когда они входили в освобожденные поселки. В этих глазах была смесь радости, недоверия, страха и надежды. Кто-то выбегал навстречу с цветами, кто-то плакал от счастья, а кто-то просто молча стоял у разбитых домов и смотрел, как проходят военные, не зная, что принесет им завтрашний день.

Но война есть война. Каждый шаг вперед давался ценой крови. Артиллерия работала круглосуточно, земля дрожала от взрывов, а небо, казалось, было начинено смертью. Беспилотники «Байрактар» не исчезли - они продолжали барражировать над позициями, и теперь их стало еще больше, но теперь у ополченцев появилось то, чего не было осенью и зимой, - опыт. Они научились маскироваться так, что тепловизоры их почти не видели. Они научились использовать ложные цели, отвлекающие маневры, и самое главное - они научились сбивать эти машины.

Однако наступление требовало выхода из укрытий, движения по открытой местности, и именно в эти моменты дроны наносили самые болезненные удары. Алексей терял товарищей одного за другим. Каждое новое имя, которое он

добавлял в свой блокнот, отдавалось в сердце острой болью, но он не позволял себе остановиться. Он не мог остановиться, потому что за его спиной была его семья, его дом, его правда.

Однажды, в середине апреля, во время штурма очередного поселка, случился момент, который навсегда остался в памяти Алексея. Наступление шло тяжело: противник закрепился на окраине, используя старые укрепления и оставшиеся с прошлых лет блиндажи. Алексей со своим взводом получил задачу подавить огневую точку противника, чтобы дать дорогу пехоте. Они двигались вдоль старой лесополосы, пригибаясь, перебегая от дерева к дереву, когда в небе появился характерный, низкий гул. Алексей поднял голову и увидел его - «Байрактар», который медленно, почти лениво, кружил над ними, высматривая цели.

Сердце забилося быстрее, но в этот раз в груди не было страха. Была холодная, расчетливая злость. Алексей знал, что у них есть шанс. За несколько недель до этого он проводил интенсивные тренировки с крупнокалиберным пулеметом ДШК, который был закреплен на одной из позиций. Он изучил баллистику, научился рассчитывать упреждение, знал уязвимые места дрона и теперь, когда этот стервятник кружил над его людьми, он чувствовал, что настал его час.

- Витька! Пулемет! - крикнул он, перекрывая гул мотора.  
- Прикрой меня, я попробую достать его!

Витька понял все без слов. Он дал очередь по позициям

противника, чтобы отвлечь внимание, пока Алексей бежал к пулеметной точке, расположенной на небольшом возвышении. Там, рядом с ржавой арматурой, стоял ДШК - старый, но надежный, с оптическим прицелом, который Алексей самолично отрегулировал накануне.

Он упал за пулемет, прижался плечом к прикладу, поймал дрон в перекрестие. Тот двигался по сложной траектории, как будто оператор чувствовал опасность, но Алексей не спешил. Он вспомнил свои тренировки, вспомнил, как учил бойцов стрелять с упреждением. Он выдохнул, сделал поправку на ветер, на скорость дрона и нажал на спуск.

Длинная очередь из крупнокалиберных пуль прошла воздух. Первые выстрелы ушли в молоко - трассеры ушли чуть в сторону, но Алексей не отпускал спуск, корректируя прицел на ходу, стреляя не туда, где дрон был, а туда, где он будет через секунду.

И вдруг он увидел, как одна из пуль нащупала цель. Дрон дернулся, как подбитая птица, из его корпуса повалил черный, маслянистый дым, и он начал терять высоту, неуклюже заваливаясь на крыло. Еще секунда - и беспилотник рухнул в поле, поднимая фонтан земли и снега, оставляя за собой шлейф черного дыма, который поднимался к весеннему небу, как зловещий памятник его падению.

На мгновение воцарилась тишина. А затем бойцы, наблюдавшие за этим, закричали. Кто-то засвистел, кто-то хлопал Алексея по плечам, кто-то кричал «Ура!». Витька

подбежал первым, схватил его за плечи и тряс, как будто не веря своим глазам:

- Ты сделал это, Бондарь! Ты сбил эту тварь! Ты видел, как она горела? Ты - настоящий ас, черт возьми!

Вокруг собрались бойцы, обнимали его, жали руки, но Алексей не чувствовал той радости, которая светилась в их глазах. Он смотрел на дымящиеся обломки дрона, которые лежали в поле, и в голове его проносились совсем другие картины. Он видел лица Сергея и Дмитрия, погибших в ноябре. Он видел двух молодых парней из февраля, которые так и не успели привыкнуть к этой войне. Он видел десятки других лиц, чьи имена были записаны в его блокноте, чьи глаза навсегда закрылись под ударами таких же машин.

Он отстранился от товарищей, глубоко вздохнул и сказал тихо, почти про себя:

- Это ничего не вернет. Это просто машина. А они... они не вернуться.

Витька услышал это и сразу изменился в лице. Он подошел ближе, положил руку на плечо Алексея и сказал уже не так громко, а так, чтобы слышал только он:

- Ты прав. Это не вернет их, но это значит, что еще несколько наших ребят останутся живы. Этот дрон не убьет их сегодня и завтра и через неделю. Ты спас жизни, Бондарь. Ты сделал то, что должен был. Это и есть победа. Маленькая, но важная.

Алексей посмотрел на друга, и в его глазах мелькнула

слабая, едва заметная улыбка. Он знал, что Витька прав. Он сбил дрон, и это была победа, но внутри него все еще жила та глухая, тягучая боль, которая появлялась каждый раз, когда он вспоминал павших. Он знал, что война не закончится с падением одного дрона, что впереди будут еще бои, еще потери, еще имена в блокноте, но он также знал, что должен идти дальше.

Вечером, когда бой затих, а поселок был полностью освобожден, Алексей вернулся на свою временную позицию. Он сидел на бруствере, глядя на закат, который разливался по небу багряно-золотыми полосами. Весна вступала в свои права, природа оживала, несмотря на все разрушения. Где-то вдалеке пели птицы, и этот звук был настолько мирным, что казался несовместимым с войной.

Он достал из кармана блокнот и открыл его на последней странице. Имена. Список рос, и он знал, что будет расти дальше, но он также знал, что у него есть цель. Он защищает своих близких, свою землю, свою правду и это придавало ему сил.

Он закрыл блокнот, убрал его в карман и посмотрел на небо. Весеннее небо было чистым и высоким, без единого облачка. На мгновение он позволил себе представить, что война уже закончилась, что он дома, что мама ставит на стол его любимый борщ, что отец хлопает его по плечу, что Катя смеется, а племянники бегают вокруг. Это было просто видение, но оно согревало его, как тепло родного очага.

Он знал, что впереди его ждут новые испытания. Наступление продолжалось, и враг не собирался сдаваться, но он также знал, что теперь он готов к чему угодно. Он прошел через страх, через боль, через потери. Он научился смотреть смерти в глаза и не отводить взгляда. Он научился бороться с тем, что раньше казалось непобедимым.

И в этом была его сила. В этом была сила всех Бондаренко, которые не сдаются, не отступают и не перестают верить. Они строят мосты через ад, соединяя сердца и судьбы, потому что это единственное, что имеет значение в этом мире - любовь, вера и надежда на лучшее.

Часть 9. Разговор с Витькой

*Донецк, май 2022 года.*

Май пришел на донецкую землю с запоздалым теплом и запахом цветущих акаций, который, казалось, был несовместим с запахами гари, пороха и сырой земли, пропитавшими каждую пядь этой многострадальной территории. Фронт снова пришел в движение - наступление продолжалось, и каждый день приносил новые бои, новые переходы, новые потери, но в тот вечер, после тяжелого боя за очередную высоту, наступила редкая передышка. Противник откатился на несколько километров, и артиллерия замолкла, словно тоже взяла паузу, чтобы перевести дух.

Алексей и Витька сидели в блиндаже, который стал их временным убежищем на этой позиции. Это была старая, полуразрушенная землянка, где когда-то, еще до войны, хра-

нили сельскохозяйственный инвентарь. Стены были укреплены почерневшими от времени бревнами, потолок подпирали ржавые трубы, а в центре стоял самодельный стол из досок, на котором горела коптилка - небольшая жестяная банка с фитилем, опущенным в солярку. Свет был тусклым, но достаточным, чтобы видеть лица друг друга.

Витька сидел на ящике из-под патронов, сняв бронежилет и положив его рядом. Его лицо было изможденным, покрытым копотью и грязью, глаза покраснели от недосыпа и постоянного напряжения. Он вертел в руках зажигалку, которую привез с собой еще из дома - старую, потертую, с выгравированным на боку якорем. Эта зажигалка была его талисманом, единственной вещью, напоминающей о той, другой жизни, где не было взрывов и смертей. Он щелкнул ею, и маленький огонек на мгновение осветил его лицо, высветив глубокие морщины вокруг глаз, которые появились всего за несколько месяцев войны.

Тишина затягивалась, но она не была тягостной. Это была та особенная тишина, когда два человека, прошедшие через ад, просто чувствуют дыхание друг друга и знают, что могут не говорить.

Наконец Витька заговорил. Его голос был глухим, чуть хриплым, и в нем слышалась та усталость, которую он обычно прятал за грубоватым юмором и лихими шутками.

- Знаешь, Бондарь, я иногда думаю: сколько еще? - он перевел взгляд на свечу, и огонек отразился в его глазах. -

Сколько еще наших ребят погибнет, прежде чем эта война закончится? Сколько еще имен я должен запомнить, сколько еще лиц я должен увидеть в последний раз? Я смотрю на этих молодых парней, которые приходят к нам, совсем еще зеленых, с горящими глазами и верой, что они защищают свою землю. Я смотрю на них, и я вижу их надежду. А потом я вижу, как они уходят. Просто уходят и я не знаю, сколько еще таких будет и от этого мне иногда хочется просто забиться в угол и закрыть глаза.

Алексей долго молчал, глядя на огонь. Он знал, что Витька редко говорит о таких вещах. Обычно он отшучивался, переводил разговор на другое, прятал свою боль за маской безразличия, но сейчас маска спала, и Алексей видел перед собой не просто боевого товарища, а человека, который устал до предела, который потерял слишком много и который боится, что может потерять еще больше.

Он откашлялся и заговорил, стараясь, чтобы голос звучал твердо, хотя внутри у него самого все дрожало:

- Я не знаю, Витька. Честно. Я не знаю, когда закончится эта война, и сколько еще жизней она заберет. Я могу сказать тебе, что мы должны продолжать, что мы не имеем права сдаваться, что мы обязаны защищать своих и это все правда, но это не значит, что мне самому не страшно. Я тоже боюсь. Я боюсь, что завтра не увижу рассвета. Что мама получит похоронку. Что я не увижу Катю, не обниму ее, не скажу, как я ее люблю. Я боюсь, что все это окажется напрасным, но я

знаю одно: пока я дышу, я буду делать то, что должен. Ради тех, кто уже погиб. Ради тех, кто еще жив. Ради тех, кто будет жить после нас и я верю, что когда-нибудь это закончится и я вернусь домой.

Витька услышал в голосе Алексея ту самую твердую уверенность, которая всегда помогала ему держаться, даже когда казалось, что сил больше нет, но в этот раз он не хотел просто кивнуть и принять слова друга. Он хотел сказать то, что лежало у него на душе уже давно, то, что он боялся произнести вслух даже перед самим собой.

- Я устал, Бондарь, - сказал он, и голос его дрогнул. - Я так устал от этой войны, от этих потерь, от этого бесконечного страха. Знаешь, у меня дома, в Севастополе, осталась дочка. Алиса. Ей шесть лет. Когда я уезжал, она обняла меня и сказала: «Папа, ты же вернешься? Ты же приедешь на мой день рождения?». Я тогда не знал, что ответить. Я просто поцеловал ее и сказал: «Конечно, маленькая. Я приеду». А теперь я сижу здесь, в грязи, и не знаю, увижу ли я ее снова. Что я ей скажу, если я не вернусь? Что я скажу ей, когда она вырастет и спросит, почему у нее нет папы? Я хочу, чтобы это закончилось. Я хочу вернуться к ней, обнять ее, провести рукой по ее волосам и сказать, что я люблю ее, но я не знаю, когда это случится и это убивает меня больше, чем пули и бомбы.

Алексей поднял глаза на друга. Он видел, как по щеке Витьки скатилась слеза, и он не отвел взгляда. В этот момент

они были не просто сослуживцами, а братьями, которые делили друг с другом самую сокровенную боль. Алексей встал, подошел к ящику, где сидел Витька, и опустился рядом, положив руку ему на плечо.

- Слушай меня, Витька, - сказал он тихо, но твердо. - Я тоже хочу, чтобы это закончилось. Я тоже хочу вернуться домой и обнять своих близких, но мы не можем сдаться. Мы не можем остановиться. Если мы остановимся сейчас, все те, кто погиб, все те, кто отдал свои жизни за эту землю, за эту свободу - их жертва будет напрасной. Мы не имеем права позволить этому случиться. Мы должны продолжать, мы должны верить, что когда-нибудь этот кошмар закончится и когда он закончится, ты вернешься к своей Алисе. Ты обнимешь ее, и она скажет тебе, как она по тебе скучала. Ты увидишь, как она растет, как она смеется, как она становится счастливой и ты будешь знать, что ты сделал все, чтобы у нее было это будущее. Мы не имеем права отнимать у наших детей их будущее, Витька. Мы должны защитить его.

Витька вытер слезы рукавом и долго смотрел на огонь. Потом он глубоко вздохнул, и в этом вздохе, казалось, смешались все его боли и надежды.

- Знаешь, Бондарь, - сказал он, и в голосе его впервые за этот вечер послышалось что-то похожее на улыбку, - когда я с тобой говорю, мне становится легче. Ты всегда знаешь, что сказать. Ты умеешь превращать отчаяние в уверенность. Я иногда думаю, что ты специально для этого создан что бы

поднимать людей, когда они падают.

Алексей усмехнулся, но в усмешке не было веселья - только тепло, которое было между ними.

- Я просто говорю то, что сам хочу услышать, - ответил он. - Мы все через это проходим. Главное - не оставаться одному. Если мы будем держаться вместе, если будем поддерживать друг друга, мы выстоим. Мы - Бондаренко, Витька. А Бондаренко не сдаются. Это не просто слова. Это то, что в нашей крови.

Витька кивнул, чувствуя, как слова Алексея проникают в его сердце, как они заполняют ту пустоту, которая образовалась внутри за эти долгие месяцы войны. Он сжал кулаки, и в этом жесте была та самая решимость, которая всегда возвращалась к нему после таких разговоров.

- Ты прав, Бондарь. Мы не сдадимся. Мы будем идти до конца и я увижу свою Алису. Я дождусь этого дня. А пока я буду бороться. Я буду бороться за нее, за ее будущее, за то, чтобы она никогда не узнала, что такое война. Я сделаю все, что в моих силах.

Они замолчали, глядя на огонь коптилки, и в этой тишине было больше, чем в любых словах. Снаружи доносились редкие звуки - далекая артиллерийская канонада, крик ночной птицы, ветер, гуляющий между разрушенных домов, но здесь, внутри, был их маленький мир, в котором они могли быть собой, не боясь показать слабость.

Алексей достал из вещмешка фляжку с теплым чаем, раз-

лил его по двум кружкам и протянул одну Витьке.

- Пей, - сказал он. - За Алису. За мир. За то, чтобы мы вернулись домой.

Витька взял кружку, их руки встретились, и в этом пожатии была вся их дружба - крепкая, нерушимая, прошедшая через огонь, воду и медные трубы войны.

- За Алису, - повторил Витька. - За дом. За нас.

Они выпили горячий чай, и тепло разлилось по всему телу, согревая не только тело, но и душу. Витька улыбнулся впервые за вечер - той самой улыбкой, которая появлялась у него, когда он думал о своей дочке.

Они еще долго сидели в блиндаже, говоря о том, о сем, вспоминая довоенную жизнь, смеясь над смешными случаями, которые когда-то казались такими неважными, а теперь стали бесценными и когда наступила полночь, а коптилка почти догорела, они замолчали, готовясь ко сну.

Алексей лег на нары, укрываясь старым бушлатом, и посмотрел на друга, который уже начал засыпать на соседней лежанке. Он знал, что завтра их ждет новый бой, новые вызовы, новые испытания, но он также знал, что у него есть Витька, который разделит с ним эту ношу, что они вместе выстоят, что они вместе дойдут до конца.

И это знание согревало его сердце сильнее любой печки. Потому что любовь к своим близким, верность товарищам, вера в правое дело - это то, что делает человека человеком, делает его сильным, делает его свободным.

Он закрыл глаза и почувствовал, как сон окутывает его мягким покрывалом. В последний момент перед тем, как провалиться в дремоту, он прошептал в темноту:

- Мы справимся, Витька. Мы обязательно справимся и мы вернемся домой. Это обещание.

И где-то в темноте, уже почти засыпая, Витька ответил едва слышно:

- Знаю, Бондарь. Знаю.

Они будут продолжать строить свои мосты через войну, соединяя сердца и судьбы, несмотря на все преграды. Они будут верить, что свет победит тьму, что жизнь победит смерть, что любовь победит ненависть и они будут ждать того дня, когда они смогут обнять своих близких и сказать им, как они их любят.

Часть 10. Письмо от отца

*Донецк, июнь 2022 года.*

Июнь вступил в свои права с той особенной, южной щедростью, которая бывает только на Донбассе. Зной стоял такой, что воздух дрожал над полями, а трава, пробившаяся сквозь воронки и окопы, пахла полынью и чабрецом. Война не утихала, но природа жила своей жизнью, наполняя пространство запахами цветущих акаций и молодой листвы, которые казались несовместимыми с запахами гари и пороха. Именно в это время, когда лето уже вступило в свои права, связной передал Алексею тяжелый, чуть помятый конверт. На нем был тот самый почерк, который Алексей знал с дет-

ства - уверенный, четкий, с прямыми, мужскими линиями, без лишних завитушек. Почерк человека, который привык писать рапорты и вахтенные журналы, но который мог написать и письмо сыну с такой силой, что каждое слово отдавалось в груди.

Алексей сразу узнал руку отца. Андрей Бондаренко, капитан дальнего плавания, подводник, прослуживший на флоте больше тридцати лет, писал так же, как и ходил под водой - прямо, четко, без лишних движений. Конверт был чуть влажным - то ли от пота связного, то ли от июньской росы, но на нем отчетливо виднелись чернильные буквы, выведенные твердой рукой.

Алексей не стал ждать. Он отошел в тень старого, полуразрушенного сарая, где было чуть прохладнее, и дрожащими пальцами вскрыл конверт. Внутри лежало два плотных листа бумаги, исписанных с обеих сторон ровным, но чуть более крупным, чем обычно, почерком. Отец явно писал не торопясь, обдумывая каждое слово, как будто знал, что эти строки станут для сына опорой в самые тяжелые моменты.

Алексей сел на обломок бетонной плиты и начал читать. Первые строки ударили в самое сердце:

*«Сынок, здравствуй, мой родной! Пишу тебе это письмо из дома, в тихой ночи, когда все уже спят, а я сижу на кухне и смотрю на твою фотографию на стене. Ты стоишь на ней в форме, такой серьезный, взрослый. Я смотрю на те-*

*бя и вижу себя в молодости. Такой же взгляд, такая же осанка, такая же готовность идти до конца. Знаешь, когда я был в твоём возрасте, я тоже прошёл через ад. Только мой ад был под водой, в стальных коробках, на глубине, куда не проникает солнечный свет. Мы выходили в автономное плавание на месяцы, и смерть всегда была рядом - в виде торпед, акустических мин или просто технической поломки. Я знаю, что такое терять товарищей. Я знаю, что такое смотреть смерти в глаза и не отводить взгляда. Я знаю, как тяжело нести груз ответственности за жизни других людей, но я также знаю, что человек способен на многое, когда у него есть за что бороться. У тебя есть за что бороться, Алёша. У тебя есть семья, которая любит тебя. У тебя есть дом, который ждёт тебя. У тебя есть правда, за которую ты стоишь. Это - самое главное. Это то, что делает тебя сильным.»*

Алексей перечитал эти строки дважды. Он знал, что отец редко говорит о своей службе - он не любил вспоминать холод, темноту и тесные отсеки субмарины, где воздух становился спертым, а время тянулось бесконечно, но сейчас он открылся сыну, показал ему свою боль, свой опыт, свою силу и это была не просто история - это было наследие, которое передавалось из поколения в поколение.

Он перевернул страницу и продолжил читать. Буквы стали чуть крупнее, как будто отец хотел, чтобы каждое слово отпечаталось в сознании сына навсегда:

*«Я знаю, что ты сейчас видишь то, что невозможно забыть. Ты видишь смерть, разрушения, горе тех, кто теряет близких. Ты сам теряешь товарищей и носишь их память в своем сердце. Это тяжелый крест, сынок, но ты не должен нести его один. Мы все с тобой - каждый из нас чувствует твою боль. Мама молится за тебя каждую ночь. Катя пишет тебе письма и ждет весточек. Лена и Андрейка спрашивают о тебе каждый день. Мы все - твоя опора и я хочу, чтобы ты знал: я горжусь тобой, Алёша. Горжусь тем, что ты мой сын. Горжусь тем, что ты не сдался, когда было тяжело. Горжусь тем, что ты защищаешь слабых, что ты борешься за правду, что ты остаешься человеком в нечеловеческих условиях. Это - самое важное, что я могу сказать тебе, как отец. Ты не просто солдат. Ты - человек с большой буквы и я верю, что ты выступишь. Я верю, что ты вернешься домой и когда ты вернешься, мы сядем на кухне, я заварю чай, и мы поговорим обо всем. О жизни, о войне, о будущем. Я буду слушать тебя, и я буду гордиться тобой еще больше, если это возможно.»*

Алексей почувствовал, как по щеке скатилась слеза. Он не пытался ее скрыть. Здесь, в тени разрушенного сарая, никто не видел его слез, и он мог позволить себе эту слабость. Он прижал письмо к груди и закрыл глаза. Перед ним встал образ отца - высокого, с седеющими висками и пронзительным взглядом, который видел океанские глубины и умел различать опасность задолго до того, как она появлялась. Отец,

который научил его быть мужчиной, который передал ему не просто знания, а саму суть стойкости.

Последний абзац письма был написан чуть дрожащей рукой - отец явно волновался, когда выводил эти строки:

*«Алёша, я хочу, чтобы ты запомнил одну вещь. Что бы ни случилось, как бы тяжело ни было, ты всегда можешь рассчитывать на нас. Мы - твоя семья. Мы - твой тыл. Мы - твоя сила. Ты никогда не будешь один, потому что мы всегда будем с тобой - мысленно, сердцем, душой. Береги себя, сынок. Жди нас, и мы будем ждать тебя. Твой отец.»*

Алексей долго сидел неподвижно, глядя на строчки, которые держал в руках. В голове его проносились воспоминания: как отец учил его держать удочку, как водил на море и показывал корабли, как объяснял, что такое честь, долг и верность. Он вспомнил, как отец провожал его на войну - стоял у калитки, не плакал, не говорил лишних слов, просто крепко пожал руку и сказал: «Ты справишься, сын. Ты - Бондаренко» и вот теперь, спустя столько месяцев, он снова услышал этот голос, но уже не в памяти, а на бумаге, которая пахла домом и отцовской заботой.

Он аккуратно сложил письмо, приложил его к груди, где билось сердце, и убрал в нагрудный карман грязной, пропотевшей куртки. Рядом уже лежали письма от Кати и матери - целый архив любви и надежды, который он носил с собой в самые опасные бои. Теперь к ним присоединилось письмо от отца, и Алексей чувствовал, как эта ноша не тяготит его,

а дает ему крылья.

Когда он вернулся в блиндаж, Витька сидел на нарах и чистил автомат. Он поднял глаза, увидел лицо Алексея и сразу все понял.

- Опять письмо? - спросил он, и в голосе его звучала теплота.

- От отца, - ответил Алексей, и в голосе его слышалась та особая, спокойная уверенность, которая появлялась у него после каждого такого письма. - Он пишет, что гордится мной. Что он тоже прошел через войну - подводную, холодную и что он знает, что я выстою.

Витька усмехнулся:

- Крепкий у тебя отец, Бондарь. Я смотрю на тебя, и я понимаю, в кого ты пошел. Тот же характер, та же сталь. Теперь понятно, почему ты никогда не сдаешься.

Алексей улыбнулся. В этой улыбке не было усталости - только свет.

- Спасибо, Витька. Он научил меня многому и теперь я знаю, что его слова - это не просто слова. Это наказ, который я должен выполнить. Я должен выжить. Я должен вернуться. Потому что меня ждут.

Той ночью Алексей не мог заснуть. Он лежал на нарах, смотрел на темный потолок блиндажа и думал о своем отце. Он представлял его сидящим на кухне, в полумраке, с чашкой чая в руках. Он представлял, как отец смотрит на его фотографию и шепчет те самые слова, которые потом ложи-

лись на бумагу и это видение давало ему такое чувство защищенности, какого он не испытывал уже много месяцев.

Он знал, что война продолжается, что впереди еще бои, еще потери, еще испытания, но теперь он носил в своем сердце не только боль и гнев, но и огромную любовь и веру, которые передал ему отец и это делало его сильнее, чем любой бронезилет, чем любое оружие.

Он закрыл глаза и прошептал в темноту:

- Спасибо, батя. Я вернусь. Обещаю.

И где-то вдалеке, за тысячи километров от него, в Севастополе, Андрей Бондаренко сидел на кухне и смотрел на фотографию сына. Он не знал, что Алексей только что прочитал его письмо и дал обещание вернуться, но он чувствовал это - той самой связью, которая соединяет отца и сына даже через расстояния и войны.

Часть 11. Лето

*Донецк, июль 2022 года.*

Июль в Донбассе - это не просто календарный месяц. Это испытание на прочность, когда солнце стоит в зените, раскаляя землю до такой степени, что воздух становится плотным и тяжелым, как перед грозой, а пыль, поднимаемая танками и грузовиками, оседает на лицах бойцов липкой, серой коркой. Война не знает выходных и отпусков, не признает жары и усталости. Она просто продолжается - ритмично, безжалостно, как сердцебиение огромного, раненого зверя и летом 2022 года этот зверь был особенно активен.

Бои шли практически непрерывно. После начала специальной военной операции фронт сместился, и теперь подразделение Алексея участвовало в освобождении одного населенного пункта за другим. Каждый день приносил новые задачи, новые переходы, новые встречи с противником. Алексею казалось, что время растянулось, превратилось в бесконечную ленту, где дни перемешались с ночами, а бои - с краткими, редкими передышками. Он почти перестал считать дни, ведя свой личный календарь только по записям в блокноте - тем самым блокноте, где рос список павших товарищей.

Беспилотники «Байрактар» все еще появлялись в небе, но теперь они уже не были той всепоглощающей угрозой, какой казались осенью и зимой. Ополченцы научились с ними бороться. Система маскировки стала почти идеальной: тепловые ловушки, ложные позиции, костюмы, сливающиеся с окружающим ландшафтом. Крупнокалиберные пулеметы, установленные на ключевых точках, теперь могли достать дроны, если те снижались для атаки. Алексей лично проводил тренировки, учил бойцов стрелять с упреждением, правильно рассчитывать ветер и дистанцию. Он видел, как его ребята превращаются из напуганных новобранцев в уверенных бойцов, которые знают, как противостоять технологиям.

Но потери все равно были и каждое новое имя, которое Алексей добавлял в свой список, отдавалось в сердце острой,

пульсирующей болью. Он не позволял себе заикливаться на них, не давал боли поглотить его, но он помнил каждое лицо, каждый голос, каждую улыбку. Он носил эти воспоминания в себе, как носят тяжелый, но драгоценный груз.

Однажды, в середине июля, во время наступления на очередной укрепленный район, случилось то, чего Алексей не мог предвидеть. Бой завязался жестокий, ожесточенный. Противник использовал закрепленные позиции, минометы и плотный пулеметный огонь. Алексей, как всегда, был впереди, корректируя действия своих бойцов, когда рядом разорвался снаряд. Он услышал свист, успел пригнуться, но было поздно - осколок, раскаленный и острый, как бритва, впился ему в левое плечо.

Боль была резкой, почти невыносимой. Она обожгла его, и на мгновение перед глазами поплыли черные круги. Он упал, чувствуя, как по руке течет что-то горячее и липкое. Кто-то кричал, кто-то подбегал к нему, но он не мог разобрать слов. Затем его подхватили, потащили в укрытие, быстро перевязали рану, наложили жгут. Только когда он оказался в относительной безопасности, боль стала немного утихать, превратившись в тупую, ноющую пульсацию.

Он посмотрел на свою руку - бронежилет был порван, на плече виднелась глубокая рана, но крови было не так много, как он боялся. Осколок прошел по касательной, не задев кость и крупные сосуды. Его зашили прямо в полевых условиях, и командование приняло решение отправить его в ты-

ловой госпиталь - там, где работала Лена.

Когда санитарный транспорт, разбитый и пыльный, остановился у здания бывшей школы, переоборудованной под госпиталь, Алексей чувствовал себя странно - он был одновременно измотан и взволнован. Он не видел Лену уже несколько недель, и даже сквозь боль и усталость это известие согревало его сердце. Его проводили в палату, переодели, сделали полноценную операцию, а затем он лежал на койке, глядя в беленый потолок, и ждал.

Она вошла тихо, почти беззвучно. На ней был белый халат, волосы собраны в строгий пучок, на лице - профессиональная маска сосредоточенности, но Алексей видел ее глаза - те самые, что сияли любовью и тревогой. Она подошла к койке, присела рядом, и молча взяла его за руку. Ее пальцы были прохладными, чуть дрожащими. Она смотрела на повязку, на его бледное лицо, и в глазах ее стояли слезы, которые она сдерживала из последних сил.

- Лена, - прошептал он, пытаясь улыбнуться. - Я снова здесь. Ты же не прогонишь меня?

Она всхлипнула, но улыбнулась в ответ. Затем начала обрабатывать рану - профессионально, быстро, но в каждом движении ее рук чувствовалась нежность. Когда она закончила, она села на край койки, взяла его за здоровую руку и посмотрела в глаза. Ее голос дрожал, когда она начала говорить:

- Ты когда-нибудь перестанешь воевать, Алёша? - она

сглотнула ком в горле, и слезы потекли по ее щекам. - Я не могу больше видеть тебя раненым. Я не могу каждый раз бояться, что тебя привезут в госпиталь мертвым. Я хочу, чтобы ты был рядом, чтобы мы могли жить нормальной жизнью. Чтобы наши дети не боялись за тебя. Чтобы я не просыпалась ночью от страха, что услышу звонок с плохими новостями. Сколько еще? Сколько еще таких раз я должна пережить?

Алексей сжал ее руку своими пальцами. Он видел ее боль, ее страх, и в его груди что-то сжалось от этого. Он знал, что она права. Он знал, что причиняет ей боль своим выбором, но он также знал, что не может поступить иначе.

- Когда война кончится, - ответил он тихо, но в голосе его слышалась та твердая уверенность, которая была его чертой. - Я не могу уйти сейчас, Лена. Ты понимаешь? Я не могу бросить своих товарищей, не могу позволить, чтобы все, что мы сделали, оказалось напрасным. Я должен быть там.

- А если она не кончится? - спросила она, и голос ее стал почти шепотом, в котором слышалась вся глубина ее отчаяния. - Если она будет длиться годы, десятилетия? Что тогда? Ты всю жизнь проведешь в окопах? Ты умрешь там, не увидев, как растут наши дети? Я не хочу этого, Алёша. Я хочу, чтобы у нас было будущее.

Он замолчал. Слова застыли у него в горле, потому что он не знал, что ответить. Он не мог сказать ей, что все будет хорошо, потому что не знал этого. Он не мог пообещать, что

завтра война закончится, потому что это было ложью. Он мог только сказать правду - ту самую, которую носил в своем сердце.

- Тогда - никогда, - сказал он, и голос его был твердым, но в нем слышалась та горечь, которую он редко показывал. - Я не могу просто уйти, Лена. Я должен защищать вас. Защищать наш дом, наше будущее, нашу землю. Это моя ответственность, и я не могу ее бросить, даже если это тяжело. Если я уйду сейчас, все, что мы построили, все, за что мы боролись, окажется напрасным. Я не могу этого допустить.

Лена заплакала, уткнувшись ему в плечо, и ее слезы были горячими, как огонь. Она не рыдала, не кричала - она просто плакала, выплескивая ту боль, которую копила месяцами, которая разъедала ее изнутри. Алексей обнял ее здоровой рукой, прижал к себе, глядя по волосам, и чувствовал, как ее тело дрожит от беззвучных рыданий.

- Прости, Лена, - прошептал он. - Я не хотел тебя расстраивать. Я знаю, как тебе тяжело. Я знаю, как ты боишься за меня, но я не могу по-другому. Я должен быть там. Я должен защищать вас, чтобы у нас было будущее. Я обещаю тебе: я вернусь. Я всегда возвращаюсь. Всегда. Потому что я люблю вас. Потому что я не могу представить свою жизнь без вас и я сделаю все, чтобы мы были вместе.

Она подняла на него глаза, мокрые от слез, с красными веками, и в них была та же любовь, которая была у них с самого начала - та, что не угасала под ударами войны, не

гасла от страха, не ржавела от разлук.

- Я знаю, Алёша, сказала она, и голос ее стал тверже, хотя слезы все еще текли по щекам. - Я знаю, что ты вернешься. Я просто боюсь... боюсь, что однажды ты не сможешь, но я буду ждать тебя. Сколько бы времени это ни заняло, я буду ждать. Потому что ты - моя жизнь. Моя надежда. Мое будущее и я люблю тебя. Сильнее, чем любые слова могут выразить.

Она прижалась к нему, и они сидели обнявшись, чувствуя, как их сердца бьются в унисон. Стук ее сердца был быстрым, встревоженным, но он постепенно успокаивался под его рукой. Он гладил ее по плечу, чувствуя, как напряжение уходит из ее тела, как она начинает верить его словам, как она находит силы, чтобы продолжать ждать.

В палате было тихо. Только далекие звуки с улицы - редкие автомобили, чьи-то голоса - доносились сквозь открытое окно, за которым виднелось летнее небо, чистое и бесконечное. В этом небе не было дронов, не было взрывов - только облака, которые медленно плыли куда-то на восток, и солнце, которое заливало комнату теплым, золотистым светом.

Алексей смотрел на это небо и чувствовал, как внутри него растет надежда. Надежда на то, что когда-нибудь они смогут жить под этим небом без страха. Надежда на то, что Лена сможет спать спокойно. Надежда на то, что его дети никогда не узнают, что такое война.

Он знал, что путь будет долгим. Что впереди еще много

боев, много потерь, много боли, но он также знал, что у него есть Лена, есть семья, есть друзья, и это давало ему силы идти дальше.

Он поцеловал ее в макушку и прошептал:

- Мы справимся, Лена. Все будет хорошо. Я верю в это.

Она подняла голову, улыбнулась сквозь слезы и сказала:

- Я тоже верю, Алёша. Я всегда буду верить в тебя.

Они замолчали, обнявшись, и в этой тишине было больше, чем в любых словах. Они строили свои мосты через войну, соединяя сердца и судьбы, несмотря на все препятствия и это единственное, что имело значение в этом мире.

Через несколько дней Алексей вернулся на фронт. Его плечо еще болело, но он не мог позволить себе оставаться в госпитале, когда его товарищи сражались. Лена провожала его, не плача, но в ее глазах была та же боль, что и в первый раз. Она обняла его, поцеловала в щеку и сказала:

- Возвращайся. Я буду ждать.

Он кивнул, сел в машину и уехал и весь путь он держал руку на том месте, где в кармане лежала фотография Лены и их детей. Это был его талисман, его броня, его сила.

Часть 12. Осень

*Донецк, сентябрь 2022 года.*

Сентябрь пришел на донецкую землю с той особенной, пронзительной красотой, которая бывает только в преддверии осени. Листья на деревьях, чудом уцелевших после артиллерийских обстрелов, начали желтеть и приобретать

багряные оттенки, создавая странный, почти сюрреалистический контраст с серой, израненной землей. Воздух стал прозрачным и прохладным, наполнившись запахом прелой листвы и дыма от далеких костров. Война не ушла, она не могла уйти - она была частью этого пейзажа, частью этого воздуха, частью жизни каждого, кто оставался на передовой, но ее ритм изменился. Интенсивность боев снизилась, и наступило то относительное затишье, которое всегда дает возможность перевести дух, перегруппироваться и, самое главное, передать опыт тем, кто только вступает на этот тяжелый путь.

Алексей чувствовал это затишье каждой клеткой своего тела. После месяцев непрерывных наступлений, после бесконечных переходов и боев, он мог, наконец, выдохнуть. Не полностью - война не позволяла расслабиться до конца, но достаточно, чтобы оглянуться назад и увидеть, как далеко они продвинулись. Беспилотники «Байрактар» все еще появлялись в небе, но теперь они не были той всепоглощающей угрозой, какой казались год назад. Опыт, накопленный ценой крови и потерь, превратил ополченцев в охотников, а не в дичь. Ложные цели, тепловые ловушки, расчетливая маскировка, умелая стрельба из крупнокалиберных пулеметов - все это работало. Дроны стали сбивать чаще, и операторы врага стали более осторожными, более предсказуемыми и в этой трансформации была заслуга Алексея - человека, который не просто воевал, но учился, анализировал и

передавал знания другим.

Именно поэтому сейчас, в середине сентября, он стоял перед группой молодых бойцов на небольшой, расчищенной от мусора площадке за разрушенным фермерским домом. Их было около двадцати - совсем молодые парни, многие из которых только что пришли на фронт, еще не обстрелянные, но уже полные решимости и желания защитить свою землю. Они смотрели на Алексея с уважением и вниманием, и в их глазах горела та самая искра, которую он сам носил в себе год назад - смесь страха, надежды и веры в то, что они справятся.

Алексей окинул их взглядом. Он видел их лица - кто-то был еще почти мальчишкой с едва пробивающимся пушком над губой, кто-то уже носил на лице следы усталости, которая появляется после первых недель на передовой. Они были разными, но всех их объединяло одно - они пришли сюда, чтобы защищать свой дом и Алексей чувствовал ответственность за них. Он должен был научить их не просто стрелять, не просто маскироваться, а - выживать.

Он подошел к самодельному стенду, на котором были схематично изображены силуэты «Байрактара ТБ2» с выделенными уязвимыми зонами, и начал говорить. Его голос был ровным, уверенным, без лишней пафосности, но каждое слово падало в тишину с той тяжелой весомостью, которая появляется у человека, прошедшего через огонь:

- Главное - не бояться, - сказал он, глядя на них. - Страх

убивает быстрее пули. Если ты боишься - ты уже проиграл, еще до того, как начал стрелять. Страх заставляет тебя дрожать, заставляет ошибаться, заставляет видеть опасность там, где ее нет, и пропускать угрозу там, где она реальна. Вы должны научиться контролировать свой страх. Признавать его, но не подчиняться ему. Это не значит, что нужно стать бесчувственным - это значит, что нужно научиться действовать, несмотря на страх. Запомните это.

Он взял в руки указку и подошел к схеме дрона:

- Вот здесь, - он ткнул в носовую часть силуэта, - находится оптоэлектронная станция. Это глаза дрона. Если вы повредите ее, он ослепнет и не сможет наводиться на цель, но попасть в нее сложно - она маленькая и защищена. Вот здесь, - он провел по корпусу, - топливные баки и основной блок электроники. Это ваша цель. Если вы попадете в эту область, особенно бронебойно-зажигательным патроном, дрон либо загорится, либо потеряет управление, но чтобы попасть, нужно не просто стрелять - нужно понимать, как движется дрон, как он заходит на цель. Он не думает, он не уворачивается инстинктивно. Он просто выполняет программу и эту программу можно предсказать.

Он отложил указку и повернулся к бойцам:

- Сейчас мы отрабатываем стрельбу с упреждением. Я покажу вам, как рассчитывать скорость, дистанцию и ветер. Это сложно, но это возможно. Я научу вас. Мы будем тренироваться до тех пор, пока ваши руки не запомнят каждое дви-

жение, а ваши глаза не научатся видеть трассу пули, как продолжение вашего взгляда, но запомните еще одну вещь. Даже если у вас не получится сбить дрон, вы можете спастись. Маскировка - это ваша вторая броня. Когда вы слышите гул, не бегите. Бегство - это паника, а паника делает вас видимым. Вместо этого падайте, прячьтесь, сливайтесь с землей, с руинами, с деревьями. Найдите укрытие. Станьте частью ландшафта. Дрон ищет движение, ищет контраст, ищет тепло. Если вы не двигаетесь, если вы слились с окружением - вы почти невидимы. Научитесь этому.

Один из молодых бойцов, светловолосый парень с внимательными серыми глазами, поднял руку:

- Товарищ командир, а как вы сами справились, когда впервые увидели «Байрактар»?

Алексей на мгновение задумался. Перед его глазами промелькнули картинки прошлого - осень 2021 года, первый гул в небе, взрыв, потом потери, обучение, и снова бои. Он усмехнулся, но в усмешке была горечь:

- Я испугался. Сильно испугался. Я не знал, что делать. Я видел, как гибнут мои товарищи, и я не мог их защитить. Это было самое тяжелое время, но я понял одну вещь: если я не перестану бояться, я умру и если я умру, кто защитит мою семью? Моих друзей? Мою землю? Поэтому я начал учиться. Я изучал их, находил слабые места, искал способы борьбы. Я ошибался, я проигрывал, я терял людей, но я не сдался и теперь, когда я вижу дрон, я не боюсь. Я злюсь. Я

готовлюсь дать отпор и это чувство - злость, смешанная с расчетом - она побеждает страх. Вы тоже сможете. Просто не останавливайтесь.

Бойцы слушали его с затаенным дыханием. В его словах была правда, которую нельзя было прочесть в учебниках или услышать в новостях. Это был опыт, выстраданный кровью.

Он отошел от стенда и подозвал к себе группу:

- А теперь - практика. Разбирайте оружие, проверьте прицелы. Мы начинаем тренировку. Я буду запускать мишени, а вы будете учиться стрелять по движущимся целям. Не думайте о том, что это всего лишь тренировка - относитесь к этому, как к бою. Потому что в бою у вас не будет второй попытки.

День выдался долгим, но продуктивным. Алексей проводил занятия до самого вечера, пока сумерки не начали сгущаться, а руки бойцов не начали неметь от холода и усталости. Он учил их стрелять с упреждением, правильно дышать перед выстрелом, рассчитывать баллистику. Он показывал, как использовать рельеф местности, как выбирать позицию, как не выдавать себя бликами от прицела или от оружия. Он видел, как они учатся, как их глаза загораются пониманием, как они начинают чувствовать себя увереннее и это давало ему удовлетворение, которого он не чувствовал даже после самых крупных побед.

Вечером, когда тренировка закончилась, бойцы разо-

шлись по позициям, а Алексей остался один на площадке. Он сел на обломок бетонной плиты, глядя на закат, который разливался по небу оранжево-розовыми полосами. Осенний ветер шевелил его коротко стриженные волосы, принося запах далекого дыма и прелой листвы. В этом закате было что-то умиротворяющее, почти мирное, как будто войны не существовало, как будто где-то там, за горизонтом, была другая жизнь - без взрывов, без потерь, без боли.

К нему подошел Витька, тихо, почти бесшумно, как он всегда умел. Он сел рядом, достал две сигареты, одну протянул Алексею. Тот взял, закурил, и они долго сидели молча, глядя на закат.

Наконец Витька заговорил:

- Смотришь на них? На этих новичков? - он кивнул в сторону, где группа бойцов собиралась у костра. - Помнишь, мы такими же были? Тоже боялись, тоже не знали, что делать. А теперь ты их учишь. Ты уже не просто солдат, Бондарь. Ты - наставник. Ты передаешь им то, что мы выучили через боль. Это важно. Они - наше будущее.

Алексей выпустил клуб дыма в прозрачный воздух и тихо ответил:

- Они должны знать правду. Что война - это не только героизм и победы. Это грязь, кровь, страх и потерянные друзья, но если они будут знать, они будут готовы и они выживут. Это единственное, что я могу им дать.

Витька усмехнулся:

- Ты даешь им больше. Ты даешь им надежду. Я смотрел на них сегодня - они боятся, но они верят тебе. Они знают, что если ты сказал, что можно сбить дрон из пулемета, значит, можно. Ты для них - пример и это правильно. Кто-то должен быть примером. Ты стал этим человеком, Бондарь. Таким же, каким был твой отец для тебя.

Алексей улыбнулся. В улыбке его была и гордость, и печаль:

- Может быть, но я все еще учусь. Все еще учусь у тех, кто рядом. У тебя, например.

Они снова замолчали, наслаждаясь тишиной. А затем Алексей встал, отряхнул грязь с колен и сказал:

- Пойдем, Витька. Завтра новый день. Новые бои. Новые уроки. Мы должны быть готовы.

Они пошли обратно, к своим позициям, и за спиной у них оставался закат, который умирал, чтобы уступить место ночи, но они знали, что за ночью придет новый день - и что они встретят его с оружием в руках, с верой в сердцах и с памятью о тех, кто уже не с ними.

Алексей знал: беспилотники «Байрактар» все еще угроза, но они уже не та угроза, какой были раньше. Они научились с ними бороться. Они научились выживать и теперь, когда новые бойцы смотрели на него с надеждой, он чувствовал, что его миссия не просто в том, чтобы воевать, а в том, чтобы учить, поддерживать и вести за собой.

Осень 2022 года стала временем передачи опыта, време-

нем надежды на то, что однажды война закончится, а их труд и их жертвы будут оправданы и Алексей, как и всегда, шел вперед, потому что он был Бондаренко, а Бондаренко не сдаются.

Они будут продолжать строить свои мосты через войну, соединяя сердца и судьбы, несмотря на все преграды. Они будут верить в правду, в свет и в любовь и они будут ждать того дня, когда смогут обнять своих близких и сказать им, как они их любят.

### Часть 13. Надежда

*Донецк, октябрь 2022 года.*

Октябрь 2022 года выдался на редкость тихим и ясным. Дни стояли теплые, с прозрачным воздухом и золотым светом низкого солнца, которое, казалось, не спешило уступать место зиме. Листья на уцелевших деревьях облетали, устилая землю ковром из багряных и желтых красок, и этот осенний убор казался почти издевательски красивым на фоне обгоревших остовов техники, ржавых осколков снарядов и черных воронок, затянутых паутиной. Природа жила своей жизнью, не обращая внимания на человеческую войну, и в этом был свой горький урок - жизнь продолжается, несмотря ни на что. Даже здесь, среди смерти и разрушений, она пробивалась сквозь трещины в бетоне, сквозь пепелища, сквозь время.

Небо в тот вечер было особенно чистым, без единого облачка, и в нем, как ни странно, не было слышно гула дронов.

Где-то там, за горизонтом, война продолжалась - артиллерия работала, пехота передвигалась, разведка вела свои игры, но здесь, на этом участке фронта, наступила та редкая, почти мистическая тишина, когда можно было забыть о том, что ты находишься на войне. Алексею казалось, что даже ветер стих, как будто сама природа затаила дыхание, слушая его мысли.

Он сидел на бревне у небольшого костра, который бойцы развели в импровизированном укрытии между двумя разрушенными стенами. Костер горел тихо, почти без дыма, освещая лица людей, собравшихся вокруг него. Там были и старые бойцы, прошедшие с ним через все круги этого ада, и новички, которые только начинали свой путь. Они молчали, каждый думал о своем, но их объединяло одно - они были здесь, они выжили, и они продолжали бороться.

Алексей смотрел на огонь, и перед его глазами проносились картины прошедшего года. Он вспоминал тот день в октябре 2021 года, когда впервые услышал гул «Байрактара» и понял, что мир изменился навсегда. Он вспоминал, как хоронил Сергея и Дмитрия, как они лежали в свежих могилах, и земля была влажной от дождя, а небо - серым, как свинец. Он вспоминал двух молодых парней из февраля, которые так и не успели привыкнуть к войне. Он вспоминал свои тренировки, когда он учил бойцов стрелять с упреждением, когда его руки дрожали от холода, а голос срывался от крика. Он вспоминал письма - от Кати, от мамы, от отца - каждое из

которых было, как глоток свежего воздуха, как напоминание о том, что там, за линией фронта, есть жизнь, есть любовь, есть будущее.

Он вспоминал, как сбил тот самый дрон, как он горел в поле, черный дым поднимался к небу, и бойцы кричали «Ура!», хлопали его по плечам, а он не чувствовал радости. Он вспоминал Лену в госпитале, когда она перевязывала его плечо, и слезы стояли в ее глазах, которые она сдерживала из последних сил. Он вспоминал, как они сидели обнявшись, и он чувствовал ее сердцебиение, и в этом стуке было больше жизни, чем во всех боях вместе взятых.

И сейчас, сидя у костра, он чувствовал, как его душа наполняется той тихой, спокойной уверенностью, которая была его чертой. Он прошел через многое, он потерял многих, но он остался собой и это было главное.

Рядом с ним сидел Витька, который, как всегда, молчал, глядя на огонь. Его лицо было спокойным, но в глазах читалась та же глубокая усталость, которую он носил в себе уже почти год. Он тоже многое видел, многое потерял, многое пережил, но он все еще держался, потому что у него была Алиса - маленькая девочка в Севастополе, которая ждала его.

Алексей повернулся к нему и заговорил, и голос его был тихим, но уверенным:

- Знаешь, Витька, я иногда думаю: что будет, когда все это кончится? Когда война закончится, и мы сможем вер-

нуться к нормальной жизни? Я не представляю, что мы будем делать, как мы будем жить, когда этот кошмар останется позади. Мы привыкли к этому ритму - к взрывам, к опасности, к постоянному напряжению. А что делать, когда все это исчезнет? Как привыкнуть к тишине, которая не будет зловещей? Как научиться снова бояться простых вещей - например, что опоздаешь на работу, а не того, что с неба упадет бомба?

Витька поднял на него глаза, и в них была та усталая, но теплая мудрость, которая появляется у людей, прошедших через войну и сохранивших способность думать о будущем. Он помолчал немного, обдумывая ответ, затем медленно заговорил:

- Знаешь, Бондарь, я тоже много думал об этом. В бессонные ночи, когда не могу уснуть, я думаю о том, как будет выглядеть наша жизнь после войны. Я представляю, как я возвращаюсь домой, как открываю дверь своей квартиры, как слышу голос Алисы, которая бежит ко мне, кричит: «Папа!». Я представляю, как мы идем гулять по набережной в Севастополе, как она смеется, ест мороженое, показывает мне на корабли и я знаю, что это будет странно - после всего этого ужаса оказаться в обычном мире, где люди ругаются из-за пробок, обсуждают погоду и смотрят глупые сериалы по вечерам, но я хочу этого. Я хочу этой обычности. Я хочу снова стать нормальным человеком, у которого нет в кармане блокнота со списком погибших друзей. Я хочу, чтобы

моя дочь никогда не знала, что такое война и ради этого я готов жить и бороться каждый день. А когда все закончится, мы будем делать то, что люди всегда делали после войны - восстанавливать, создавать, верить. Мы будем жить. Просто жить и это будет главной нашей победой.

Алексей внимательно слушал друга. В его словах было столько правды, что она отзывалась в душе теплой, щемящей волной. Он кивнул и сказал:

- Ты прав, Витька. Мы будем жить и мы будем делать это так, как умеем, но я хочу, чтобы мой опыт не пропал даром. Я хочу, чтобы он имел смысл не только здесь, на войне, но и в мирной жизни, когда она наступит. Я хочу стать учителем, Витька. Учителем истории.

Витька удивленно поднял бровь:

- Учителем? Ну, ты меня удивил, Бондарь. Я думал, ты пойдешь в какой-нибудь военный институт, или будешь работать советником по безопасности, но учитель... Это неожиданно. Но, если честно, это звучит правильно.

Алексей улыбнулся и продолжил, и его голос стал более уверенным, более живым, как будто он уже видел себя в этой новой роли:

- Я хочу рассказывать детям о войне. Не о героике, не о боевых подвигах в красивых словах, а о том, что это страшно. О том, что война - это грязь, кровь, потерянные друзья, бессонные ночи и страх, который никогда не уходит до конца. Я хочу, чтобы они знали правду. Чтобы они понимали,

что война - это не приключение, не компьютерная игра, а трагедия, которая разрушает жизни и судьбы целых поколений. Я хочу, чтобы они учились на наших ошибках, чтобы они строили мирное будущее, в котором не будет места для таких кошмаров. Я хочу, чтобы они помнили, что за каждой цифрой статистики стоит человек - с душой, с мечтами, с семьей. Чтобы они не стали такими, как те, кто развязывает войны, сидя в теплых кабинетах и глядя на карты. Чтобы они знали, что война - это всегда боль.

Он посмотрел на Витьку, и в глазах его горел тот внутренний огонь, который появлялся у него, когда он думал о чем-то по-настоящему важном.

- Ты будешь хорошим учителем, Бондарь, - сказал Витька, и в его голосе слышалась та искренняя теплота, которая была его чертой. - Я знаю это. Ты умеешь рассказывать так, что тебя слушают. Ты умеешь слушать и слышать и ты знаешь, что такое правда - не книжная, а настоящая, выстраданная. Твои уроки запомнятся детям на всю жизнь. Ты сможешь изменить их сердца, сделать их добрее и мудрее. Это ведь и есть самое важное, правда? Не просто передать факты, а научить их чувствовать, думать, сопереживать. У тебя это получится и я даже немного завидую твоим будущим ученикам.

Алексей усмехнулся:

- Завидовать пока рано. Сначала нужно закончить войну. Потом поступить в университет. Потом получить диплом.

Это долгий путь, но я верю, что я справлюсь и когда я приду в класс, я буду помнить о каждом из тех, кто здесь погиб. Они будут со мной. Они будут в моих уроках, в моих словах. Их память будет жить, пока я буду рассказывать о них детям.

Витька кивнул и снова посмотрел на огонь. Костер начал прогорать, и угли тлели красным светом, разгоняя осеннюю темноту.

- А что ты будешь делать после войны? - спросил Алексей, повернувшись к другу. - Ну, кроме того, что будешь гулять с Алисой по набережной? Ты серьезно думал о своей жизни после?

Витька помолчал, затем заговорил медленно, как будто вслух обдумывая свои планы:

- Я хочу купить дом. Не квартиру, а дом - с садом, с огородом, с большой верандой. Чтобы Алиса могла бегать по траве, чтобы у нас была собака. Я хочу построить этот дом своими руками. Чтобы каждая доска, каждый гвоздь напоминали мне, что я выжил, что я смог создать что-то, а не разрушать. Я буду работать в порту, как и раньше. Буду водить корабли, смотреть на море, дышать соленым воздухом и каждый вечер я буду возвращаться в свой дом, к своей дочери, и я буду знать, что я защитил ее. Что я сделал все, чтобы она жила в мире. Это моя мечта, Бондарь. Простая и самая важная.

Алексей смотрел на друга и чувствовал, как его душа наполняется теплом. Он знал, что Витька всегда был про-

стым человеком, без лишней пафосности, но в его мечте было столько искренности, что она казалась самой настоящей правдой.

- Ты построишь этот дом, Витька, - сказал он твердо. - И я приеду к тебе в гости. Мы будем сидеть на твоей веранде, пить чай, смотреть на море и вспоминать эту войну, но мы будем вспоминать ее, как кошмар, который закончился., как страшную главу, которая была перевернута. Мы будем смеяться над тем, как боялись дронов, как бегали от взрывов. Это будет странно, но это будет наша победа. Мы сможем говорить об этом без страха.

Витька улыбнулся:

- Договорились. Я буду ждать тебя с чаем на веранде. Только не опаздывай и приезжай с Леной и детьми. У меня будет большой дом, места хватит всем.

Они замолчали, глядя на тлеющие угли. Вокруг них сидели бойцы, кто-то уже дремал, прислонившись к стене, кто-то тихо переговаривался в темноте. Огонь постепенно угасал, и мир вокруг становился темнее, но в сердцах сидящих у костра горел тот свет, который не могла погасить никакая война.

Алексей смотрел на своих товарищей и думал о том, что каждый из них - это отдельная история, отдельная судьба. У каждого есть свои мечты, свои надежды, свои близкие, которые ждут их и он хотел, чтобы они вернулись. Все. Он хотел, чтобы у каждого из них была своя веранда, свой дом, свои

дети и свои мирные закаты. Это была его мечта. Его надежда. Надежда на то, что все эти потери не будут напрасными, что они приведут к чему-то светлому и доброму.

Он встал, отряхнул грязь с колен и подошел к краю площадки, где виднелось поле, уходящее в темноту. В небе горели звезды - тысячи, сотни тысяч, холодных и далеких, но невероятно красивых. Где-то там, за горизонтом, было море, которое он так любил. Где-то там были его родители, Катя, Лена и его дети. Где-то там было будущее, в которое он верил.

Он закрыл глаза и мысленно перенесся в тот день, когда война закончится. Он видел себя стоящим в школьном классе, с мелом в руке, перед молодыми лицами, которые смотрят на него с интересом и доверием. Он слышал их вопросы, он чувствовал, как его рассказ проникает в их сердца, как они начинают понимать, что самое ценное в жизни - это не власть, не богатство, а мир, любовь и возможность просто жить. Он видел, как они улыбаются, как они смеются, как они строят свои планы на жизнь и он знал, что его рассказ о войне станет для них не просто уроком истории, а уроком человечности.

К нему подошел Витька, бесшумно, как он всегда умел. Он встал рядом и тоже посмотрел на небо.

- О чем думаешь? - спросил он тихо.

- О будущем, - ответил Алексей. - О том, что оно будет. О том, что мы построим мир, который будет лучше. О том,

что наши дети никогда не узнают этого ужаса и о том, что мы сможем просто жить.

- Это хорошие мысли, - сказал Витька. - Держись за них. Они помогут тебе выжить. Они уже помогли.

Они постояли еще несколько минут в тишине, глядя на звезды, которые светили одинаково ярко и для войны, и для мира. Затем повернулись и пошли обратно к костру.

В блиндаже, куда они спустились, было тепло от печки, которую кто-то из бойцов уже растопил. В воздухе пахло сухой травой и дымом, и в этом запахе было что-то уютное, почти домашнее. Алексей сел на свои нары, достал блокнот и открыл его на последней странице. Он долго смотрел на имена, которые записал за этот год, и чувствовал, как его сердце наполняется благодарностью за то, что он жив, и за то, что он помнит их.

Он взял ручку и написал в конце списка:

«Я помню вас всех. Каждого и я сделаю все, чтобы ваша память жила. Вы не будете забыты. Обещаю».

Затем он закрыл блокнот, убрал его в нагрудный карман, туда, где лежали письма от семьи, и лег на нары. Он чувствовал, как сон окутывает его, как усталость берет свое, но в душе его было спокойно. Он сделал все, что мог. Он защищал своих товарищей, он учил новичков, он верил в победу и он знал, что его путь был правильным.

В последний момент перед тем, как провалиться в сон, он прошептал в темноту:

- Мы справимся, Витька. Мы обязательно справимся и мы вернемся домой. Это не просто слова. Это наша правда.

И в темноте, уже почти засыпая, Витька ответил едва слышно:

- Знаю, Бондарь. Знаю.

Они спали, как спят только те, кто прошел через войну, - чутко, но глубоко, готовые проснуться от любого шороха, но умеющие ценить каждую минуту покоя. А за стенами блиндажа тихо шуршала осенняя листва, и звезды, холодные и далекие, смотрели на израненную землю с вечной, неизменной мудростью.

И в этом сне, и в этой звездной тишине, и в этом разговоре о будущем жила та самая надежда, ради которой стоило жить и бороться. Надежда на то, что однажды они смогут построить мосты не через войну, а через мир. Мосты, которые соединят сердца и судьбы, исцелят раны и вернут смысл жизни. Мосты, на которых не будет страха, на которых будут только улыбки и объятия.

Потому что Бондаренко не сдаются. Они идут до конца, что бы ни случилось, и строят свои мосты через любые преграды и это единственное, что имеет значение в этом мире - любить, верить, строить и надеяться на лучшее. Даже когда вокруг тьма. Даже когда кажется, что сил больше нет. Даже когда война забирает лучшее.

## Часть 1. Указ

Донецк, январь 2023 года.

Январь в Донбассе был не просто зимним - он был колючим, злым и беспощадным. Снег валил стеной уже третью неделю, заметая воронки и траншеи, превращая изрытую снарядами землю в белое, обманчиво-чистое поле. Мороз достигал таких отметок, что металл стволов примерзал к губам, а солярка в генераторах превращалась в гель. В промерзших блиндажах сырость и холод становились главными врагами, даже более опасными, чем противник. Воздух казался стеклянным - каждый вздох обжигал легкие, а редкие оттепели приносили с собой лишь грязь, в которой увязала техника.

Именно в эту ледяную тишину, нарушаемую лишь редкими перестрелками и гулом далеких «Градов», пришла новость. Она не упала на головы внезапно - она просочилась, как талая вода в подвал, сначала в виде слухов на блокпостах, затем в виде мрачных прогнозов военкоров в Telegram-каналах, и, наконец, стала реальностью с сухим, официальным текстом правительственного указа.

Украинское правительство объявило о масштабной волне мобилизации. Призыву подлежали все мужчины от восемнадцати до шестидесяти лет - без оглядки на бронь, здоровье или семейные обстоятельства. Это была не просто «ротация» и не «доукомплектование»; это была тотальная встряска. Цифры в новостях звучали, как приговор: предполага-

лось пополнить армию сотнями тысяч резервистов. «Готовиться к решительным наступательным действиям» - так формулировалась цель в официальных сводках, что для любого, кто провел на передовой хотя бы месяц, означало лишь одно: мясорубка выходит на новый, запредельный уровень интенсивности.

Эта весть разнеслась по окопам быстрее любого радиосигнала. Солдаты передавали ее шепотом, сдабривая крепким матом, как передают патроны. В очередях за хлебом у уцелевших магазинов, в подвалах, где грелись мирные жители, лица становились еще более серыми, а в глазах поселялся тот особый, затравленный блеск, который бывает у людей, осознавших, что конец их страданиям откладывается на неопределенный срок.

В одном из укрепленных блиндажей на окраине Донецка, где пахло махоркой, сыростью и старыми досками, сидел Алексей Бондаренко. Рядонько гудела полевая рация, но он слушал старый, потрескавшийся динамик приемника «Селга», который Витька чудом отыскал в развалинах дома. Голос диктора звучал ровно и безэмоционально, но каждое слово падало в душу тяжелым камнем. Алексей смотрел на огонек свечи, дрожащий в банке из-под тушенки, и хмурился. Морщины вокруг его глаз углубились, а челюсть была сжата так крепко, что скулы побелели.

Он прокручивал в голове одно и то же: *«Восемнадцать лет... Пацаны, которые вчера играли в компьютерные иг-*

*ры или ходили в школу, завтра будут лежать в окопах под этим снегом. Они не знают, как правильно чистить автомат после обстрела, как определить мину на растяжке, как понять, что тишина перед атакой - самая страшная. Их бросят туда, где мы уже оставили куски себя и сколько их будет лежать на этой промерзшей земле, чтобы кто-то в далеком кабинете поставил галочку о выполнении плана?»*

Алексей перевел взгляд на свои руки - мозолистые, в мелких шрамах и глубоких трещинах от обморожений. Он вспомнил 2014 год, когда сам был таким же зеленым., как он верил в красивые лозунги., как думал, что война - это про героизм, а не про вшивые носки и постоянный страх в животе. Теперь он знал цену любой атаки и знание это было ядовитым.

Витька сидел на деревянных нарах, натянув на колени старую, продранную в нескольких местах шинель. Он, как и Алексей, слушал новости, но лицо его выражало не столько мрачную задумчивость, сколько тяжелую, вязкую усталость, которая накапливается годами. В его взгляде не было паники - была лишь глухая констатация факта. Докурив самокрутку до фильтра и загасив ее о подошву берца, он повернулся к товарищу.

что думаешь, Бондарь? - спросил Витька, и голос его, прокуренный и хриплый, звучал с той особой интонацией, которую Алексей называл «интонацией могильщика». Так говорят люди, которые перестали удивляться жестокости мира. -

Я слышал, под метлу берут всех и старого пердуна с большим сердцем, и пацана, который школу не закончил. Они, значит, серьезно раскошегариваются? Это не просто «латание дыр» - это новый котел готовят.

Алексей отодвинул от себя кружку с остывшим чаем, на поверхности которого застыла пленка жира. Он помедлил, собираясь с мыслями, а когда заговорил, его голос звучал глухо, со стальной твердостью человека, которому уже нечего терять, кроме оставшихся друзей.

- Думаю, Вить, это надолго. Очень надолго, - сказал он, глядя не на друга, а куда-то сквозь бревенчатую стену, туда, где за горизонтом снова вспыхивали зарницы дальних разрывов. - Если они снимают все ограничения по возрасту, значит, у них горит план. Им нужно мясо. Тысячи единиц мяса, чтобы завалить врага трупами или продавить оборону ценой невероятных потерь. Это не просто мобилизация - это сигнал. Сигнал, что мирных переговоров в ближайшие месяцы не будет. Что мы будем сидеть здесь еще год, а может, и два и каждый новый день будет стоить нам крови. Станет хуже. Намного хуже, чем было осенью.

Он замолчал, прислушиваясь к вою ветра в щелях. В блиндаже повисла тяжелая, звенящая тишина, нарушаемая лишь шипением керосинки.

Витька скривился в усмешке, которая не коснулась его глаз. В этой усмешке была ирония человека, который настолько привык к смерти, что начал шутить над ней, пы-

таясь защитить свой рассудок.

- Ну а нам-то что, Бондаренко? - сказал Витька, разводя руками. - Нас-то с тобой уже второй срок контракт не берёт, мы тут, как «прикреплённые», как тараканы в щелях. Мы уже воюем, мы уже привыкли. Мы уже столько своих похоронили, что, блин, в районном ЗАГСе, наверное, очередь из наших фамилий. Новая волна для нас - просто новые фамилии на братских могилах, еще одна страница в списке потерь. Мы уже в этом аду сидим по самые уши. Вылезти нельзя.

Алексей медленно покачал головой. Его лицо дрогнуло, и в глазах мелькнула тень той острой, жгучей боли, которую он старательно прятал за маской безразличия. Он посмотрел на Витьку в упор:

- Нам - ничего. Мы перетерпим. Мы привыкли не спать, привыкли, что земля трясется, привыкли к запаху горелой плоти. - Он стукнул кулаком по столу, отчего кружка подпрыгнула. - А вот они... Эти пацаны, которых выдернут из их домов прямо сейчас... Многие из них не вернуться, Вить. Они уйдут в свою первую и, возможно, последнюю атаку, не понимая, что такое убивать и видеть, как умирают рядом. Они еще верят в ордена и в «родину-мать». Они смотрят на нас, стариков, как на героев. А мы для них должны быть няньками и гробовщиками одновременно. Я смотрю на них и вижу себя. Себя тогдашнего - дурака с горящими глазёнками, который полез в окоп, думая, что война - это приключение.

Я вижу, как они горят, и мне страшно. Страшно, что я не смогу спасти их всех.

Голос Алексея сорвался на шепот. Он вспомнил, как на днях к ним привезли пополнение - человек десять, с бритыми затылками, с новенькими касками, которые еще блестели на солнце. У одного из них, самого молодого, на шее висел нательный крестик, который он нервно перебирал пальцами, когда вдалеке ухали пушки. «Зачем ты здесь?» - хотел спросить Алексей, но не спросил. Потому что ответ был очевиден: приказ. Потому что выбора нет.

Витька хмыкнул, но в его хмыканье не было веселья. Он поднялся, подошел к столу, где лежала стопка писем, и накрыл своей тяжелой, шершавой ладонью руку Алексея. Этот жест был неловким для двух выдавших виды бойцов, но в нем было столько тепла, сколько может быть только между людьми, которые не раз смотрели смерти в лицо вместе.

- Слушай, Бондарь, - сказал Витька, и голос его стал ниже и серьезнее. - Ты прав, как всегда. От этой войны не убежать, не отмазаться, не договориться. Новые придут - сопливые и глупые, но именно поэтому мы здесь. Не для того, чтобы воевать за карту или за флаг. Мы здесь для того, чтобы они... вернулись. Чтобы те, кого призовут сейчас, хотя бы не умерли от собственной глупости. Мы должны научить их держать оружие, показывать им, куда не наступать, тащить их с поля боя, если они ранены. Это наш долг, Бондарь. Наш крест. Мы не можем изменить решение генералов, но мы можем

сделать так, чтобы эти мальчишки выжили. Закрыть их грудью, если надо.

Алексей долго молчал, глядя на язычок пламени свечи, который метался от сквозняка. Слова Витьки падали в тишину, как зерна в мерзлую землю и в груди у него, в том месте, где уже давно поселилась ноющая тоска, вдруг дрогнуло тепло.

Он медленно кивнул. Кивок был тяжелым, но твердым.

- Да... Да, ты прав, брат. - Алексей сжал ладонь Витьки в ответ. - Наша война не заканчивается с подписанием указа. Она заканчивается только тогда, когда каждый из этих пацанов, с дрожащими руками и белыми лицами, сможет заснуть спокойно. Мы не просто солдаты. Мы - их щит и пусть эта зима самая холодная, пусть мобилизация высасывает последние силы из страны, но мы будем стоять. Мы будем их встречать на передовой, как братьев, мы будем учить их жить в этом аду. Потому что если мы опустим руки, если махнем на них рукой, значит, война победила нас окончательно. Мы не позволим. Мы - Бондаренко и Витька. Мы не сдаем своих.

Они сидели рядом, глядя на огонь, в то время, как за тонкими бревнами блиндажа завывала метель, а где-то на горизонте уже слышался гул приближающихся колонн новых пополнений, новых судеб, новых могил. Они знали, что впереди их ждет еще больше крови, грязи и холода, но они также знали, что у них есть друзья, и что в этом мире, разрушен-

ном войной, их братство - единственная реальная ценность, за которую стоит бороться. Это знание согревало их сердца сильнее любого огня, и они были готовы строить мосты через смерть, надеясь, что однажды, когда все это кончится, по этим мостам к ним придет мир.

Часть 2. Разговор с отцом

Донецк - Севастополь, февраль 2023 года.

Февраль в Донецке был тяжелым, вязким, словно застывший свинец. Зима не думала сдаваться: сугробы достигали таких высот, что брустверы окопов почти сравнивались с белым полем, а ночной мороз сковывал дыхание и превращал любую влагу в ледяные кристаллы. В блиндаже пахло сырым деревом, махоркой и теплым металлом от генератора, который гудел где-то рядом, напоминая о том, что жизнь еще теплится в этом замерзшем аду. За двойным слоем брезента, прикрывающим вход, выла метель, бросая пригоршни снега в щели, и казалось, что весь мир сузился до размеров этого тесного убежища.

Алексей сидел на перевернутом ящике из-под снарядов, сжимая в ладони старенький, исцарапанный спутниковый телефон, который они использовали для редкой связи с "большой землей". Экран тускло светился в полумраке, отражая усталое, заросшее щетиной лицо. Мысли о новой мобилизации, объявленной в конце января, пульсировали в голове горячей болью. Всю прошлую неделю он видел во сне отца - его седые виски, его тяжелые руки, его спокойные

глаза, которые, казалось, видели всё насквозь. Теперь, когда тишина в обороне на несколько часов установилась (редкая, драгоценная тишина, которую не нарушал даже далекий гул артиллерии), он понял: больше ждать нельзя. Ему нужно услышать голос Андрея Бондаренко - человека, который научил его не бояться темноты, держать оружие и, главное, оставаться человеком.

Дрожащими от холода и волнения пальцами он набрал длинный номер, который знал наизусть, как молитву. Несколько томительных гудков, каждый из которых длился вечность, а затем в трубке раздался скрежет соединения, и голос отца - низкий, чуть хриловатый, с едва заметной сева­сто­польской "оканью" - прорвался сквозь помехи:

- Алёша? Сынок, это ты?

Алексей почувствовал, как перехватило горло. Ему было тридцать пять, он видел смерть в упор сотни раз, но сейчас его голос дрогнул, как у подростка.

- Батя, привет... Это я, Алёша, - выдохнул он, прижимая трубку к уху так сильно, будто хотел не просто слышать, а чувствовать тепло отцовского голоса. - Ты, наверное, уже знаешь новость? Про этот указ, про мобилизацию? До шестидесяти лет, батя. Подчистую. Нас готовят к чему-то очень серьезному.

В трубке повисла короткая пауза. Алексей знал, что отец смотрит сейчас на волны Черного моря за окном своей сева­сто­польской квартиры, прикрывает глаза рукой и пе-

реваривает информацию, как опытный боец оценивает карту боя.

- Слышал, сынок, - ответил Андрей, и голос его звучал той спокойной, глубокой уверенностью, которая не подвластна времени. - У нас тут тоже об этом говорят и в новостях, и на причалах рыбаки обсуждают. Плохие вести, Алёша. Очень плохие. Если они забирают всех, без разбора, значит, они готовят большую мясорубку. Это не просто восполнение потерь - это план на массированное наступление. Там, наверно, похоже, решили, что мир через переговоры не наступит, и сейчас будут давить весом, а не умением.

- Я тоже так думаю, - выдохнул Алексей, глядя на язычок пламени свечи, дрожащий в железной банке. Он опустил голову, сжал свободную руку в кулак, и голос его стал глуше, словно он признавался в самом страшном грехе. - И мне, если честно, страшно, батя. Не за себя. Меня уже не так легко испугать - я привык к этому аду, я научился отключать эмоции, когда рядом рвутся снаряды. Мне страшно за них... За тех пацанов, которых сейчас выдернут из их квартир, из их теплых постелей. За восемнадцатилетних мальчишек, которые еще вчера писали сочинения или сидели в TikTok, а завтра их бросят под пули. Я смотрю на них и вижу себя. Себя в 2014-м. Такого же глупого, такого же наглого, такого же не знающего, что такое настоящий, липкий, животный страх и я понимаю, что многие из них... просто не вернуться. Их мамы будут ждать их до конца своих дней, стучать кулаками

в закрытые двери военкоматов, искать их в списках погибших. А я ничего не могу с этим сделать. Я просто солдат, батя. Я могу только смотреть, как их кладут в сырую землю.

По ту сторону линии связи Андрей тяжело вздохнул. Этот вздох был полон целой жизни: там были и Афганистан, и 90-е, и потеря друзей, и горькая мудрость, которая не приходит с годами, а выковывается болью.

- Понимаю, сынок. Я прекрасно тебя понимаю, - заговорил Андрей, и его голос стал тверже, в нем зазвучал металл отцовского наставления. - Ты знаешь, я прошел через войну. Я видел, как гибнут товарищи, как на твоих глазах молодой парень с полным рюкзаком надежд захлебывается кровью и я знаю, что чувство вины выжившего - это самый тяжелый груз, но послушай меня, Алёша. Ты не можешь спасти всех. Ты даже не можешь спасти большинство. Твоя задача сейчас - быть надежной стеной для тех, кто рядом с тобой в окопе. Ты не Бог, чтобы убереечь каждого, но ты - старший. Ты - опыт и если хоть один из этих мальчишек выживет потому, что ты научил его не высовываться, правильно перебежать дорогу или вовремя менять позицию, значит, твоя жизнь прожита не зря.

- Я знаю, батя... Я знаю, что ты прав, - голос Алексея дрогнул, и он почувствовал, как к горлу подступает тот ком, который он так тщательно прятал от товарищей. - Просто иногда я смотрю на них, на их лица, и мне кажется, что я должен был стать их защитником. Что это моя ответственность,

потому что я старше, потому что я знаю, как пахнет смерть и я боюсь, что не справлюсь, что моих сил не хватит, чтобы вытащить их всех. Особенно когда вижу, как у них трясутся руки при первой стрельбе.

Андрей на мгновение замолчал. Алексей слышал в трубке далекий шум моря - тот самый ритмичный шелест волн, который в детстве убаюкивал его и давал чувство защищенности. Когда отец заговорил снова, его голос стал мягче, почти шепотом, будто он сидел рядом и гладил сына по голове, как в далеком детстве, когда Алексей боялся грозы.

- Сынок, я хочу, чтобы ты запомнил одну вещь. Страх - это не слабость. Страх - это единственное, что нас защищает. Если ты перестанешь бояться за других, ты перестанешь быть человеком. Ты станешь просто винтиком в военной машине. А ты не винтик, Алёша. Ты моя кровь и что бы ни случилось, какие бы указы ни подписывали в Киеве или где там еще, ты оставайся человеком. Учи их. Поддерживай их. Делись с ними последним сухарем и последним глотком воды. Это единственное, что в твоей власти и помни: твой долг - не просто убивать, а сохранять. Сохранять себя, сохранять товарищей, сохранять свое имя. Это и есть настоящая война - война за то, чтобы не озвереть.

Эти слова упали в душу Алексея, как теплый дождь на пересохшую землю. Он закрыл глаза, представив отца: седого, сурового, но с таким теплым взглядом.

- Спасибо тебе, батя, - прошептал Алексей, чувствуя,

как его голос наполняется прежней твердостью. - Ты всегда знаешь, что нужно сказать. Ты, как в детстве, когда я разбивал коленки - ты брал ватку, зеленку и говорил: "Потерпи, казак, атаманом будешь". Вот и сейчас... ты, как будто перевязал мою душу.

- А ты думал? - усмехнулся Андрей, и в его усмешке слышалась та хитрая, теплая нотка, которую Алексей так любил. - Я же твой отец. Я всегда рядом, даже если нас разделяет линия фронта и тысячи километров. Я верю в тебя, Алёша. Ты сильный. Ты умный. Ты выберешься из любой передраги и вытащишь за собой остальных. Только береги себя, слышишь? Мы все тебя ждем. Мама хотя и не говорит, но она каждую ночь зажигает свечу перед иконой. Ты же знаешь, бабка твоя научила. Так что... давай, сынок. Будь осторожен и не забывай: дом там, где мы и мы будем ждать столько, сколько потребуется.

В трубке послышались короткие гудки - связь прервалась, как всегда, не вовремя, но Алексей еще долго сидел неподвижно, прижимая к уху уже умолкший телефон, прислушиваясь к эху отцовского голоса. За брезентом выла метель, где-то далеко глухо ухнул артиллерийский разрыв, но в груди Алексея вдруг разлилось удивительное, почти забытое спокойствие.

Он опустил руку и медленно оглядел блиндаж: догорающая свеча, перевернутый ящик, сбитые берцы. Рядом на нарах лежал Витька, который притворялся спящим, но по

его напряженным плечам было видно, что он слышал каждое слово. Алексей понимал, что это - их реальность, жестокая, холодная и беспощадная, но он знал еще кое-что: у него есть отец, который верит в него, есть товарищи, которые пойдут за ним, и есть цель - не просто выжить, а остаться человеком.

Алексей выдохнул пар в холодный воздух блиндажа, поправил ремень автомата и поднял глаза к наскоро сколоченному потолку, где в щелях мерцали звезды снежинок. Он помнил слова отца: "Иди до конца" и он шел. Не потому, что хотел воевать, а потому, что его долг - быть тем мостом, который соединит новое поколение с выживанием.

Часть 3. Письмо от Кати

Донецк, март 2023 года.

Март в Донбассе оказался обманчивым. Весна вступала в свои права медленно, неуверенно, словно боялась, что её растерзают осколки. Днём снег начинал подтаивать, превращая окопы в жидкую грязь, в которой увязали берцы, а ночью мороз снова сковывал всё ледяной коркой, делая землю хрупкой и звонкой. Воздух пах сыростью, прелой листвой и порохом - тот самый специфический запах, который уже стал для Алексея родным, как запах дома. В редкие часы затишья было слышно, как где-то вдалеке капает вода с обгоревших крыш, и это звучало почти, как музыка - музыка жизни, которая всё ещё теплилась в разрушенном городе.

Именно в один из таких дней, когда артиллерия замолчала на несколько часов, а небо над Донецком очистилось

от пыли и гари, к блиндажу подошёл связист - молодой парнишка с вечно замёрзшими руками и огромным рюкзаком за плечами, набитым посылками и конвертами. Полевая почта работала с перебоями, но иногда, словно чудом, прорывалась сквозь хаос войны, доставляя весточки из другого мира - того, довоенного мира, где люди могли просто обниматься и говорить о пустяках.

- Бондаренко! Тебе письмо! - крикнул связист, сбрасывая на влажную землю потрёпанный рюкзак. - Еле донёс, брат. Оно шло почти месяц. Через блокпосты, через комендатуры, через обстрелы. Держи!

Алексей, который сидел на корточках у входа в блиндаж и чистил автомат от налипшей грязи, медленно поднялся. Его сердце пропустило удар. Он ещё не видел конверта, ещё не знал, от кого он, но внутри уже зародилось то самое, почти забытое чувство предвкушения, которое он испытывал в детстве перед Новым годом. Он взял конверт из рук связиста, поблагодарил его хриплым голосом и отошёл в сторону, к единственному месту, где падал солнечный свет - к пролому в стене, прикрытому старым брезентом.

Конверт был потрёпанным, запачканным, с пятнами от воды и мазута. Углы были замяты, а на обратной стороне виднелись чьи-то размашистые карандашные пометки, которые военная цензура оставляла на всех письмах, но Алексей не смотрел на это. Его взгляд приковал родной почерк - тот самый, который он знал с детства, который выводила

рука его старшей сестры Кати. Острый, немного наклонённый вправо, с круглыми буквами «о» и длинными хвостиками у букв «у» и «р». Этот почерк всегда был для него символом домашнего тепла, безопасности и той наивной любви, которую невозможно подделать.

Дрожащими от холода и волнения пальцами Алексей разорвал конверт. Внутри оказался сложенный вчетверо лист в клетку, вырванный из школьной тетради - Катя всегда писала на таких листах, даже будучи взрослой, потому что, как она говорила, «в клетку писать ровнее и душа спокойней». Алексей медленно развернул письмо, чувствуя, как подкатывает к горлу ком, и начал читать, впитывая каждое слово, каждую букву, каждый изгиб линии.

*«Алёша, родной мой!*

*Ты даже не представляешь, как я скучаю по тебе., как я жду весточек. Я знаю, что тебе тяжело, что ты там, где очень опасно, и что ты не можешь писать часто, но когда я вижу знакомый почерк на конверте - у меня на душе становится светлее. Я молюсь за тебя каждую ночь. Свеча на столе не гаснет уже который месяц.*

*Ты спрашивал, как у нас в Киеве. Я не хотела тебя пугать, но я должна сказать правду, потому что ты имеешь право знать. Здесь творится что-то страшное. Мобилизация - это не просто слова в новостях. Это настоящий кошмар. Каждое утро я выхожу в магазин, а вокруг - патрули. Они останавливают парней, проверяют документы, и если*

видят, что мужчина подходит под призыв, забирают прямо здесь же, на улице. Среди бела дня. Матери кричат, падают в снег, хватают за руки военных, умоляют отпустить их сыновей. А те отпихивают их, как мух, и сажают парней в машины. Я видела это, Алёша. Я видела парнишку лет девятнадцати, который держал маму за руку и плакал, прощаясь с ней, будто уходит на казнь. У него ещё молоко на губах не обсохло, а его уже везут в воинскую часть.

Люди сходят с ума. Ночью в очередях за хлебом я слышу шёпот: кто-то пытается выехать в Молдову, кто-то прячется в подвалах, кто-то платит бешеные деньги за справки о непригодности, но это не помогает. Их ловят, их забирают и всё это - ради того, чтобы пополнить ряды тех, кто должен умирать на передовой. Я смотрю на это и не понимаю: мы же люди. Мы же можем договориться. Зачем эта бойня? Зачем убивать наших мальчиков?

Алёша, мне страшно. Я сильная, я всегда была сильной, и ты это знаешь, но когда я вижу, как увозят этих ребят, когда слышу их крики и слёзы их матерей, я начинаю ненавидеть этот мир. Я не хочу ненавидеть, но я не могу сдерживать слёзы. Мне кажется, мы все теряем что-то важное, что-то, что уже никогда не вернуть. Мы теряем человечность. Мы превращаемся в стадо, которое гонят на бойню.

Ты там, на передовой, среди всего этого ада. Ты видишь самую страшную часть этой войны и я молю Бога, чтобы

*он защитил тебя. Ты нужен мне, Алёша. Ты нужен маме, отцу. Ты нужен нам всем. Ты - наша опора, наша надежда, наш свет. Даже когда ты далеко, я чувствую, что ты рядом. Твои письма - это то, что помогает мне держаться. Пожалуйста, береги себя. Не геройствуй без нужды. Помни. Дома тебя ждут. Я буду ждать. Всегда.*

*Твоя сестра Катя».*

Алексей перечитал письмо трижды. Первый раз - быстро, жадно, чтобы схватить суть. Второй раз - медленно, вчитываясь в каждое слово, чувствуя дрожь в голосе сестры, её отчаяние, её боль. Третий раз - почти шёпотом, вслух, будто проверяя, не почудилось ли ему. Строчки расплывались перед глазами, но он не позволял себе заплакать. Он сжал бумагу в руках, прижал её к груди, туда, где под бронежилетом билось сердце.

- Катька, дура ты... - прошептал он в пустоту, и в его голосе слышалась та смесь боли и нежности, которую он не мог выразить словами. - Зачем ты пишешь мне это? Зачем заставляешь меня ненавидеть эту войну ещё сильнее?..

Он медленно опустился на ящик, стоявший у входа в блиндаж, и уставился в разбитое стекло окна, за которым медленно таял снег. Он видел перед собой её глаза - такие же карие, как у него, с той же искоркой упрямства, с тем же теплом. Он вспомнил, как в детстве она водила его в школу, как защищала от старших мальчишек, как каждое утро завязывала ему шарф, приговаривая: «Не простудись, дура-

чок». Он вспомнил её смех - звонкий, заразительный, который разносился по всей квартире, заставляя даже угрюмого отца улыбаться и он понял: она там, в Киеве, борется со своим страхом точно так же, как он здесь борется со своим. Только её оружие - это слова, а его - автомат.

Рядом, услышав тишину, из блиндажа выбрался Витька. Он привычно поправил ремень каски и, заметив застывшего друга с письмом в руках, подошёл поближе.

что там, Бондарь? От сестры? - спросил Витька, присаживаясь рядом на корточки. Он не лез в душу, но его голос был мягче обычного.

- От Кати, - ответил Алексей, не поднимая глаз. - Она пишет про Киев. Про мобилизацию. Говорит, там такое же пекло. Забирают прямо с улиц, пацанов срывают с рук матерей. Она плачет, пишет, что ей страшно... Она видит, как рушится мир.

Витька помолчал, переваривая информацию. Он вытащил из кармана помятую пачку сигарет, закурил, выпустил струю дыма в холодный воздух.

- Тяжело им там, - сказал он с горечью. - Мы здесь привыкли к этому аду. Мы знаем, откуда прилетит, знаем, где укрыться. А они там - в городах - видят это по-другому. Для них война - это когда из родного дома забирают сына. Это не хуже, чем быть здесь. Просто боль разная, но боль есть у всех.

Алексей наконец поднял голову. В его глазах блеснула

сталь - та самая сталь, которую он копил месяцами, чтобы не сломаться.

- Я напишу ей ответ, - сказал он твёрдо. - Скажу, чтоб держалась. Чтоб не сдавалась. Чтобы помнила: мы здесь не просто так. Мы здесь для того, чтобы, когда всё это закончится, у нас была страна, куда можно вернуться. Где можно будет снова обниматься, не боясь, что разорвёт снаряд.

Он зашёл в блиндаж, сел за столик, вытащил из вещмешка мятый блокнот и шариковую ручку, которая почти перестала писать. Где-то вдалеке снова застучали пулемёты, но Алексей не обращал на них внимания. Он писал, торопливо, будто боялся, что не успеет сказать самое важное.

*«Катя, сестрёнка моя!*

*Спасибо тебе за письмо. Оно до меня дошло, хоть и шло почти месяц. Ты не представляешь, как мне дороги твои слова. Когда я читаю их, мне кажется, что ты рядом, что я слышу твой голос, твой смех. Ты пишешь про страх, про панику, про ужас мобилизации. Я знаю, я всё это вижу. Здесь у нас то же самое. Молодые ребята приходят, дрожат, смотрят на нас, стариков, и ждут, что мы скажем им, что это не так страшно, но мы не врем. Мы говорим им правду: страшно, очень страшно, но бояться - это нормально. Трусость - это когда ты отказываешься идти, когда ты бросаешь товарищей. А страх - это часть нашей жизни.*

*Катя, я хочу, чтобы ты знала одну вещь. Мы, те, кто*

*здесь, - мы не звери. Мы не хотим убивать. Мы хотим, чтобы это всё закончилось. Мы хотим вернуться домой, к нашим семьям. Я хочу вернуться к вам. Я хочу снова сидеть на кухне, пить чай с вареньем, которое ты варишь, и слушать, как папа рассказывает про свой сад. Я хочу обнять тебя и сказать, что люблю тебя.*

*Не сдавайся там, в Киеве. Держись. Война когда-нибудь кончится и когда она кончится, мы снова будем вместе. Мы будем смеяться, будем строить планы, будем жить. Я обещаю тебе, что я вернусь. Верь в это, как я верю и помни: правда сильнее лжи, свет сильнее тьмы, а любовь сильнее ненависти. Это единственное, что имеет значение в этом мире.*

*Твой брат Алёша».*

Он запечатал конверт, нацарапал адрес и передал связисту, который уже собирался уходить обратно. Алексей долго смотрел вслед уходящей фигуре, чувствуя, как лёгкость разливается по телу. Он знал, что письмо дойдёт, что Катя прочтает его и, возможно, улыбнётся сквозь слёзы.

Он вернулся в блиндаж, лёг на нары и уставился в потолок, где между балок висела паутина. Где-то рядом сопел Витька, снаружи хлопала мокрая тряпка, закрывающая проём, а в груди Алексея теплилась та самая искра, которую ему удалось сохранить. Он думал о доме, о семье, о том дне, когда всё это закончится и он знал - этот день настанет.

Часть 4. Новобранцы

Донецк, апрель 2023 года.

Апрель ворвался в Донбасс стремительно, как атакующая рота. За какие-то три дня снег превратился в жидкую грязь, грязь высохла под первыми по-настоящему теплыми лучами солнца, и земля, израненная, истыканная воронками, покрылась первой робкой зеленью. Из-под обломков кирпича и ржавой арматуры пробивались одуванчики - яркие, желтые, кричащие о жизни вопреки всему. Воздух пах весной и порохом в равной пропорции, и этот запах стал для Алексея привычным, как запах собственного пота.

Утро 15 апреля выдалось ясным, почти безоблачным. Алексей стоял у входа в свой блиндаж и чистил автомат, когда услышал нарастающий гул мотора. По разбитой грунтовке, огибая воронки, медленно полз армейский "Урал" с брезентовым верхом, насквозь пропахший соляркой и потом. Машина остановилась в ста метрах от позиции, и из кузова, как горох из мешка, начали высыпаться люди. Их было двадцать три человека - молодые парни и мужчины среднего возраста, одетые в новенькую, еще не ношенную форму, с перекошенными лицами и дрожащими руками, сжимающими такие же новенькие, пахнувшие заводской смазкой автоматы.

Алексей поднялся, отложил тряпку и ветошь. Витька, который сидел на корточках неподалеку, скручивая самокрутку, хмыкнул и сплюнул сквозь зубы:

- О, гляди, Бондарь. Мясо привезли. Свеженькое, с пылу

с жару и смотри, какие стволы - ни одной царапины. Только что с конвейера, а уже на передовую. Красота...

- Заткнись, Вить, - беззлобно ответил Алексей, натягивая каску. - Не каркай. Они такие же, как мы были когда-то. Помнишь себя в четырнадцатом? Тоже героем себя чувствовал, пока первый раз в бою не побывал.

- Ну, я-то сразу был красавцем, - ухмыльнулся Витька, но в голосе его не было насмешки, только горькая ирония. - А эти - гляди, как трясутся. У некоторых коленки ходуном ходят, а у самого мелкого - вообще глаза по пять копеек.

Алексей ничего не ответил. Он смотрел на новобранцев, пытаясь прочитать их лица, угадать их судьбы, понять, кто из них выживет, а кто останется лежать на этой земле через несколько недель. Он всегда мог определить это по глазам. У тех, кто обречен, в глазах была пустота, какая-то стеклянная безнадежность. У тех, кто выживет - огонь. Даже если он был притушен страхом, он все равно теплился где-то в глубине.

Витька, докурив самокрутку, подошел к нему и тихо спросил:

- Ну что, командир, будем вводить в курс дела? Или пусть постоят, прочувствуют атмосферу?

- Подожди, - ответил Алексей, пристально вглядываясь в лица. - Дай им оглядеться. Пусть привыкнут к запаху. Сейчас я подойду.

Он выждал еще пару минут, наблюдая за тем, как новобранцы переминаются с ноги на ногу, как кто-то из них пы-

тается закурить дрожащими пальцами, но спичка ломается, и он чертыхается, вытирая пот со лба. Самый молодой из них - мальчишка с едва пробивающимся пушком над верхней губой - стоял отдельно, сжимая автомат так, что побелели костяшки пальцев. Он смотрел на разбитую дорогу, на обгоревшие остовы домов, на черную, вспаханную землю, и в его глазах застыл ужас, который невозможно было спрятать.

Алексей глубоко вздохнул, поправил ремень, на котором висел его старенький автомат, и сделал шаг вперед. Голос его прозвучал громко и твердо, но без крика - в нем чувствовалась та усталая, но не сломленная сила, которая появляется у людей, прошедших через ад:

- Внимание, бойцы! Строиться!

Новобранцы засуетились, толкая друг друга локтями, пытаясь выстроиться в ровную шеренгу. У некоторых автоматы болтались на ремнях, как игрушки, и дула смотрели в разные стороны. Алексей подошел к одному из них - плотному мужчине с руками, покрытыми мозолями и татуировками, - и мягко, но настойчиво развернул его ствол вниз:

- Оружие - дулом в землю. Никогда не направляй на своих, даже если оно не заряжено. Понял?

- Так точно, - выдавил мужчина, и голос его сел от волнения.

Когда все кое-как выстроились, Алексей прошелся вдоль шеренги, всматриваясь в каждое лицо. Он видел мальчишек, которые никогда не брились, и мужчин, у которых в мирной

жизни были семьи и работа. У одного из них - худого, с очками на переносице - дрожали пальцы так сильно, что он едва удерживал автомат. Алексей остановился перед ним:

- , как звать?

- П... Петро, - ответил парень. - Я... я филолог. Из Донецкого университета. Я никогда не держал оружия в руках, товарищ командир. Я не знаю, что мне делать. Я не могу...

- Стоп, - прервал его Алексей, положив руку на плечо. Голос его стал мягче, почти отеческим. - Ты можешь. Ты сейчас не филолог, ты солдат. Это не значит, что ты перестал быть человеком. Это значит, что твоя работа - выжить и я тебе помогу. Ты умеешь читать, Петро?

- У... умею, - растерянно ответил парень.

- Отлично. Будешь читать карту и следить за приказами. А стрелять научим. Обещаю, к концу недели ты будешь попадать в мишень на сто метров. Поверь, это не так сложно, как кажется. Сложнее - не бояться, но и этому мы научимся. Договорились?

Петро кивнул, и на его глазах выступили слезы. Он быстро смахнул их рукавом и выдохнул:

- Договорились.

Алексей отошел от него и подошел к самому молодому из всех - тому парню с огромными глазами, который стоял, как вкопанный, почти не дыша. Лицо его было бледным, как у покойника, и на лбу выступила испарина, хотя утро было прохладным. Алексей остановился перед ним, и парень

вздрогнул, будто его ударили током.

- А ты, как звать, боец? - спросил Алексей, и в его голосе звучала та спокойная, уверенная интонация, которая всегда успокаивала новичков.

- С... Серега, - едва слышно произнес парень. - Сергей Ткаченко. Из Макеевки. Мне девятнадцать.

- Девятнадцать лет, - медленно повторил Алексей, покачивая головой. Он посмотрел на Серегу долгим, изучающим взглядом. В этом парне было что-то, что напоминало ему его самого в 2014-м. Та же растерянность, тот же недетский испуг, смешанный с отчаянной попыткой выглядеть взрослым. Алексей видел, как дрожит его нижняя губа, как он старается не плакать, как судорожно сглатывает воздух. - Ты боишься, Серега?

Серега хотел сказать "нет", хотел быть храбрым, хотел показать, что он мужчина, но вместо этого из его горла вырвался судорожный вскрик. Он сжал автомат, чувствуя, как холодный металл обжигает ладони, и выдохнул:

- Боюсь... очень боюсь. Я никогда не... я даже не знаю, как это... Я в жизни не стрелял, товарищ командир. Я только в компьютерные игры играл. А тут... тут всё по-настоящему. Я слышал, как стреляют, и я думал, что умру. Когда нас везли - я слышал взрывы. Я думал, это конец.

Алексей молчал несколько секунд, глядя на этого мальчишку, который еще вчера, возможно, сидел за компьютером или гулял с девушкой, а сегодня стоит перед ним, сжи-

мая оружие, которого боится больше, чем врага. Он вспомнил себя в 2014-м - таким же зелёным, таким же напуганным, таким же потерянным. Он помнил, как впервые услышал разрыв снаряда и упал лицом в грязь, молясь всем богам, которых не знал. Он помнил, как его руки тряслись, когда он вставлял магазин в автомат, и, как он боялся, что случайно выстрелит в своих.

- Серега, - сказал Алексей, присаживаясь перед ним на корточки, чтобы быть на уровне его глаз. - Посмотри на меня.

Серега поднял глаза, полные слез. Он смотрел на командира, как на спасителя, как на человека, который должен сказать ему, что всё будет хорошо.

- То, что ты боишься - это нормально, - сказал Алексей, и голос его был пронизан той спокойной, уверенной силой, которая появляется у людей, переживших многое. - Бояться - это естественно. Если ты не боишься - ты либо идиот, либо мертвец. Ты - живой человек. А живые люди боятся, но знаешь, что отличает живого человека от труса? Трус бежит от страха. Живой человек борется со страхом. Я хочу, чтобы ты запомнил одно правило, Серега. Когда тебе будет страшно - не убегай. Не бросай товарищей. Не паникуй. Вместо этого - сожми зубы, сожми оружие и думай о доме. О маме, о девушке, о том, что ты вернешься. Понял?

Серега судорожно кивнул, чувствуя, как слёзы всё-таки катятся по щекам, но он не вытирает их, потому что не хочет,

чтобы командир видел, как он слаб.

- Я по... понял, - прошептал он.

Алексей поднялся, положил руку на плечо Сереги и добавил:

- Я научу тебя всему, что знаю сам. Научу чистить автомат. Научу стрелять. Научу маскироваться. Научу слышать, где летит мина, а где просто гудит ветер. Ты выживешь, Серега. Я сделаю всё, чтобы ты выжил, но ты должен мне пообещать одну вещь.

- Какую? - выдохнул Серега, чувствуя, как страх медленно, но верно отступает под натиском этой уверенности.

- Ты не сдашься., как бы ни было тяжело., как бы ни было страшно. Ты будешь бороться. Ты будешь думать о том, что дома тебя ждут и ты вернешься. Я обещаю, что я сделаю для этого всё возможное, но ты должен мне помочь. Договорились?

- Договорились, - выдохнул Серега, и в его голосе впервые за всё время прозвучала та нотка надежды, которую Алексей так хотел услышать.

Алексей кивнул и отошел к центру шеренги. Он обвел взглядом остальных - Кольку-шахтера, Иваныча-водителя, Петра-филолога, двух братьев-близнецов из Горловки, которые стояли плечом к плечу, как в детстве, и смотрели на командира с одинаково испуганными глазами. Он видел их всех - двадцать три человека, двадцать три судьбы, двадцать три жизни, которые война вырвала из привычного быта и

бросила в эту мясорубку и он знал, что его задача - сделать так, чтобы, как можно больше из них вернулись домой живыми.

- Значит так, - сказал Алексей, повышая голос. - Вы сейчас не гражданские. Вы - мои бойцы. Я - ваш командир. Меня зовут Бондарь. Это мой заместитель - Витька. Мы с ним прошли эту войну с 2014 года. Мы видели такое, что вам и не снилось. Мы потеряли друзей. Мы видели смерть в лицо, но мы выжили и вы выживете. Если будете слушать нас. Если будете учиться. Если не будете геройствовать без нужды.

Витька, стоявший чуть поодаль, усмехнулся и добавил, выпуская струю дыма:

- И запомните, пацаны. На войне нет героев. Есть живые и есть мертвые. Герои - это те, кто гибнет за глупость. А мы хотим жить, да? Значит, будем умными и осторожными и хитрыми. Воюет не тот, кто бежит с автоматом наперевес, а тот, кто умеет ждать и прятаться. Запомните это.

Алексей кивнул, соглашаясь, и продолжил:

- Первые три дня мы не будем воевать. Мы будем учиться. Я покажу вам, как разбирать и чистить автомат, как правильно его держать, как целиться, как перезаряжаться., как маскироваться на местности., как ставить мины., как ориентироваться по компасу и карте., как не наступать на растяжки., как есть и пить, чтобы не отравиться., как спать, чтобы не замёрзнуть и, как не сойти с ума, когда вокруг всё взрывается. Это будет тяжело. Вы будете уставать. Вы будете

хотеть домой, но если вы пройдете это обучение - у вас будет шанс выжить. Если вы не пройдете - вы умрете. Просто и страшно. Я не шучу. Поняли?

- Поняли! - ответили несколько голосов, но большинство молчали, переглядываясь с тревогой.

- А теперь - по порядку, - сказал Алексей. - Я хочу знать, кто вы, откуда и почему вы здесь. Не для отчета - для себя. Чтобы я знал, с кем имею дело. Начнем с тебя, - он указал на Серегу. - Расскажи.

Серега сделал глубокий вдох и начал, сбиваясь, но стараясь говорить ровно:

- Я... я Серега Ткаченко, как я уже говорил. Из Макеевки. В прошлом году я закончил школу. Хотел поступить в университет... в Донецкий, на инженера, но потом началась война. Мобилизация. Мне пришла повестка, и я... я не мог отказаться. У меня мама одна. Папа умер, когда я был маленький. Я её одну оставил... Я не знаю, что с ней. Я ей не звонил уже неделю. У нас связи нет. Мне страшно за неё.

Алексей смотрел на него и чувствовал, как в груди сжимается сердце. В этом парне было столько боли, столько недетского груза, что он невольно подумал: *«Сколько таких мам осталось по ту сторону войны? Сколько парней, которые не успели стать мужчинами, уже лежат в земле?»*, но он не позволил себе разжалобиться. Война не прощает слабости.

- Твоя мама будет жить, Серега, - сказал он твердо. - Ты

вернешься к ней. Я тебе обещаю. Если ты будешь слушать меня, ты вернешься. Теперь ты, - он указал на Кольку-шахтера.

Колька был плотным, коренастым, с огромными руками и лицом, изрезанным морщинами. Его глаза были цвета выцветшего неба, и в них горел тот упрямый, шахтерский огонь, который не погасить ничем.

- Колька Федоров, - сказал он низким, рокочущим голосом. - Из Горловки. Работал на шахте имени Засядько. Десять лет отдал углю. Война меня, можно сказать, из шахты достала. Мне сорок лет. Жена и двое детей остались дома. Сын, шестнадцать лет, дочка - двенадцать. Я должен был идти, командир. Я не мог не пойти. Я понимаю, что здесь нужны такие, как я. Я могу таскать тяжести. Могу рыть. Могу работать, но стрелять... стрелять я не умею. Я никогда не убивал. Даже животных, командир. Хотя на шахте всякое бывало, но человека... я не знаю, смогу ли.

Алексей подошел к нему ближе, глядя в его честные, усталые глаза.

- Колька, - сказал он негромко, чтобы слышал только шахтер. - Я тоже не хотел убивать. Никто не хочет, но когда ты увидишь, что твоих товарищей убивают, или когда на тебя пойдет враг - ты поймешь, что можешь. Ты будешь стрелять, чтобы выжить. Ты будешь стрелять, чтобы защитить своих детей и это будет правильно. Не мучай себя до того, как начнется бой. Просто будь готов.

Колька тяжело вздохнул и кивнул:

- Я понял, командир.

Очередь дошла до Петра-филолога. Парень с дрожащими руками, с очками на переносице, со впалой грудью и бледным лицом. Он снял очки, протер их о рукав и начал:

- Петр Сидоренко. Мне двадцать восемь лет. Я работал в университете - преподавал зарубежную литературу. Я переводил Шекспира. Я думал, что моя жизнь будет связана с книгами и вот, - он развел руками, обводя разрушенный город, - я здесь. Я не могу, командир. Я не умею убивать. Я не хочу. Я прочитал столько книг о войне, но я не готов к ней. Я чувствую, что я здесь случайно. Может быть, меня списали по ошибке? Может быть, я могу что-то сделать... может быть, я могу помогать как-то по-другому? Я писать умею. Я могу писать письма, я могу...

- Стоп, Петро, - остановил его Алексей. Голос его стал строже, но не жестче. - Ты здесь не случайно. Ты здесь потому, что война не выбирает, кто ты был в мирной жизни. Война не спрашивает, умеешь ли ты убивать. Война просто приходит, и ты либо выживаешь, либо умираешь. Ты нужен здесь, Петро. Даже если ты не умеешь стрелять - ты умеешь думать. Ты умеешь читать карты, ты умеешь анализировать. Это тоже оружие. Мы научим тебя стрелять, но твой главный талант - твоя голова. Используй его. Понял?

Петро опустил взгляд и тихо произнес:

- Я понял, командир. Спасибо.

Алексей перевел взгляд на братьев-близнецов. Они стояли рядом, одинаковые, как две капли воды, только у одного на щеке был шрам, а у другого - нет. Они оба смотрели на Алексея с одинаковым испугом, но в глазах одного из них - того, что со шрамом, - горел дерзкий, почти мальчишеский огонек, которого у другого не было.

- , как вас звать? - спросил Алексей.

- Я Миша, - сказал тот, что без шрама. - Это мой брат Саша. Мы из Горловки. Нас призвали вместе. Мы никогда не расставались, командир. Мы хотели пойти в армию еще до войны, но нас не брали - по здоровью. А теперь... - он развел руками, - пришлось.

что у вас со здоровьем? - насторожился Алексей.

- У меня астма, - признался Миша, но я справляюсь. У Саши - близорукость, но мы не хотим уходить. Мы хотим быть вместе, мы хотим воевать. Мы не подведем, командир.

Саша, тот, что со шрамом, добавил:

- Я буду следить за братом. Мы друг за друга горой. Вы не пожалеете, что взяли нас, командир. Мы выносливые. Мы умеем работать и мы быстро учимся.

Алексей посмотрел на них и понял, что эти двое - настоящая находка. Они будут сражаться друг за друга, а значит, у них будет стимул выжить.

- Хорошо, - сказал он. - Останетесь вместе. Будете в одной тройке, но запомните: если один из вас получит ранение - вы не будете его тащить на себе, теряя время. Будете звать

помощь. Поняли? Ваша задача - не совершить глупость из любви к брату. Иначе вы оба погибнете.

- Мы поняли, - хором ответили братья.

Алексей закончил опрос и отошел в сторону, давая новобранцам возможность перевести дух. Он повернулся к Витьке и тихо сказал:

- Слышал, что они говорят? У нас есть шахтер, который умеет рыть окопы лучше любого экскаватора. Есть интеллигент, который может читать карты. Есть пацан, который боится до смерти, но хочет жить и есть два брата, которые готовы умереть друг за друга. Это - хорошие люди, Вить. Я сделаю всё, чтобы они выжили.

- Конечно, сделаешь, - ответил Витька, пряча улыбку. - Ты же у нас герой-спаситель. Ладно, давай уже, начинай их мучить. Время не ждет. Учить их надо быстро, а то завтра может начаться наступление.

Алексей кивнул и вернулся к шеренге. Он хлопнул в ладоши, привлекая внимание:

- Так, вольно! Первое, что мы делаем - учимся разбирать и чистить оружие. Сейчас я покажу вам, как это делается. Смотрите внимательно. Витька, выдай им чистые тряпки и масло и предупреди: если кто-то испортит автомат - будет чистить его ночью при свете фонарика, пока не научится.

Новобранцы засуетились, доставая оружие, и Алексей начал свой урок. Он показывал медленно, четко, с пояснением каждого движения: как нажать на защелку, как выта-

щить магазин, как отсоединить ствольную коробку, как протереть ствол, как смазать механизмы. Он ходил вдоль шеренги, поправляя, подсказывая, ругаясь, когда кто-то путал движения, и хвалил, когда кто-то делал правильно.

Особенно старался Серега. Его пальцы дрожали, когда он пытался вытащить затворную раму, и он чуть не уронил деталь на землю. Алексей подскочил к нему и поймал деталь в воздухе.

- Полегче, Серега, - сказал он. - Детали не любят падать на землю. Ты не в игре, ты в реальности. Если ты уронишь пружину - она закатится под корень дерева, и ты будешь полдня её искать. А если ты ищешь пружину, когда рядом враг - ты труп. Понял?

- Понял, - выдохнул Серега, чувствуя, как краснеют уши.

- Давай ещё раз. Медленно. Я рядом.

Серега повторил движение, и у него получилось. Алексей кивнул с одобрением, и парень, впервые за этот день, почувствовал, как что-то теплое разливается в груди. Он сможет. Он справится. У него есть учитель.

На обед Алексей приказал приготовить горячую еду. Полевая кухня работала с перебоями, но у них были запасы сухарей и тушенки. Он сам разливал суп по мискам, следил, чтобы каждый получил свою порцию. Новобранцы ели молча, с жадностью, чувствуя, как теплая пища возвращает им силы.

- Запомните, - сказал Алексей, сидя на ящике и поме-

шивая ложкой суп. - Когда идете в бой - ешьте всё, что дают. Голодный солдат - мертвый солдат. У вас не будет времени на рестораны. Ешьте, когда есть возможность. Пейте, когда есть вода. Спать старайтесь по очереди и помните: вы - одно целое. Если один из вас устал - другой его подменит. Если один ранен - другой его вытащит. Если один плачет - другой его успокоит. Мы - семья. Я - ваш отец. Витька - ваш злой дядя и мы будем заботиться о вас, как о родных. Поняли?

- Поняли! - ответили уже увереннее, почти хором.

После обеда Алексей продолжил обучение. Показывал, как правильно лежать в окопе, как выглядывать, не подставляя голову, как маскироваться ветками, как ползти попластунски, не поднимая головы. Витька показывал, как ставить мины и растяжки, как обходить их, как определять опасные зоны. Новобранцы устали до предела, но никто не жаловался. Они чувствовали, что каждое новое знание приближает их к выживанию.

К вечеру, когда солнце начало клониться к горизонту, окрашивая разрушенный город в кроваво-красные тона, Алексей остановил занятия.

- Хватит на сегодня, - сказал он. - Сейчас вы будете спать. Завтра продолжим. Витька, распредели их по блиндажам. Серега - ты со мной. Петро - с Витькой. Остальные -, как я скажу.

Ночью, когда все улеглись, Алексей вышел наружу. В небе горели звезды - яркие, холодные, равнодушные. Он закурил,

глядя на них, и думал о том, сколько еще таких ночей ему придется пережить. Сколько еще парней он должен научить, чтобы они не умерли.

К нему тихо подошел Серега. В руках он держал автомат, который так и не выпустил.

- Командир, - тихо сказал он. - Можно я постою с вами? Я не могу уснуть.

Алексей посмотрел на него и понял, что парню нужно не обучение - нужно участие. Нужно, чтобы кто-то просто был рядом.

- Иди сюда, - сказал он, указывая на место рядом с собой. - Садись. Смотри на звезды. Когда я в первый раз попал на войну, я тоже не мог спать. Я смотрел на небо и думал, что моя жизнь кончена. А потом я понял: мы все умрем когда-нибудь, но пока мы живы - мы должны жить. Понимаешь, о чем я?

- Я хочу домой, - прошептал Серега, и его голос дрогнул. - Я хочу к маме. Я хочу, чтобы это всё закончилось.

- Я понимаю, - тихо ответил Алексей. - Я тоже хочу домой, но домой мы вернемся, только если выживем. А чтобы выжить, мы должны быть сильными. Не просто физически - душой. Ты сможешь, Серега. Я верю в тебя. Знаешь почему?

- Почему?

- Потому что ты пришел и спросил. Ты не убежал, ты пришел и попросил помощи. Это - признак силы. Не бойся просить о помощи. Это нормально. Ты не один.

Сергея поднял голову, и в свете звезд Алексей увидел, как в его глазах загорается та самая искра, которую он искал утром.

- Спасибо, командир, - тихо сказал он. - Я постараюсь.

- Постарайся, - кивнул Алексей. - А теперь иди спать. Завтра будет тяжелый день. Нужно будет выкопать новые окопы и учиться стрелять. Настоящей стрельбе, не по картинкам.

Сергея улыбнулся - впервые за весь этот долгий, страшный день - и пошел в блиндаж. Алексей остался один, глядя на звезды. Он знал, что впереди его ждут еще более тяжелые испытания, но он знал и другое: пока у него есть такие, как Серега, как Колька, как Петро, как братья-близнецы - пока у него есть те, в ком теплится жизнь, - его борьба имеет смысл. Он будет учить их, защищать их, вести их сквозь ад, и, если получится, выведет их живыми. Потому что он - Бондарь. А Бондарь не сдаётся.

На следующее утро Алексей поднял всех на рассвете. В воздухе пахло сыростью и горелой листвой. Где-то вдалеке ухнула мина, но никто не вздрогнул новобранцы уже начинали привыкать.

- Сегодня учимся стрелять! - объявил Алексей. - У нас есть мишени - старые каски, доски, железные банки. Каждый должен сделать по тридцать выстрелов. Только практика, пацаны, только она делает из новичка бойца. Начинаем.

Он показывал им, как прицеливаться, как дышать перед выстрелом, как плавно нажимать на спусковой крючок, не

дергая оружие. Серега стрелял впервые. Его руки дрожали, и первые пули уходили в небо. Алексей подошел к нему, встал сзади, положил руки на плечи и направил его автомат.

- Успокойся, - сказал он тихо. - Представь, что ты закрываешь глаза и видишь мишень. Дыши. На вдохе - целься. На выдохе - стреляй. Медленно.

Серега выдохнул, нажал на спуск - пуля ударила точно в центр мишени. Он изумленно уставился на дыру в бумаге.

- Получилось! - закричал он, и в голосе его звучала чистая, искренняя радость.

- Молодец! - одобрительно сказал Алексей. - Ещё раз. Так же.

К концу дня Серега сделал двадцать семь попаданий из тридцати. Он сиял, хотя от усталости валился с ног. Колька, несмотря на свои огромные руки, стрелял точно, как автоматчик со стажем. Петро, который утром боялся даже нажать на спуск, к вечеру уже прицельно бил по банкам. Братья-близнецы работали синхронно, будто одна душа на двоих. Алексей смотрел на них и чувствовал гордость. Эти люди - его бойцы. Эти люди - его семья.

Ночью, когда все уснули, Алексей и Витька сидели у маленького костра, грея остывшие руки.

-, как думаешь, Бондарь, - спросил Витька, затягиваясь самокруткой. - Сколько из них выживет?

Алексей посмотрел на огонь. Он видел языки пламени, которые поднимались вверх, к небу, и думал о том, что каж-

дый из этих парней - , как искра. Кто-то погаснет быстро, кто-то разгорится ярко и сгорит, а кто-то станет огнем, который не погасить. Он не знал, сколько из них доживут до конца войны, но он знал одно: он сделает всё возможное, чтобы спасти каждого.

- Не знаю, Вить, - честно ответил он, но я знаю, что я не оставлю их. Я буду с ними до конца и если я смогу спасти хотя бы половину - значит, я не зря живу.

Витька кивнул и затушил окурок.

- Ты хороший человек, Бондарь. Иногда я думаю, что ты слишком хорош для этой войны, но именно такие, как ты, и держат этот мир.

Они замолчали, глядя на звезды. Где-то далеко снова ухнула артиллерия, но теперь этот звук не пугал - он был частью их жизни, частью их войны.

Часть 5. Обучение

Донецк, май 2023 года.

Май пришел в Донбасс с теплом, которого никто не ожидал. После затяжной, ледяной зимы весна вдруг расправила плечи, залила разрушенные улицы солнечным светом, заставила распусться первые листья на обгоревших деревьях. Воздух стал мягче, пахло цветущей сиренью, которая чудом уцелела в одном из дворов, и молодой травой, пробивающейся сквозь щебень и пепел, но эта красота казалась обманчивой, почти издевательской - война не прекращалась ни на день, просто теперь она велась под пение

птиц и под ярким, щедрым солнцем.

Алексей поднял свой взвод на рассвете, как делал это каждый день. Утренняя заря только начинала окрашивать горизонт в розовые и золотые тона, а на позициях уже кипела работа: разборка автоматов, чистка стволов, проверка боеприпасов. Новобранцы, которых месяц назад привезли на разбитых грузовиках, уже не выглядели, как перепуганные подростки. Их движения стали более уверенными, взгляды - осмысленными, руки перестали дрожать. Алексей смотрел на них и чувствовал гордость. Двадцать три человека, которые в апреле не умели даже правильно держать оружие, сейчас могли разобрать и собрать автомат с закрытыми глазами, могли определить расстояние до цели на глаз, могли ползти по-пластунски, не поднимая головы, могли замаскироваться так, что враг прошел бы в двух метрах и не заметил.

Но Алексей знал, что этого мало. Теория и тренировки - это одно. Настоящий бой - совсем другое и он боялся, что, когда придёт час, их уверенность испарится, как утренний туман. Поэтому он не давал им расслабиться ни на минуту. Каждый день был распisan по минутам: от зарядки до последнего отбоя. Он гонял их по пересечённой местности, заставлял отрабатывать приёмы по сотне раз, пока движения не становились автоматическими, пока тело не запоминало их быстрее, чем мозг.

В начале мая он выстроил взвод на плацу - импровизированной площадке между двумя разрушенными домами, где

они тренировались. Витька стоял рядом с ним, держа в руках старую карту и бинокль. Новобранцы стояли по стойке смирно - ровные, подтянутые, даже форма на них сидела лучше, чем в первый день. Алексей прошелся вдоль шеренги, заглядывая в глаза каждому. В них уже не было того животного страха, который он видел в апреле. Теперь там было нечто другое - смесь уважения, доверия и настороженности.

- За сегодня мы должны отработать несколько ключевых навыков, - сказал Алексей, повышая голос, чтобы его слышали все. - Первое - тактика передвижения в группе. Второе - стрельба по движущимся целям. Третье - оказание первой помощи в полевых условиях. Это не просто упражнения. Это то, что может спасти вам жизнь или убить, если вы ошибетесь. Поэтому я хочу, чтобы вы слушали внимательно, смотрели внимательно и делали так, как я говорю. Никакой самодельности. Вопросы есть?

- Есть! - крикнул Колька-шахтер, поднимая руку. - Командир, а когда мы пойдем в настоящий бой? Мы уже месяц учимся. Мы готовы. Мы хотим показать, что мы умеем.

Алексей посмотрел на Кольку. В его глазах горел тот самый огонь, который появляется у шахтеров, привыкших к риску и тяжелой работе. Он хотел проявить себя, хотел доказать, что он не зря здесь, что он не трус.

- Колька, - сказал Алексей, подходя к нему ближе. - Я понимаю твоё желание, но я не пущу вас в бой до тех пор, пока не буду уверен, что вы готовы на сто процентов. Не на

девяносто девять, а на сто. Потому что в бою цена ошибки - жизнь. Твоя или твоего товарища. Я не хочу хоронить вас из-за того, что вы не научились чему-то на тренировках. Поэтому терпи. Учись и когда я скажу, что вы готовы - тогда пойдем. Понял?

Колька опустил голову, но в его взгляде промелькнула тень обиды. Однако он кивнул:

- Понял, командир.

- Хорошо. Тогда начинаем, - сказал Алексей, беря в руки автомат. - Сейчас я покажу, как правильно двигаться по открытой местности в боевом порядке. Вы разбиваетесь на тройки. Каждая тройка - это звено. Вы двигаетесь зигзагом, перебежками. Один прикрывает, два бегут. Затем меняетесь. Главное - не сбиваться, не высовываться, не отрываться друг от друга. Витька, покажи им.

Витька, до этого стоявший в тени с вечной сигаретой в зубах, лениво выпрямился, бросил окурочок на землю и командовал:

- Серега, Петро, Саша - вперёд. Показывайте, чему научились. Я - за вами. Бондарь прикрывает. По моей команде - побежали!

Серега, чья уверенность росла с каждым днем, кинулся вперед, пригибаясь, перекатываясь через землю, меняя направление каждые пять-шесть шагов. Петро бежал за ним, тяжело дыша, но стараясь не отставать. Саша - один из близнецов - прикрывал их с фланга, оглядываясь на Витьку, ко-

торый двигался сзади, подавая команды руками.

- Отлично! - крикнул Алексей, наблюдая за ними. - Петро, ты слишком высоко поднимаешь голову! Пригнись! Серега, ты слишком часто меняешь направление - сбиваешь ритм! Саша, держи фланг, не уходи в сторону!

Тройка вернулась через минуту. Петро тяжело дышал, держась за бок. Серега был немного сконфужен. Саша - невозмутим, как всегда.

- Повторим! - скомандовал Алексей. - И так - до тех пор, пока не будет идеально! Время не ждет!

Они повторяли это упражнение снова и снова. Солнце поднималось все выше, и к полудню жара стала почти невыносимой. Форма промокла от пота, лица покраснели, некоторые сняли каски, чтобы остудиться. Алексей, который тоже вспотел, но не снимал каску, остановил тренировку на час, приказав сделать перерыв на обед.

Новобранцы разбрелись по тени, жадно хватая фляги с водой. Кто-то достал сухари, кто-то - банку тушенки, которую делили на всех. Алексей сел в тени старого, обгоревшего тополя, который чудом уцелел после артобстрела, и тоже открыл свою флягу. Рядом с ним устроился Витька, который, казалось, совсем не устал, хотя выглядел так, будто может бегать еще сутки без остановки.

- Хорошие ребята, - сказал Витька тихо, кивая в сторону новобранцев. - У них есть потенциал. Особенно Серега. Этот пацан быстро учится. Помнишь, в апреле он боялся даже ав-

томат взять в руки? А сейчас - гляди, как он бегаёт. Лучше многих. У него инстинкт.

- Да, - согласился Алексей, глядя на Серегу, который сидел чуть поодаль и о чем-то оживленно говорил с Петро. - Этот выживет. Я чувствую. У него есть огонь. Просто он сам не знает об этом, но мы ему поможем.

Витька усмехнулся:

- Ты опять пытаешься спасти всех. Бондарь, посмотри правде в глаза - не всех мы сможем спасти. Кто-то погибнет. Ты знаешь это.

- Я знаю, - ответил Алексей, и его голос стал тверже, но я буду делать всё, чтобы это были не они и точка.

Витька пожал плечами и замолчал, понимая, что спорить бесполезно.

После обеда Алексей построил взвод на полигоне - расчищенной площадке, где были расставлены мишени. Это были старые каски, доски, банки, ржавые канистры - всё, что могло послужить целью.

- Теперь - стрельба по движущимся целям, - объявил он. - Мы будем бросать пустые банки, чтобы они катились по земле. Ваша задача - попасть в них с первого выстрела. Это сложно, но это реальность боя. Враг не будет стоять на месте. Он будет бежать, прятаться, уворачиваться. Поэтому вы должны уметь стрелять в движущуюся цель. Начинаем.

Он сам бросил первую банку - она покатила по земле, подпрыгивая на камнях. Серега, стоявший в шеренге,

поднял автомат, прицелился и выстрелил. Пуля прошла в нескольких сантиметрах от банки, взрыхлив землю.

- Промах, - спокойно сказал Алексей. - Почему?

Сергея смутился:

- Я... я не учел скорость, командир. Она быстро катилась.

- Правильно, - кивнул Алексей. - Запомни: ты целишься не туда, где цель сейчас, а туда, где она будет через секунду. Берешь упреждение. Винтовочный прицел уводишь чуть вперед. Попробуй еще раз.

Сергея выдохнул, сосредоточился. Алексей бросил вторую банку. Сергей взял упреждение, нажал на спуск. Пуля ударила точно в середину банки, отбросив её в сторону. Он изумленно уставился на результат.

- Попадание! - улыбнулся Алексей. - Отлично, Сергей! Запомни это чувство и так будет всегда, если ты правильно прицелишься. Теперь ты, Колька.

Колька, который ждал своей очереди, вышел вперед. Алексей бросил банку, и шахтер, не целясь, выстрелил. Банка подскочила от попадания. Он растерянно опустил оружие.

- Я даже не прицелился, - пробормотал он.

- Интуиция, - ответил Алексей. - Это хорошо. У тебя есть глазомер. Развивай его.

Остаток дня прошел в стрельбе. Новобранцы пытались попасть в банки, в мишени, которые перемещали на веревках. Кто-то промахивался, кто-то попадал, но к вечеру у каждого была хотя бы одна серия точных выстрелов. Алек-

сей и Витька помогли всем, показывая, исправляя ошибки, хваля за успехи.

К вечеру, когда солнце стало клониться к горизонту, Алексей объявил:

- А теперь - самое сложное. Тактическая медицина. Мы научимся накладывать жгуты, делать перевязки, останавливать кровотечения. Это не менее важно, чем стрельба. Потому что, если вы не сможете помочь товарищу в бою, он умрет. А если умрет ваш товарищ - вы потеряете часть себя. Я хочу, чтобы вы это поняли.

Он приказал Витьке достать медицинские сумки - старые, но чистые и укомплектованные. Витька разложил перед ними жгуты, бинты, пластыри, шины. Алексей встал перед ними и начал демонстрацию:

- Первое. Вы видите, что у вашего товарища сильное кровотечение из руки или ноги., как вы действуете?

Он взял жгут и показал, как его накладывать, как затягивать, как фиксировать время. Он повторил это несколько раз, пока каждый из новобранцев не попробовал сделать это сам. Серега старался особенно внимательно, потому что его руки всё еще дрожали, но он хотел научиться.

- Второе, - продолжал Алексей. - Вы видите, что у товарища пулевое ранение в грудь. Что вы делаете?

Он показал, как накладывать окклюзионную повязку, чтобы воздух не поступал в плевральную полость, как герметизировать рану, чтобы не было пневмоторакса.

- Это - самое опасное ранение, - сказал Алексей. - Если вы не закроете рану, легкое спадет, и человек умрет от удушья. Это происходит быстро - за несколько минут. Поэтому действовать надо мгновенно. Кто хочет попробовать?

Вызвался Петро. Его руки дрожали, когда он пытался наложить повязку, но он справился. Алексей одобрительно кивнул.

- Молодец, Петро. Ты быстро учишься. Теперь - третье., как вытащить раненого с поля боя, не подвергая его и себя опасности?

Он показал, как тащить раненого, держа его за плечи или за ляжки, как использовать подручные средства для транспортировки. Новобранцы отработывали это в парах, таская друг друга по земле, пока не устали до изнеможения.

Ночью, когда занятия закончились, новобранцы сидели у костра, который разожгли в небольшом укрытии между стенами разрушенного дома. Пламя освещало их лица - усталые, но довольные. Витька крутил на палке банку с тушенкой, разогревая её для ужина. Алексей сидел чуть поодаль, прислонившись спиной к стене, и смотрел на огонь.

Сергея подсел к нему, держа в руках кружку с чаем.

- Командир, - сказал он тихо, чтобы никто больше не слышал. - Я хочу вам сказать спасибо. За всё. За то, что вы не бросили нас. За то, что учите. За то, что...

Он замолчал, подыскивая слова. Алексей повернулся к нему и увидел, как в глазах парня блестят слезы.

- За то, что вы дали мне надежду, - закончил Серега. - Я думал, я умру здесь. Я думал, что война - это конец, но вы показали мне, что можно бороться. Что можно жить. Даже здесь.

Алексей долго молчал, глядя на парня. Он вспомнил, как сам в 2014-м сидел у костра и тоже спрашивал старших: "Скажите, я выживу?" Ему тогда тоже отвечали, что он выживет, что он сильный и он выжил.

- Серега, - ответил он наконец, и голос его был мягким, но твердым. - Ты - хороший парень. У тебя есть сердце, есть смелость, есть желание. Это главное. Всему остальному я тебя научу. Ты не умрешь здесь. Я тебе обещаю. Если я смогу - ты вернешься домой, но ты должен верить в это сам. Без веры - никуда. Ты понял?

Серега кивнул и утер слезы рукавом.

- Понял, командир. Спасибо.

- Иди отдыхай, - сказал Алексей, похлопав его по плечу.

- Завтра будет новый день. Будем учиться дальше.

Серега ушел в блиндаж, а Алексей остался у костра. К нему подсел Колька, который, казалось, все еще думал о том разговоре про бой.

- Командир, - сказал он, тяжело вздыхая. - Я понимаю, что вы не хотите нас рано кидать в бой, но я скажу вам честно: я боюсь, что когда мы пойдем в настоящий бой, я струшу. Я проиграю. Я подведу вас. Что мне делать?

Алексей посмотрел на шахтера, на его лицо, изрезанное

морщинами, на его руки, привыкшие к тяжелой работе, и понял, что этот человек боится не смерти, а позора. Он боялся не оправдать ожиданий. Алексей взял кружку с чаем, сделал глоток и медленно заговорил:

- Колька, послушай меня. Я видел много бойцов. Кто-то был крутым, кто-то нет, но я скажу тебе одну вещь: трус не тот, кто боится. Трус - тот, кто убегает, когда рядом гибнут его товарищи. Ты не трус, Колька. Ты мужик. Ты двадцать лет под землей работал, рисковал жизнью каждый день. Ты не знаешь, что такое страх перед войной? Ты уже пережил страшнее - ты пережил обвалы, ты пережил взрывы метана, ты пережил гибель товарищей на шахте. Это ничем не отличается, Колька. Просто там ты работал, а здесь - будешь воевать. Ты справишься. Ты уже справился.

Колька долго молчал, переваривая услышанное. Затем его глаза заблестели, и он тяжело выдохнул:

- Спасибо, командир. Я запомню.

- Иди, Колька, отдохни. Завтра еще стрельба будет. Всё, о чем я прошу - будь собой. Остальное придет.

Колька ушел, и костер остался гореть только для Алексея. Он смотрел на пламя, слышал, как за стенами разрушенного дома тихо стрекочут сверчки, и чувствовал, что, несмотря на всю жестокость войны, он всё еще способен на что-то доброе. Он строил мосты. Снова и снова. Между страхом и смелостью, между отчаянием и надеждой, между жизнью и смертью.

Утром, когда солнце взошло, Алексей поднял всех на зарядку, а затем объявил:

- Сегодня мы пойдем в учебный бой. Без настоящих патронов, но - по-настоящему. Вы должны показать, чему научились. Я и Витька будем вас атаковать, а вы - обороняться. Если вы нас не заметите и не отобьете - мы "убьем" вас. Если мы вас "убьем" - вы останетесь без ужина. Начинаем. Все по позициям!

Новобранцы разбежались по укрытиям, занимая оборону. Глаза их горели азартом. Серега залег за разбитой стеной, Петро - в окопе за старым бетонным блоком, Колька прикрывал левый фланг. Братья-близнецы заняли центр. Алексей и Витька, скрываясь в развалинах, начали медленно приближаться, используя все тактические уловки, которым учили новобранцев.

Алексей полз по-пластунски, почти сливаясь с землей, и думал: "Они должны выстоять. Они должны показать, что готовы. Если они нас не заметят - мы не пустим их в бой. Они еще не готовы", но через несколько минут раздался крик Сереги:

- Движение слева! Командир, я вас вижу!

Пустая гильза, которую Серега бросил в сторону Алексея, ударила рядом с ним. Алексей улыбнулся. Он был пойман. Парни выдержали. Он поднялся и громко сказал:

- Отбой! Вижу, что вы готовы. Мы вас не прошли. Серега, ты меня заметил. Ты спас всех. Молодец.

Сергея, мокрый от пота, но сияющий, вылез из укрытия. Остальные новобранцы тоже поднялись с радостными лицами. Они чувствовали себя настоящими солдатами, они чувствовали себя командой. Алексей подошел к Витьке и тихо сказал:

- Они готовы, Вить. Еще неделя - и можно будет брать их в настоящий бой.

Витька кивнул:

- Ты прав, Бондарь. Они готовы. Им только не хватает уверенности, но ты им ее дашь.

Алексей знал, что впереди их ждут испытания, которые будут страшнее любых тренировок, но он знал и другое: эти парни - его бойцы. Он вложил в них всё, что у него было: опыт, знания, душу и он верил, что они выживут. Он верил, что его мосты - между страхом и надеждой, между жизнью и смертью - не рухнут. Он будет строить их до самого конца, потому что это его война, его жизнь, его правда.

Часть 6. Первый бой

Донецк, июнь 2023 года.

Июнь в Донбассе был злым. Летнее солнце, которое в мирное время радовало бы теплом, теперь лишь иссушало землю, превращая её в пыль, которая поднималась облаками при каждом движении. Воздух был тягучим и тяжёлым, пропитанным запахом гари, пороха и разлагающейся плоти, которую не успевали убирать с нейтральной полосы. Цикады стрекотали с утра до ночи, словно издеваясь, создавая жут-

кий контраст между мирным звуком природы и ритмичными разрывами артиллерийских снарядов, сотрясавших землю каждые несколько минут.

Алексей знал, что бой неизбежен. Разведка донесла: противник готовит наступление на их участке, пытаясь продавить оборону и выйти к важной высоте, с которой открывался стратегический обзор на Донецк. Их позиция была одной из ключевых. Если враг прорвётся здесь - линия обороны рухнет, и отступить будет некуда. Алексей собрал взвод на утреннем построении, когда солнце только поднималось над горизонтом, окрашивая небо в кроваво-красные тона. Он стоял перед ними в полной боевой выкладке, сжимая в руках свой старый автомат, и смотрел на двадцать три лица - двадцать три судьбы, которые он должен был провести через огонь.

- Внимание, бойцы, - сказал он, и голос его звучал ровно, но в нём чувствовалась та стальная твёрдость, которая появляется у командира перед решающей битвой. - Я получил приказ. Сегодня мы принимаем бой. Противник наступает с юго-восточного направления. У них численное преимущество и поддержка артиллерии, но у нас есть позиции, у нас есть подготовка и у нас есть я - я вас не брошу. Мы будем держаться до последнего патрона. Это не тренировка. Это жизнь. Мы либо выживем, либо нет. Я сделаю всё, чтобы мы выжили, но вы должны слушать меня, как никогда. Вы поняли?

Взвод молчал, но в их глазах он видел то, что хотел увидеть: не панику, не ужас, а сосредоточенность и готовность. Серега стоял в первом ряду - его лицо было бледнее обычного, но руки не дрожали. Колька сжимал свой автомат так сильно, что побелели костяшки, но его взгляд был твёрдым. Петро, который месяц назад боялся даже смотреть на оружие, стоял с застывшим, но решительным лицом. Братья-близнецы, как всегда, плечом к плечу. Алексей кивнул, удовлетворённый тем, что увидел:

- Хорошо. Теперь - по позициям. Серега, ты с правого фланга. Колька - с левого. Петро, ты в центре, будешь корректировать огонь и передавать приказы. Саша и Миша - прикрываете тылы, чтобы нас не обошли. Витька - со мной в центре. Все поняли?

- Так точно! - ответили двадцать три голоса, и в них звучала та уверенность, которая рождается только тогда, когда человек знает, что он не один.

Новобранцы разбежались по позициям, занимая заранее подготовленные огневые точки. Окопы были укреплены мешками с песком, брустверы - прикрыты маскировочными сетями. Алексей проверил каждую позицию, убедился, что у каждого достаточно боеприпасов, что гранаты находятся под рукой, что аптечки пристёгнуты к поясам. Затем он залёг в центре, рядом с Витькой, и принялся к биноклю.

- Вижу движение, - сказал Витька через несколько минут, указывая пальцем вдаль. - Там, за лесополосой. Пехота. Две,

нет - три группы. Есть бронетехника, кажется, БТР. Идут в нашу сторону.

Алексей поднял бинокль. Да, он видел их - чёрные фигурки, ползущие по земле, маскирующиеся за кустами и камнями. Опытный глаз подсказывал ему, что это не разведка - это полноценное наступление. Он опустил бинокль и повернулся к взводу:

- Приготовиться! Враг в пятистах метрах. Огонь не открывать до моего приказа. Ждём, пока подойдут на дистанцию уверенного поражения. Спокойно, без паники. Дышите ровно. Помните, чему я вас учил.

В окопах стало тихо, очень тихо. Слышно было только, как где-то вдалеке перекрикиваются птицы, и, как ветер шелестит сухой травой, но эта тишина была обманчивой - она была напряжённой, как струна, готовая лопнуть в любой момент. Серега, лежавший на правом фланге, чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Он сжимал автомат и смотрел в прицел, видя перед собой медленно приближающиеся фигуры. Они казались ему призраками, вышедшими из ада. Он вспомнил, чему учил Алексей: "Дыши ровно. Не торопись. Целься в корпус. Жди команды". Он закрыл глаза на секунду, сделал глубокий вдох и открыл их снова. Страх никуда не делся, но теперь он был контролируемым.

Колька на левом фланге смотрел, как враг приближается. Шахтёрская закалка брала своё - он не паниковал, он работал. Он вспоминал, как спускался в шахту, как чувство-

вал, что над тобой - сотни метров земли, которые могут обрушиться в любой момент. Это было похоже. Только теперь над ним - небо, а впереди - люди, которые хотят его убить.

- Триста метров, - прошептал Витька, прижимаясь к прицелу. - Двести пятьдесят. Бондарь, пора?

- Ещё немного, - ответил Алексей, не отрывая глаз от бинокля. - Пусть подойдут ближе. Сто метров. На этом расстоянии мы не промахнёмся.

Враг продолжал двигаться, не подозревая, что их засекли. Они шли уверенно, видимо, полагая, что позиция слабо защищена. Алексей ждал. Каждая секунда казалась вечностью. Сердце билось ровно, но быстро. Он знал, что сейчас решится всё.

- Сто метров, - прошептал он. - Серега, левый фланг, готовность! Колька, правый, готовность! Центр, внимание! Огонь по моей команде. Ждём...

Он сделал паузу, чувствуя, как воздух вокруг сгущается, как каждое движение врага приближает их к точке невозврата. А затем он закричал, и голос его прорвал тишину, как выстрел:

- Огонь!

И всё вокруг взорвалось.

Автоматные очереди хлестнули по утреннему воздуху, разрывая его в клочья. Пули засвистели над окопами, ударяя в землю, выбивая фонтаны пыли. Колька, не раздумывая, нажал на спуск, и его автомат задрожал в руках, выбрасывая

гильзы. Он видел, как первая вражеская фигура упала, как вторая, третья - и почувствовал, как холодок пробежал по спине. Это был не страх. Это была реальность. Он убил человека, но времени думать об этом не было.

Сереге тоже стрелял, и с каждой очередью он становился всё увереннее. Он вспоминал тренировки, вспоминал, как целился в банки и мишени, и теперь делал то же самое, только цели были живыми. Он слышал крики, слышал разрывы гранат, чувствовал, как земля содрогается от взрывов, но он не паниковал. Он работал.

- Слева! Слева заходят! - закричал Петро, который корректировал огонь с центра. - Трое, пытаются обойти!

- Сереге! - крикнул Алексей. - Твоя зона! Не дай им подойти!

Сереге развернулся и начал стрелять по левому флангу, прикрываясь от вражеских пуль. Одна из них пролетела в сантиметре от его головы, и он почувствовал, как по лицу потекла тёплая кровь - осколок камня, выбитый пулей, поцарапал щеку, но он не обратил на это внимания. Он продолжал стрелять, чувствуя, как каждое нажатие на спуск приближает его к победе или к смерти.

Братья-близнецы держали тылы. Саша, который всегда был чуть более дерзким, чем брат, заметил, как вражеский солдат пытается зайти с фланга. Он крикнул брату:

- Миша, я его вижу! Прикрывай меня! Я сейчас!

Миша, хоть и был тише брата, действовал так же быстро.

Он выстрелил в сторону противника, подавляя его огнём, и Саша, сделав перебежку, закинул гранату. Взрыв прогремел в нескольких метрах от них, и вражеский солдат исчез в облаке дыма. Саша упал на землю, тяжело дыша, и Миша подполз к нему:

- Ты как? Цел?

- Цел, - хрипло ответил Саша. - Жив. Будем жить.

Витька в центре отбивался от наступающих, меняя магазины с молниеносной скоростью. Он стрелял длинными очередями, не давая врагу поднять головы. Алексей, стоя рядом с ним, корректировал огонь, перемещаясь от одной точки к другой, подбадривая новобранцев:

- Молодцы! Держимся! Серега, левее, не дай им пройти! Колька, правый фланг, видишь того, с пулемётом? Снимай его! Петро, огонь по центру!

Бой длился, казалось, целую вечность. Пули свистели над головами, взрывы сотрясали землю, небо заволочло дымом и пылью, но постепенно натиск врага начал ослабевать. Они потеряли много людей, их атака захлебнулась, и они начали отступать, оставляя на поле убитых и раненых.

- Отходят! - крикнул Витька, снимая с пояса гранату и бросая её в сторону убегающих врагов. - Ещё немного, ребята! Держимся!

И вдруг - тишина. Та напряжённая, звенящая тишина, которая бывает только после боя, когда внезапно понимаешь, что жив, что твои товарищи живы, что ты выдержал. Алек-

сей опустил автомат, снял каску и оглядел поле боя. Враги отступали, их остатки скрывались за лесополосой. Дым медленно рассеивался, открывая израненную землю.

- Отбой, - сказал он, и в его голосе была та усталая, но удовлетворённая интонация, которая появляется у людей, прошедших через ад. - Бой окончен. Мы выстояли.

По окопам прошёл вздох облегчения. Кто-то засмеялся, кто-то заплакал, кто-то просто упал на землю, не в силах больше стоять. Серега, тяжело дыша, посмотрел на свои руки. Они дрожали, но он был жив. Он смотрел на поле боя, где лежали тела врагов, и чувствовал, как его сердце постепенно замедляет свой бег.

- Я жив, - прошептал он, не веря своим словам. - Я жив. Колька подошёл к нему, тяжело дыша, и похлопал по плечу:

- Жив, пацан. Жив. Мы все живы. Спасибо Бондарю. Алексей прошёл вдоль позиций, проверяя каждого бойца. У некоторых были царапины, у Петро - небольшая контузия, но все были живы. Он почувствовал, как невидимый груз свалился с плеч. Он смог. Они смогли.

Когда все немного пришли в себя, Алексей собрал взвод в центре позиции. Солнце уже поднялось высоко, заливая землю ярким светом, но он не чувствовал его тепла - только усталость. Он посмотрел на лица своих бойцов: грязные, мокрые от пота, с красными глазами, но в них горел огонь - огонь победы, огонь жизни.

- Слушайте меня, - начал он, и голос его звучал тихо, но твердо. - Вы сегодня сделали то, чего я от вас ждал. Вы выстояли. Вы не дрогнули. Вы показали, что вы - бойцы. Я знаю, что вам было страшно. Мне тоже было страшно, но мы сделали это. Мы показали, что нашу землю так просто не взять.

Он прошёл вдоль шеренги, заглядывая в глаза каждому, и его взгляд задержался на Сереге. Парень стоял, сжимая в руках автомат, и его лицо было бледным, но в глазах уже не было страха. Алексей подошёл к нему и положил руку на плечо:

- Серега, ты сегодня был настоящим мужчиной. Не каждый выдерживает первый бой, а ты выдержал. Ты не сдался. Я горжусь тобой.

Серега, у которого дрожали ноги и сердце колотилось где-то в горле, просто кивнул. Он не мог говорить - комок в горле мешал ему произнести хоть слово, но глаза его говорили за него: "Спасибо. Я выжил. Я сделал это".

Алексей повернулся к остальным:

- Сегодня мы увидели войну. Настоящую. Я знаю, что многие из вас думали, что это будет легче. Что это будет, как в кино, но это не так. Это грязно, страшно и больно, но вы выдержали и я обещаю вам: мы будем держаться дальше, сколько бы времени это ни заняло. Мы будем защищать нашу землю, пока есть силы. А теперь - отдыхайте. По очереди - спать, есть, чистить оружие. Завтра будет новый день. А

сегодня - вы победили.

Новобранцы начали расходиться по позициям, но несколько человек задержались. Витька, подойдя к Алексею, тихо спросил:

что чувствуешь, Бондарь? Первый бой для этих пацанов. У них сегодня день рождения. Или день смерти для кого-то.

- Не знаю, - честно ответил Алексей. - Я чувствую усталость, но я чувствую и гордость. Они выдержали. Они не сдались. Я видел, как Серега стрелял - он делал это, как автомат, как будто тренировался всю жизнь. Колька - вообще зверь, прикрыл фланг, когда нужно было. Эти ребята, Вить, они - будущее и я не позволю им умереть.

- А ты всё думаешь о том, что будет после войны, - усмехнулся Витька. - Когда она закончится, ты будешь рассказывать внукам, как учил мальчишек воевать.

Алексей усмехнулся в ответ:

- Может быть, но пока - я просто хочу, чтобы они выжили. Чтобы у них были внуки.

Позже, когда сумерки начали спускаться на израненную землю, Серега сидел у костра и смотрел на пламя. Рядом с ним присел Алексей. Некоторое время они молчали, глядя на огонь, который потрескивал и освещал их лица.

- Командир, - сказал наконец Серега, и голос его звучал по-новому - глубже и увереннее, чем раньше. - Сегодня я убил человека. Я не знаю, сколько, но я убил. Я думал, что после этого мне будет страшно. Что я сойду с ума, но я чув-

ствую... я не знаю, что я чувствую. Не гордость. Не радость. Просто... я жив и я сделал то, что должен был.

Алексей повернулся к нему и посмотрел в глаза:

- Серега, то, что ты чувствуешь - это нормально. Это - человеческое. Мы не рождены убивать, но когда нас заставляют защищать дом, мы делаем это и ты не должен винить себя. Ты защищал товарищей. Ты защищал себя. Это - не преступление, это - долг и ты его выполнил.

Серега кивнул, чувствуя, как слова командира проникают в его душу:

- Спасибо, Бондарь. Вы сделали меня мужчиной. До этого я был просто мальчишкой. А сегодня я почувствовал, что я что-то значу. Что я могу что-то изменить.

- Ты уже изменил, - ответил Алексей. - Сегодня ты изменил ход боя. Если бы ты не ударил с фланга, мы могли бы не выдержать. Ты спас нас. Помни это.

Они ещё долго сидели у костра, и Алексей рассказывал о своей первой войне, о том, как он впервые взял в руки оружие, как он боялся, как он терял друзей, как он учился жить заново. Он говорил так, будто передавал эстафету - не просто воинского мастерства, а человеческой силы. Серега слушал, запоминал каждое слово. Он знал, что когда-нибудь, если он выживет, он будет рассказывать эту историю своим детям. Он будет рассказывать им о человеке по имени Бондарь, который научил его быть мужчиной.

Когда костер почти догорел, Серега встал, отряхнул грязь

с формы и сказал:

- Командир, я пойду. Завтра нужно будет укреплять позиции. Я не хочу подводить вас.

- Иди, Серега, - сказал Алексей, и в его голосе слышалась тёплая усталость. - Иди отдыхай. Завтра у нас много дел.

Серега ушёл, а Алексей остался один. Он смотрел на угасающий огонь и думал о том, что каждый день на этой войне - это мост. Он соединяет страх и мужество, прошлое и будущее, надежду и отчаяние и сегодня он построил ещё один мост - в душах своих бойцов. Они больше не новобранцы. Они - воины. Они прошли через огонь и вышли из него живыми и он знал, что сколько бы ещё не пришлось строить таких мостов, он будет делать это до самого конца

Часть 7. Письмо отцу

Донецк, июль 2023 года.

Июль в Донбассе был беспощадным. Жара стояла такая, что воздух дрожал над раскалённой землей, превращая и без того израненный ландшафт в подобие пустыни. Пыль поднималась при каждом шаге, оседая на форме, на оружии, в легких. Солнце палило нещадно, и даже в тени блиндажа температура поднималась выше тридцати градусов. Спасала только вода, которую привозили раз в два дня, и редкие часы затишья, когда можно было снять бронезилет и выдохнуть.

Алексей сидел в своём блиндаже - тесном, пропахшем сыростью, потом и махоркой. Свеча, стоявшая на перевернутом ящике из-под снарядов, отбрасывала на стены дрожащие

тени, создавая иллюзию уюта. Рядом на столе лежал блокнот с исписанными страницами и старая, почти стёртая ручка. В углу стоял автомат, всегда готовый к бою. За брезентом, прикрывающим вход, слышались голоса новобранцев, смех, какой-то спор - жизнь продолжалась, даже в этих условиях.

Сегодня выдался редкий день - почти полное затишье. Артиллерия молчала уже третий час, и эта тишина была почти пугающей, но Алексей знал, что она обманчива. Завтра снова начнётся. Поэтому он решил использовать этот час, чтобы сделать то, что откладывал уже несколько недель - написать письмо отцу.

Он открыл блокнот на чистой странице. Ручка замерла над бумагой. Мысли метались, как перепуганные птицы, не желая укладываться в слова. С чего начать? Как рассказать отцу о том, что видел он в последние дни? О том, как новобранцы - такие же мальчишки, как он сам когда-то - шли в свой первый бой? О том, как Серега, дрожащий и бледный, нажал на спуск и убил человека? О том, как Колька, ветеран шахты, прикрывал фланг, не думая о себе? О том, как Петро, филолог, переводивший Шекспира, держал в руках гранату и не дрожал? О том, как братья-близнецы вытащили раненого товарища под пулями?

Алексей закрыл глаза и глубоко вздохнул. В голове зазвучал голос отца - тот самый, спокойный, мудрый, который всегда находил нужные слова. Он вспомнил, как в детстве, когда он упал с велосипеда и разбил коленку, отец не ругал

его, не говорил, что он неловкий. Он просто присел рядом, осмотрел ранку и сказал: "Ничего, сынок, заживёт. Все падают. Важно подняться". Это было так просто и так глубоко одновременно.

И сейчас, сидя в блиндаже, окружённый войной, Алексей понял, что он хочет сказать отцу именно это: "Я падал, но поднимался и я продолжаю подниматься, потому что ты научил меня этому". Он взял ручку и начал писать, и слова потекли легко и ровно, будто давно ждали этого момента:

*«Здравствуй, мой родной батя!*

*Я пишу тебе это письмо в тихий вечер, какой редко выпадает здесь, на передовой. Сейчас, слава богу, относительное затишье. Артиллерия молчит, и я могу наконец собраться с мыслями и рассказать тебе, как мы живём, но я знаю, что эта тишина обманчива - завтра всё начнётся сначала, но сегодня у меня есть время подумать о тебе, о доме, о том, что действительно важно.*

*Ты знаешь, последние недели были невероятно тяжёлыми. У нас пополнение - двадцать три парня, совсем зелёных, многие из них даже оружия в руках не держали. Когда они пришли в апреле, я смотрел на них и видел себя в 2014-м - таким же молодым, наивным, ничего не понимающим в этой войне. Они боялись, батя. Боялись так, что у некоторых зубы стучали, когда они брали в руки автомат. Они смотрели на меня, как на спасателя, как на того, кто должен сказать им, что всё будет хорошо, но я не мог им*

*врать. Я говорил им правду: будет трудно, страшно, больно, но я научил их всему, что знал сам и они стали настоящими бойцами.*

*Эти парни - моя новая семья. Серега - пацан девятнадцати лет, из Макеевки, у него мама одна, и он её очень любит. Он боялся так, что у него руки дрожали, когда он впервые взял автомат, но он не сдался. Он слушал, учился, работал над собой и в первом бою он показал себя, как настоящий мужчина - прикрывал фланг, не дал врагам обойти нас. Я горжусь им, батя. Я горжусь, что я его учил.*

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.